ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 6 (4500)

5 февраля 1975 г. СРЕДА

СОРЕВНОВАНИЕ: опыт миллионов

ЧЕРЕЗ три дня после свершения Октябрьской революции на Путиловский завод приехал В. И. Ленин. Он обратился к рабочим с просьбой ускорить строительство бронепоезда, необходимого для защиты революционного Петрограда. С огромным энтузиазмом выполнили путиловцы ленинское поручение. Самоотверженная работа путиловцев дала первые зачатки социалистического отношения к труду.

Великие цели рождали и великие начинания. 5 марта 1929 года коллектив ленинградского завода «Красный выборжец» призвал трудящихся страны начать соревнование. Через несколько дней бригада рабочего М. Путина подписывает первый в истории договор о социалистическом соревновании.

Соревнование стало делом широких масс. Ныне в нем участвует более 80 млн. человек. Как одна из важнейших движущих сил социалистического общества, социалистическое соревнование в нашей стране сделалась неотъемлемой чертой жизни и деятельности буквально каждого трудового коллектива.

С каждым годом, с каждым днем социалистическое соревнование поднимается на все более высокую ступень, становится разнообразнее и богаче по содержанию и формам проявления. Сегодня главным направлением этого качества, повышение эффективности производства.

Первый месяц 1975 года, года [illegible] пятилетки, ознаменовался [illegible] достижениями, новыми замечательными обязательствами трудящихся всех областей, краев, республик... Вписались героев пятилетки великими новыми именами ударников производства, на которых равняются, у которых учатся миллионы тружеников.

Большую, эффективную работу по пропаганде передовых методов и форм социалистического соревнования проводит Выставка, достижений народного хозяйства. Недавно здесь под девизом «Планы партии — планы народа» открылась первая Всесоюзная выставка лучших образцов наглядной агитации. На ней — более 3 тысяч экспонатов. Многие из них посвящены социалистическому соревнованию. Актуальные лозунги и плакаты, красочные панно, доски трудовой славы, тематические стенды и фотовитрины ярко и убедительно рассказывают о славных трудовых начинаниях, о новаторах и передовых коллективах. Альбомы, сборники, плакаты пропагандируют решения XXIV съезда КПСС, постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о социалистическом соревновании, Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу...

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Наша страна вступила в 1975 год — завершающий год девятой пятилетки. Отобразить вдохновенный труд советских людей, раскрыть богатый внутренний мир современника — строителя коммунизма, показать социально-экономические, политические и духовные завоевания нашего общества, советский образ жизни — почетный долг писателей.

«Литературная газета» объявляет в 1975 году открытый конкурс на лучший очерк под девизом «СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО».

Установлены следующие премии:

одна первая — тысяча рублей;

две вторые — по семьсот пятьдесят рублей;

три третьи — по пятьсот рублей.

Размер очерка — не более 15 страниц машинописного текста.

Рукописи должны быть помечены: «На конкурс».

Редколлегия «ЛГ»

ГЛАВНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Все чаще и чаще покалываются сообщения: открылся новый музей. Читая об этом, невольно думаешь о его создателях, о людях, которые вложили в него свой труд, свои знания и умение, выдумку и творческий энтузиазм.

Так сорок лет назад возник и сам Государственный литературный музей. И потому в юбилейные дни мысль обращается к человеку, который стоял у его колыбели, — к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу. Он был не только замечательным ученым и литератором, страстным архивистом и собирателем, он был еще и непревзойденным организатором, сумевшим сплотить вокруг своего детища таких замечательных литературоведов, искусствоведов, как Д. Благой, Ю. Бахрушин, А. Дубовиков, Н. Гусев, Д. Лихачев, Н. Зильберштейн, М. и А. Цявловские, В. Кирпатин, Н. Пахомов, К. Андронников, Л. Гроссман, В. Козьмин...

На днях в большом зале ЦДЛ имени А. А. Фадеева под председательством И. Симонова прошел вечер, посвященный знаменательной дате. Юбиляра приветствовали В. Ахмадулина, Г. Бакланов, А. Дубовиков, Д. Кугультинов, Б. Ласкин, С. Орлов, В. Перцов, директор ЦГАЛИ Н. Волнова, директор Государственного музея А. С. Пушкина А. Крейн и другие.

Коллективу Гослитмузея была вручена Почетная грамота Союза писателей СССР.

На вечере выступил первый заместитель министра культуры РСФСР Е. В. Зайцев.

УКАЗЫ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Первенцева А. А. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Первенцева** Аркадия Алексеевича орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 28 января 1975 г.

О награждении писателя Шефнера В. С. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Шефнера** Вадима Сергеевича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 30 января 1975 г.

„НОВОМУ МИРУ — 50 лет стр. 2

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

Продолжение разговора о кинопрокате и легкой музыке

стр. 8

ФИЛЬМЫ ИЗ ФРАНЦИИ

Открытие Недели Фото А. КОНЬКОВА

Завершающаяся сегодня Неделя французского кино в Москве была посвящена знаменательной дате — 50-летию установления дипломатических отношений между СССР и Францией — и как бы продолжила творческий диалог: в декабре Париж и Гавр смотрели новые советские фильмы.

Среди лент, показанных на Неделе, — современные картины «Вемсан, Франсуа, Поль и другие», «Пощечина», экранизация страниц Жоржа Сименона «Часовщик из Сен-Поля», продолжение знакомых нам по фильму «Высокий блондин в черном ботинке» приключений молодого скрипача — «Возвращение высокого блондина»...

Неделя должна способствовать дальнейшему укреплению культурных связей, традиционной дружбы между нашими странами. Не случайно она открылась фильмом «СССР — Франция. Встреча в Рамбуйе», повествующим о рабочем визите Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева во Францию.

ПЯТИЛЕТКА: ГОД ЗАВЕРШАЮЩИЙ

Фотоочерк о мастере — организаторе соревнования

стр. 10

ДЕЛОВИТОСТЬ: ВСЕГДА, ВЕЗДЕ, ВО ВСЕМ!

Письма наших читателей

стр. 11

Завтра исполняется 30 лет со дня преобразования Румянцевской публичной библиотеки в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина. Замечательные успехи, с которыми встречает свой юбилей главная библиотека страны, — результат великих социальных завоеваний, достигнутых нашим народом за годы Советской власти.

Мариэтта ШАГИНЯН

СЛОВО ВЕЛИКОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

МОЖНО забыть постепенно самое дорогое из личной своей жизни. Но тому, кто многие годы провел в тишине библиотеки, — совсем особой тишине, строго обязательной и нерушимой, но насыщенной безмолвными голосами тысяч читаемых страниц, едва шелестящих под пальцами, когда их переворачиваешь; тому, кто смолоду узнал дорогу к этой насыщенной тишине и научился духовно расти в ней, как кристаллик в питательной среде, — нельзя, невозможно изгнать из памяти библиотеку и свое чтение в ней. Твой неувядаемой памятью встает сейчас перед людьми моего поколения наша сегодняшняя «именинница», когда-то ласково называвшаяся нами «Румянцевской», а нынче носящая великое имя, — Библиотека имени В. И. Ленина.

Я переступила ее порог в первый раз около 70 лет назад. Больше чем средняя цифра человеческого века, — так это было давно. «Румянцевка» находилась тогда в старом здании, вдвинутом в старый двор, куда вход был из переулка. Читальный зал — больше чем скромный, хотя он казался нам очень большим, в зеленых бабочках крылатых абажуров.

Каталоги еще не были бесконечно дифференцированы, как сейчас. Их смешанное богатство, подчиненное лишь единому принципу алфавита, обрушивало не нас, когда мы начинали в нем рыться, бесчисленные соблазны свернуть с дороги своей узкой темы, пуститься вдогонку за таинственной мелкой книгой, чье название звало в неведомые миры. Так, на самой ранней заре моего библиотечного чтения погналась я за странным аббатом Галиани, который взялся почему-то за «Беседы о торговле зерном»... Но об этой книге, ставшей роковой для всей моей позднейшей жизни, я уже многократно рассказывала читателю... В те давние времена, ранее начало века, которому пошел сейчас семьдесят пятый год, в «Румянцевке» не было ни разных консультантов, ни справочных бюро в помощь читателю, — и самих читателей не разделяли по залам, соответствующим их чтению. Не было ни буфета, ни столовой, а только бак с кипяченой водой в коридоре, где вы могли запить из общей кружки водицей свой вкусный кусок хлеба с сыром, захваченный из дому. Не было... Но какое же множество удивительных вещей было и тогда в нашей родной «Румянцевке»!

Прежде всего — близость библиотечного работника к читателю. Отнюдь не административная. Я еще застала традиции философа Н. Ф. Федорова, автора «Общего дела». Официально он был «при каталогах», а фактически ведал чтением чуть ли не каждого читателя, заинтересованно помогая ему советами, сообщая о вышедшей новинке, и не только сообщал, — если ее еще не имелось в библиотеке, он покупал ее из собственный скромный заработок и вкладывал в заказанный читателем материал... Сколько добра и внимания видели мы от библиотечных работников в нашем чтении вразброд, без профиля, с жадностью ко всему, ко всему!

Тогдашний читальный зал источал особую атмосферу автодидактики, тяги к самообразованию, к расширению знаний. И наше, еще очень примитивное, технике записи читаемого была сродни этой атмосфере. Почти ни одной книги не возвращалось большинством из нас без того, чтобы не сделать из нее выписок в свою тетрадку. Писали мы школьными ручками. Они, как деревянные стебельки цветов, пачками стояли в стаканах на столе у библиотекарей — выбирай и пробуй любую, а если нужно — попроси новое стальное перо. Ранним зимним утром — а зимой утро глядело в библиотечные окна еще черной синевой ночи — старик служащий в мягких шлепанцах обхаживал столы в прохладном, проветренном зале и наливал в чернильницы, как донор свою кровь, свежие чернила. Корм засыпал нашим перьям.

Чтение без записи прочитанного не оседает в мозгу надолго. Но занесенное в тетрадь — как скульптура, как резьба по камню — сохраняет для вас ту ребристость, те важные узловые выпуклости книги, которым предстоит не только запомниться, но и дать ростки в работе вашего собственного сознания...

Но я, как старый человек, естественно, ушла мыслью в далекое прошлое, а начальную фазу опыта библиотечного чтения. А между тем сейчас — включая в себя старую и скромную «Румянцевку» — вырос огромный, светлый комплекс Ленинской библиотеки с ее книжным фондом, богатейшим в мире, с ее комфортом и дифференцированными залами, со всем, что требуется для основных государственных книгохранилищ. Библиотека превратилась в невиданный по масштабам центр книги, в котором черпают знания все — от рабочего до руководителя, от юноши до седовласого академика. И ясное видима стала еще одна великая роль этой народной сокровищницы нашей страны, роль, о которой мы как-то мало и редко упоминаем. Библиотека, осваивающая и двигающая культуру народе, каждым своим работником, каждым читателем в ее залах вливается могучей силой в борьбу человечества за мир на земле. Библиотека в основе своей международна. Голосе ее книг — это голосе всего творческого человечества, всех лучших сынов человечества, без различия расы, языка, веры. И голосе эти учат Добру, Созиданию, Дружбе, Взаимообмену найденными, открытыми, созданными духовными ценностями. И сегодняшний праздник нашей Ленинки — это праздник одного из форпостов борьбы за мир на земле.

3 февраля 1975 г.

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ ЛЕНИНА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

ДЛЯ СОТРУДНИКОВ библиотеки рабочий день начинается с восьми часов.

Только через час появятся, а точнее сказать — «хлынут» читатели, заполняя читальные залы, устремляясь к «бронеполкам» (так называют ставлежи с заказанной, забронированной читателями литературой), к каталогам и кафедрам приема требований, к шкафам подсобного фонда, хранящим самые ходовые издания последних лет. Но уже в тоннелях библиотеки грохочут поезде железной дороги, гудят и щелкают подъемники, покачиваются пачки книг в люльках цепного конвейера — из хранилища в читальные залы движется запрошенная некоими литература.

СПРАВКА ОТДЕЛА ОБСЛУЖИВАНИЯ: на 1 января 1975 года читателями Библиотеки имени В. И. Ленина состоит 131 543 человека.

В СОВРЕМЕННЫХ условиях обслуживание народе книгой, всесторонняя помощь науке и производству, эффективное участие в социальном и культурном строительстве возможны только на прочной научной основе, — говорит заместитель директора библиотеки по научной работе доктор педагогических наук Оген Степанович Чубарьян. — Обычно рассказ о библиотеке начинают с тех книг, какие она выдает. Мне бы хотелось начать с того, что библиотека издает.

Отмечая свое 50-летие в качестве главной национальной библиотеки страны, Государственная библиотека СССР

ОКОНЧАНИЕ НА 3-Я СТР.

В январе 1925 года вышел первый номер журнала «Новый мир». Сегодня мы публикуем приветствие юбиляру секретариата правления Союза писателей СССР, обозрение юбилейной книги «Нового мира» и материалы из ближайших номеров журнала: статью И. Мележа, посвященную 70-летию М. Шолохова (печатается с небольшими сокращениями), и отзыв из поэтической подборки к VI Всесоюзному совещанию молодых писателей.

„НОВОМУ МИРУ" — 50 ЛЕТ

ПЕРЕКЛИЧКА ПОКОЛЕНИЙ

Ал. МИХАЙЛОВ

ПО СТРАНИЦАМ ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА

В ЖУРНАЛЬНОМ мире — полоса юбилеев. Литературно-художественные и общественно-политические ежемесячники СП СССР и союзных республик один за другим отмечают свое пятидесятилетие.

Прекрасная дата, если вспомнить ход истории на этом отрезке времени, судьбы народа и государства, путь нашей литературы, достойно воплотившей революционные, боевые и трудовые деяния советского человека. В журналах нашли отражение исторические события минувшего полувека, на их страницах публиковались почти все самые значительные произведения советской литературы.

Перед нами юбилейный номер журнала «Новый мир». Журнала, в котором печатались произведения Горького, Маяковского и других, с чьими именами связана мировая слава советской литературы.

В конце юбилейного номера под рубрикой «Из летописи полувека» — основное содержание журнала за пятьдесят лет: романы, повести, рассказы, очерки, стихи и поэмы, пьесы, статьи, выступления государственных деятелей. Пробегаешь глазами этот перечень — и дух захватывает!

В. И. Ленин. «О диктатуре пролетариата» (не публиковавшаяся прежде статья). Стихи Брюсова, Маяковского, Есенина. Поэма Пастернака «Лейтенант Шмидт». «Хождение по мукам» и «Петр Первый» Толстого. «Жизнь Клима Самгина» Горького. Рассказы Платонова. «Соть». «Скутаревский». «Дорога на Океан» Леонова. «Люди из захолустья» Малышкина. Четвертая книга «Тихого Дона» и «Поднятая целина» Шолохова. «Соляной бунт» П. Васильева. Произведения К. Федина и Н. Тихонова, А. Суркова и В. Лидина, Н. Асеева и Н. Сельвинского. «Испанский дневник» Кольцова. «Богдан Хмельницкий» Корнейчука. Стихи Твардовского, Исаковского, Прокофьева...

Я выбрал несколько публикаций за предвоенные полтора десятилетия. Это только малая часть из большой журнальной летописи, но она дает представление о том, какие первоклассные произведения, вошедшие в золотой фонд нашей литературы, увидели свет на страницах «Нового мира».

Прошлое, даже не такое уж далекое, хранит в себе очарование первооткрытия. Для молодежи оно — история, для людей среднего и пожилого возраста — часть их жизни.

Совсем молодым человеком я испытал потрясение, прочитав в «Новом мире» стихотворение Твардовского «Я убит подо Ржевом». Это было в 1946 году, позади были война, огонь и пепел, гибель друзей и товарищей. А живые строки эти звучат и поныне, звучат в моей памяти, как завещание Неизвестного солдата, к чьей могиле у Кремлевской стены мы несем цветы и куда идут юные пары в день бракосочетания, чтобы почтить память отцов и дедов своих, сложивших головы за Отечество, звучат, как заповедь миллионов, павших на поле боя:

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Гореват — горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братья, — счастье свое, —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

Память — всегда при нас, но живым — живое. «Я вам жить завещаю» — этот наказ мы тоже храним в своей памяти.

Так отправимся же в путешествие по страницам первого номера «Нового мира» за этот год. В нем — перекличка времен. Память о прошлом и сегодняшний день. В обращении редакции «К читателям» говорится:

«Мы решили... рассмотреть развитие идей и проблем, поставленных перед читателем «Нового мира» в 1925 году, на протяжении полувека.

Почти каждому материалу январского номера «Нового мира» 1925 года соответствует сходная публикация в январском номере журнала 1975 года. Читатель сможет оглянуться далеко назад, увидеть и сравнить, сделать интересные и глубокие выводы. Вместе с тем он сумеет взглянуть и вперед, обратив внимание на то, что проблемы, поставленные полвека назад, нашли позитивное решение в ходе государственного и культурного строительства Страны Советов».

Напомню еще раз, что в первом номере «Нового мира» была опубликована статья В. И. Ленина «О диктатуре пролетариата». Рядом с нею — статья «Наследие Ленина». Ныне Г. Гоняков приводит цифры и факты, которые убедительнейшим образом говорят о триумфе ленинских идей на всем земном шаре. Произведения Ленина выходят на ста двадцати пяти языках народов мира и занимают первое место среди изданий, переводимых на другие языки.

Отклоняясь от маршрута путешествия по страницам журнала, предложенного редакцией, скажу, что в разделах «Очерки наших дней», «Публицистика», «В мире науки» мы находим конкретные свидетельства того, как ленинские идеи преобразования жизни находят свое воплощение.

Помните мечту Ленина о ста тысячах тракторов для России? В 1925 году профессор Б. Лобач-Жученко писал в «Новом мире»: «У нас уже построены три тепловоза...» Вот с чего мы начинали 50 лет назад. Сегодня журнал предлагает читателям очерк Леонида Шинкарева «Большой чертеж Сибири»— о строительстве 3200-километровой трассы БАМа, о грандиозных промышленных комплексах вдоль нее.

Большая дружба связывает редакцию и авторов журнала с коллективом другой гигантской стройки наших дней, коллективом строителей Камского автозавода. Полстолетия назад написал свой очерк «По пермским деревням» известный советский поэт Василий Каменский. Сегодняшняя действительность с позиций того времени могла бы показаться фантастической даже такому мечтателю, как Каменский. Этим ощущением пронизана статья секретаря Татарского обкома КПСС М. Трецкого. Масштаб, перспектива, инженерная мысль, техника и люди — все иное, ведь речь идет о КамАЗе — нынешней нови камских берегов.

«Непрерывность технического прогресса» — так озаглавлена статья академика А. Берга. Вспоминая выступление на эту тему профессора Лобач-Жученко, вспоминая свою молодость, автор замечает: «...вряд ли кто-либо из нас тогда, как и профессор Лобач-Жученко, мог сказать, что три великих достижения ознаменуют наше время: освобождение атомной энергии, выход в космос и рождение кибернетики».

Именно кибернетике, ее месту в научно-техническом прогрессе автор уделяет особое внимание. Как и полвека назад, журнал представляет читателям статью-размышление, где прогнозируется будущее нашей науки, намечаются контуры ее развития.

Очерк, публицистика, проблемы развития науки почти во все годы и десятилетия занимали видное место в «Новом мире». В этих разделах всегда выступали лучшие силы. Такая традиция и ныне поддерживается журналом и составляет важное звено его живой, непосредственной связи с современностью.

Вряд ли мне надо характеризовать все материалы, читатели сами смогут ознакомиться с содержанием юбилейного выпуска. Замечу лишь, что перекличка с первым номером 1925 года идет по всем разделам и формы ее разнообразны. Например, авторам первого номера посвящены статьи: В. Ковского — Брюсову, О. Резника — Басову-Верхоянцеву, И. Кохно — Луначарскому... О месте творческого наследия А. Франса в мировой культуре вел тогда разговор А. Луначарский. Сегодня о значении выступления А. Луначарского в обстановке, сложившейся после смерти А. Франса в конце 1924 года, пишет Т. Мотылева в статье «Анатоль Франс — классик XX века». Во всем этом есть много привлекательного и поучительного. И может быть, самый главный урок, который извлекается из чтения разнообразных материалов, — урок преемственности в развитии социалистической культуры. Важный урок.

Биография журнала красноречиво отражена и в разделе поэзии юбилейного номера. Они представлена «наиболее памятными поэтическими произведениями за полвека», опубликованными на страницах «Нового мира». А «Разговор с фининспектором о поэзии» Маяковского, открывающий подборку, дает ей такой бурный полемический зачин, что, листая страницы номера, встречая знакомые имена и строки, невольно вслед за Маяковским включаешься в дискуссию «о месте поэта в рабочем строю».

Девяносто имен поэтов — от Ахматовой, Есенина, Вургуна, Чиковани до Вознесенского и Цыбина найдут здесь читатели. Красочная, многоцветная подборка. Целая памятная антология, которой «Новый мир» может гордиться. Пульс времени, дыхание истории слышатся на ее страницах. Строки Щипачева хорошо передают это ощущение:

Перед тобой
лежит стихотворенье,
и хорошо припасть
к любой строке
и слушать, слушать,
как поет в ней время,
как бьется жилка
на твоей руке.

Итак, мы перелистали страницы юбилейного номера «Нового мира». Они взволновали нас, всколыхнули волну воспоминаний. Ведь не надо забывать и о том, что не все произведения, опубликованные в журнале, оценивались общественностью положительно, что были у «Нового мира» свои прогоры и убытки.

Юбилей журнала всегда итог. Впереди — трудная, увлекательная и бесконечно нужная работа по пропаганде лучших достижений советской культуры и пропаганда коммунистических идей. Пожелаем же новомирцам успехов в этой работе, внимания к литературе во всем ее многообразии, во всем богатстве ее творческих индивидуальностей.

ПРИВЕТСТВИЕ секретариата правления Союза писателей СССР

Секретариат правления Союза писателей СССР сердечно поздравляет редакционную коллегию, сотрудников, авторский актив «Нового мира» с полувековым юбилеем журнала.

«Новый мир» является одним из крупных литературно-художественных и общественно-политических журналов страны, сыгравшим большую роль в становлении и развитии советской многонациональной литературы.

С первых номеров, вышедших в 1925 году, журнал активно включился в созидание новой жизни, строительство новой, социалистической культуры. В «Новом мире» впервые были опубликованы неизданные рукописи В. И. Ленина о диктатуре пролетариата. В журнале выступали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинин, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, В. Д. Бонч-Бруевич.

Журнал вправе гордиться тем, что на его страницах печатались произведения основоположников литературы социалистического реализма М. Горького и В. Маяковского, крупнейших мастеров слова М. Шолохова, К. Федина, А. Твардовского и многих других, чьи произведения вошли в золотой фонд советской литературы. И сегодня в журнале активно сотрудничают видные литераторы страны.

Продолжая свои лучшие традиции, творчески воспринимая пожелания общественности, учитывая критику недостатков, имевших место в его работе, журнал укрепляет связи литературы с жизнью народа, обращается к насущным проблемам коммунистического строительства, повышает требовательность и идейно-художественному качеству произведений, заботится о воспитании литературной смены.

Журнал ведет значительную работу по созданию художественной летописи девятой пятилетки. С размышлениями о важнейших социально-экономических проблемах современности в «Новом мире» выступают партийные и государственные работники, передовики промышленности и сельского хозяйства, видные ученые и военачальники.

Секретариат правления Союза писателей СССР от души желает журналу новых плодотворных свершений, больших творческих успехов в осуществлении ответственных и почетных задач, поставленных Коммунистической партией перед работниками литературы и искусства.

НА СНИМКАХ: *писатели, творческие биографии которых связаны с «Новым миром».*

Вверху (слева направо): *С. ЕСЕНИН и Л. ЛЕОНОВ. 1925 г.*

Внизу: *Ф. ГЛАДКОВ и А. МАЛЫШКИН. 1931 г.*

К 70-летию со дня рождения Михаила Шолохова

МОГУЧИЙ ПОТОК НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Иван МЕЛЕЖ

ОЧЕВИДНО, у каждого, решившегося писать о Шолохове, есть ощущение, похожее на то, которое овладевает человеком, пытающимся выразить свое понимание степи, когда он стоит у края ее...

Широка, необозрима, прекрасна степь — глаз захватывает. Но как сказать о ней, когда мы столько раз ее видели, когда столько о ней сказано...

Великий писатель, страстный художник, удивительный мастер. Он настолько известен читателям и исследователям, что думаешь: есть ли страница, не отмеченная читателем, строка, которой не коснулся проницательный взгляд критика?

И вместе с тем какой широкий, многоцветный мир перед глазами твоими, в понимании твоем! Как выразить его в немногих, определенных обстоятельствами словах!

Повторю старую истину: какой бы ни был талант дарован, как бы ни был он велик — чтоб состоялся художник, нужен труд. Труд создал человека, труд создает и художника.

Большого художника создает большой труд. Великого художника, надо полагать, — труд великий.

Писательский труд, в общем, нелегко поддается измерениям. У труда этого и таланта обычно непростое взаимодействие, к тому же характер этого взаимодействия у каждого автора имеет свои, индивидуальные особенности. Однако и труд писательский имеет свои единицы измерения, количественные и качественные.

Все опубликованное Шолоховым составляет восемьдевять томов, представляющих по нынешним обычным габаритам подписных изданий как бы полутома. Иной из моих сверстников, начавших публиковаться после войны и далеко не достигших зенита, в этом отношении уже может посостязаться с маститым писателем, кое у кого из них строй томов собственной прозы внешне выглядит, может быть, даже внушительнее.

Два небольших тома рассказов и публицистики, два романа, один роман незавершенный... Два романа, но каких! Как белоснежные вершины, блистают они даже в цепи наивысших достижений советской литературы за все годы нашей бурной жизнедеятельности. Впрочем, заметны они, сияют вершинами не только в цепи наших гор, но и гор иных континентов.

В наше время кое-кто страстно убеждает, что движение истории и бытие народное превосходно можно изобразить и через одну личность и что, предполагают, время эпопей ушло в прошлое. Но все эти сомнения властно сметает созданное Шолоховым в недавние времена. Какой многоликий, многосудный, могучий поток народной жизни — радостей, страданий, надежд, отчаяния, нежности и жестокости! Жизни необратимой, неостановимой — открывается нашему взору и нашему сердцу в его романах! Какой многоцветный и какой естественный, удивительно правдивый и точно запечатленный мир живет в извечном обновлении — в необычных его книгах!

В книгах этих столько правды, и жизни, и страсти художника, что, захваченный, покоренный ими, не только доверчивый читатель, но и видавший виды литератор в первом, да и не в первом чтении просто не в состоянии рассматривать, каким образом, какими словами создан живой мир его книг. Но присмотримся наконец: в огромных, полных разнохарактерного движения фресках его нет не только хотя бы единой фальшивой ситуации, неверного тона, но и небрежно, неточно брошенной краски. Можно было бы сказать, что здесь все продумано, отобрано, взвешено, но определения эти плохо согласуются с необыкновенной естественностью движения жизни в книгах, с постоянно ощущающейся увлеченностью художника изображаемым, с вдохновением, которое чувствуется от первой страницы до последней.

И все же какой огромный, подвижнический труд в этих книгах!

Поражают энергия, стремительность таланта молодого Шолохова, выдававшего удивительную прозу свою том за томом, с необычной быстротой. Три тома «Тихого Дона», том «Поднятой целины» за несколько лет! Прозу таких достоинств, такого уровня! Феноменальный взлет!

Четвертый том «Тихого Дона» создавался, казалось, долго и трудно. Но какой замечательный итог трудных этих лет писателя! Какое блестящее завершение непрестанных забот, заполнявших художника полтора десятилетия! Когда читаешь последнюю книгу романа, дивишься глубинам его, щемящей мудрости, художническим открытиям. Возникает, крепнет мысль, которую обычно не говорят здравствующим: здесь чувствуется рука гения.

Но в «Тихом Доне» рука не только великого художника, но и в не меньшей степени рука великого труженика. Беспощадно правдивого и требовательного к себе.

У Шолохова, в общем, необычно счастливая судьба. После первых же томов — широкое, всенародное, а вскоре и всемирное признание. В тридцать пять лет — классик в такой высокой литературе, как русская, академик. Однако дорога перед ним, помнится, не всегда была гладкой, особенно в начале тридцатых годов. Хорошо известен факт, как в одной из редакций стремились «помочь» молодому Шолохову улучшить третий том «Тихого Дона».

Письмо к Горькому дает представление о том, в чем выражалась эта «забота» об авторе «Тихого Дона» и о состоянии его души вследствие этой «заботы»: «...Десять человек предлагают выбросить десять разных мест... три четверти нужно выбросить... Изболелся я за эти полтора года за свою работу...»

Да, нелегко, чувствуется, было писателю. Но он выстоял. Непоколебимо убежденный в своей правоте, выстоял и отстоял! Сберег выстраданную, получившую мировое признание книгу.

Этот случай, стоявший писателю больших, тяжелых волнений, позволяет нам с уважением отметить одно важное качество Шолохова, писателя и человека, впрочем, проявившееся уже с первых юношеских начинаний в литературе, — целеустремленную принципиальность в его отношении к жизни и литературе, самоотверженность в защите своих убеждений, прочность характера.

Думается, эта шолоховская способность видеть далеко и широко, великолепно понимать временное, суетное и надежное, основательное, видеть движение жизни в подлинной ее сущности стала одним из качеств, обеспечивших такую удивительную долговечность, такое устойчивое, не поддающееся старению здоровье его произведениям. Произведениям, которым, как показало беспощадное и надежное испытание временем, уготована жизнь большая. Очевидно, вечная.

В послевоенные годы писательская поступь его не была столь стремительной, как в молодости. Создание второй книги «Поднятой целины» потребовало многих лет.

Читателей томило ожидание. Читатели поторапливали любимого писателя. Но он не спешил. Работал над книгой, совершенствовал ее, пока не почувствовал — все, можно отдать. Годы эти с особой отчетливостью обнажили такие черты шолоховского характера, как редкостное терпение и упорство в работе. Беспощадная требовательность к себе.

Иногда случается слышать споры: что лучше, выше — «Тихий Дон» или «Поднятая целина», первая книга «Поднятой целины» или вторая? Можно понять истоки досужего читательского интереса по этой части, в спорах таких, видно, есть своя неизбежная закономерность. Но хочется здесь обратить внимание читателя на то, что каждая книга несет на себе отсвет времени: времени в смысле общих социальных условий, взглядов и времени в смысле состояния души художника, создающего произведение. У каждой книги есть свои, определяющие ее лицо закономерности, об этом надо помнить, чтобы не поддаваться неполезной в этом деле строптивости и легковесности.

И хочется еще обратить внимание читателя на такой в высшей степени важный факт: каждая книга Шолохова рождена предельно требовательной, сосредоточенной мыслью его, горячим сердцем. Каждой он отдал все, что мог.

С теми же преданностью и требовательностью, ощущается, работает он над нынешним романом своим «Они сражались за Родину».

Запомнилось: после недавней встречи с Шолоховым повидавший немало и, похоже, не склонный к эмоциональным излишествам Василий Шукшин вышел потрясенным. Глубочайшее впечатление произвела на писателя шолоховская сосредоточенность.

Жизнь известного писателя происходит на виду у людей. Жизнь Шолохова вроде бы вообще открыта миру полностью, до житейских подробностей.

Но есть у каждого человека жизнь, которую мы можем только угадывать. Происходящая в сердце, в мозгу человека, она — невидимая, глубинная часть видимой жизни, исток ее, основа. Внутренняя эта жизнь почти всегда идет напряженно, в поисках, в сомнениях, в надеждах.

Нам известно: Шолохов трудится. В заботах, в творческом беспокойстве продолжается, подходит к высокой, юбилейной отметке жизнь замечательного художника.

Завершая свои отрывочные размышления о писателе, пытаясь подвести итог рассуждениям своим, невольно задумываешься над тем, как же определить в целом его жизнь. Какие слова наиболее точно, достойно выразят то, чем была и есть эта жизнь, такая яркая, значительная?

И, кажется, лучшее определение ее — подвиг. Подвиг писательский, подвиг человеческий.

СТИХИ МОЛОДЫХ

Александр АНТОНОВИЧ

*

Полны крапивы
старые окопы.
Уходят в землю срубы
блиндажей,
Как будто примирила
всех эпоха,
Как будто нет границ
и рубежей,
Как будто трубы
только для оркестров,
Не для тревог рассветных
рождены,
Как будто горн —
всего лишь
память детства,
Случайно уцелевшего
с войны.

Но вот горнист
произнес ночь тревогой,
И каждый шестой
счетною согрет...
...На пыльную
нюньскую дорогу
Военный опускается
рассвет.

Мальчишки довоенных
поколений,
Идем, не зная,
что такое фронт.
Но взрослые,
безжалостные тени
Ложатся долею
за горизонт.

Николай ЩЕРБИНСКИЙ

Снегопад в семнадцатом году

Январь
семнадцатого года —
Зимы парное молоко,
Души высокая свобода.
Просторно, холодно, легко.

Казаки немцев крошат лавой,
Война неделею до пляски,
А тут —
Иссиня алатогривый,
Гвардейцы стынут у дворца.

Снежок кружится,
мерцой белой
Гнева вливаньем Петру,
И царь, на миг оцепенелый,
Рукою шарит пустоту.

Перед стужей

На осенним ветру доживем
этот день без забот,
На краю городском,
где никто нас не ждет
и не знает,
Где кирпичной трубою
пейзаж оживляет завод
И бегущий буксир
в невысоких волнах
увязает,

В пересохшей трава
нарастает глухой
шепоток.
Так всю жизнь проживешь,
а что он означал,
не узнаешь...
Тебе очень к лицу
с неземными цветами
платок.
Как мне жаль,
что его ты все реже
теперь надеваешь.

Станислав ЗОЛОТЦЕВ

Поколение победы

Когда беспрерывно
гудят самолеты,
ревут самолеты,
взмывая над морем, когда
на скользкие плиты
сбегает по трапу
морская пехота
и цветом свинцовым
пропитано слово,
глаза и вода —

в такие часы,
в панорама учебного боя
на суше и в небе,
на самых колючих ветрах,
в душе моей, ставшей
на вспышки эмоций
скупою,
рождается чувство,
похожее чем-то на страх.

Не страх за себя:
я плечами
ровесников стисну.
На холод по коже
от близких ракет
и торпед —
они для того и встают
над водою и виснут,
чтоб кровью и пеплом
не застило солнечный свет.

Но трудно поверить
и страшно не верить,
что вехе
свинца и огня нам не будет
маячить в пути:
мы первые люди
рожденья двадцатого века,
не знавшие войн
и дожившие до тридцати.

Летопись КамАЗа

В сентябре 1971 года в «Новом мире» появилась рубрика «Набережные Челны». Под этой рубрикой журнал начал публикацию очерков о строительстве одной из крупнейших строек десятой пятилетки — Камского автомобильного завода. В создании своеобразной летописи КамАЗа приняли участие писатели, журналисты, знатные строители, руководители стройки, партийные работники.

Подытоживая результаты труда талантливого творческого коллектива авторов, редакция журнала подготовила сборник очерков, которые появились на страницах «Нового мира» в течение трех лет. Книга увидит свет в издательстве «Известия».

В предисловии Георгий Марков вспоминает славную традицию «Нового мира» — активно участвовать в строительстве нового общества. Он пишет: «Видные писатели и публицисты стали автопоездами и участниками бурного процесса преобразовательной деятельности партии коммунистов. В «Новом мире» под рубриками «Советская земля» и «Люди и факты» публиковались очерки о Днепрогэсе, Магнитогорске, Ферганском канале и многих других стройках пятилетки. Журнал печатал такие выдающиеся произведения советской литературы, как «Гидроцентраль» Маркиты Шагинян, «Соть» Леонида Леонова, «Энергия» Федора Гладкова, «Поднятая целина» Михаила Шолохова, очерки с переднего края социалистического созидания».

Рубрика «Набережные Челны» явилась продолжением того заинтересованного, глубокого разговора о героических делах советских людей, который начал журнал уже в первых своих номерах. Читатель найдет в книге очерки М. Алексеева, А. Приставкина, В. Рослякова, М. Ганиной, Г. Филяшина, В. Семина, Е. Лопатиной, Ф. Видрашку, Н. Абдуллина, Ф. Табеева, Р. Валеева, У.-Г. Наурбиева.

Книга «Набережные Челны — первые страницы летописи КамАЗа. Хочется думать, что это интересное и важное начинание редакции будет продолжено.

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-Й СТР.

имени В. И. Ленина выступает как крупная издающая организация. За один прошлый год объем ее изданий составил 1983 печатных листа. Это не случайный показатель. Это овеществление той функции, которая была возложена на библиотеку актом преобразования замкнутого, обособленного учреждения в центр советского библиотечного дела. Библиотека издает монографические работы, информационные бюллетени, библиографические указатели, методические пособия.

Как ведущее научное учреждение в области библиотековедения, теории библиографии и истории книги Ленинская библиотека провела в последние годы ряд серьезных исследований по проблемам библиотечного строительства. Среди них — исследования, посвященные выяснению роли и места книги и чтения в духовной жизни советского народа. Изучались чтение и читательские интересы рабочей молодежи, читателей библиотек, жителей небольших городов.

В настоящее время заканчивается большое социально-психологическое исследование читательской аудитории современного села.

Постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» предусматривает перестройку системы библиотечного обслуживания населения на принципах централизации сети государственных массовых библиотек. Экспериментально-теоретическая подготовка к осуществлению этой задачи проведена Библиотекой имени В. И. Ленина.

Только мощный научно-исследовательский потенциал позволяет Библиотеке имени В. И. Ленина выступать в качестве научно-методического центра, осуществлять повседневную, конкретную и оперативную помощь библиотекам страны.

Достаточно показательным для роста научно-исследовательской работы библиотеки является становление такого специального издания, как сборник «Советское библиотековедение». От ежегодника, пропагандировавшего практический опыт библиотек два десятилетие назад, до современного теоретического журнала — таков естественный процесс его развития.

СПРОСИТЕ библиотекаря: «С чего начинается библиотека?» — и вы услышите: «Конечно, с комплектования фондов».

Библиотека получает бесплатно 3 обязательных экземпляра советских изданий. Вместе с покупкой они составляют в день около полутора тысяч книг, картографических и нотных изданий, около четырехсот журналов и восьми тысяч газет.

— Формирование фондов национальной библиотеки — сложное и ответственное дело, — замечает заведующая отделом отечественного комплектования Ольга Николаевна Лешкина. — Книжный прилив неостановим. А от того, какие издания, в каком количестве и в каком фонде мы разместим, зависит обеспеченность книгой и нынешнего поколения читателей, и наших самых далеких потомков. Сейчас ясно, что фонд национальной библиотеки страны нельзя формировать в изоляции от системы академических, научно-технических и вузовских библиотек, обособленно от системы республиканских национальных библиотек. Только вместе они в состоянии осуществлять единый процесс сохранения и использования всей почетной продукции, которая выходит на территории нашей страны.

Но Ленинская библиотека собирает и старую литературу. Спрашиваю Ольгу Николаевну о приобретениях последнего времени.

— В канун юбилея к нам поступила уникальная коллекция, одно из интереснейших частных собраний — библиотека Николая Павловича Смирнова-Сокольского, народного артиста РСФСР.

Благодаря этой библиотеке мы смогли заполнить несколько сот пропусков в фонде национального книгохранилища. Но этим ее значение далеко не исчерпывается. Библиотеки такого рода—прежде всего крупное явление культурной жизни страны.

Именно в связи с деятельностью Смирнова-Сокольского было сказано однажды, что не только человек собирает книги, но и книги собирают человека.

17 марта, в день рождения Николая Павловича, в библиотеке откроется его мемориал, и читатели смогут увидать и подлинную обстановку этой библиотеки, и более 20 тысяч книг, собранных Смирновым-Сокольским.

НА ФОРЗАЦЕ — экслибрис: «Библиотеке им. В. И. Ленина от Королевской библиотеки в Стокгольме».

— С этим экслибрисом, — рассказывает заведующий отделом иностранного комплектования Борис Петрович Каневский, — а Ленинскую библиотеку поступает ежегодно тысяча книг и столько же уходит из Москвы в Стокгольм. Так осуществляется уже много лет книгообмен между национальными библиотеками СССР и Швеции.

Есть и другие эквиваленты обмена, например, страницы на страницу.

СПРАВКА ОТДЕЛА ИНОСТРАННОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ: на 1 января 1975 года Ленинская библиотека вела обмен с 3746 библиотеками и научными организациями 102 стран.

Наиболее устойчивый, основанный на государственной договоренности книгообмен существует с социалистическими странами.

В отношениях с капиталистическими государствами книгообмен заметно уступает прямой покупке.

— Недавно, — вспоминаю я, — я печати сообщалось о выходе в Италии факсимильного издания «Атлантического кодекса» Леонардо да Винчи. Тираж этого уникального издания очень небольшой («998 экз., — подсказывает Борис Петрович, — в цене 5 тысяч долларов»). — Есть ли, — спрашиваю,— возможность у библиотеки приобрести это произведение печати?

— Два первых тома мы уже получили. Последующие будут поступать по мере выхода в свет.

СПРАВКА ОТДЕЛА ИНОСТРАННОГО КОМПЛЕКТОВАНИЯ: библиотека получает все ведущие газеты мира, около 12 тысяч журналов из 89 стран. В 1974 году фонд иностранных книг увеличился на 52 тысячи экземпляров.

ИЗ ОТДЕЛОВ комплектования большая часть книг поступает в хранилище. Почти две трети библиотечного фонда — 17 миллионов единиц хранения — находятся здесь.

Вместе с Ниной Антониновной Воробьевой мы поднимаемся на самый высокий, 19-й ярус главного хранилища, оборудованный для экономии места подвижными стеллажами, спускаемся в диспетчерскую, где распределяются по ярусам читательские требования, и еще ниже — в подвал, к «точке рейсов». Это основной перевалочный пункт, через который проходят все книжные грузы, покидая хранилище и возвращаясь в него.

Нина Антониновна в библиотеке с военного, 1942 года. Тогда это хранилище только начинало осваиваться. В нижние ярусы под защиту железобетонных перекрытий срочно перебрасывались миллионы книг из старого здания. На крыше стояли зенитки. Рядом дежурили библиотекари, спасая книжные фонды от «зажигалок». Невероятно, но в прифронтовом городе ни на один день не закрывался читальный зал.

СПРАВКА ОТДЕЛА ХРАНЕНИЯ: ежедневно отдел отправляет литературу по 10—14 тысячам читательских требований.

БИБЛИОТЕКА каждый день открывает двери 21 читального зала. Среди них зал отделе рукописей не самый большой. Но когда-то он был единственным на всю Румянцевскую библиотеку.

Отдел рукописей хранит самый ранний памятник письменности, которым располагает библиотека, — фрагменты «Апостола» VI веке на греческом языке.

— И по отношению ко всей пятивековой печатной продукции, и по отношению к любому конкретному изданию, — говорит заведующая отделом рукописей кандидат исторических наук Сарра Владимировна Житомирская, — справедливо заметить: «Вначале был» рукопись».

БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ ЛЕНИНА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

У нас представлен практически весь репертуар древнерусских рукописных книг. Мы специализируемся на собирании архивов ученых в области гуманитарных наук. Но тем не менее в отделе сосредоточена преобладающая часть рукописного наследия Гоголя, Герцена, Достоевского, Чехова, Короленко, Брюсова...

Сколько бы ни переиздавалась классика, всякое солидное, а тем более академическое издание требует тщательного изучения рукописей и неизменно приводит к открытию новых текстов, исправлениям, дополнениям.

В декабре в книжные магазины поступил первый том сочинений и первый том писем из «Полного собрания сочинений и писем» А. П. Чехова в 30 томах. Но прежде несколько лет с утра до вечера работала в читальном зале отдела группа научных сотрудников Института мировой литературы. И впереди еще годы труда.

Многолетняя дружба связывала нас с Корнеем Ивановичем Чуковским. Изучая рукописи Некрасова, он занимался в читальном зале отдела еще в 20-е годы. И позже подарил отделу собранные им автографы поэта. По желанию Корнея Ивановича после его смерти нам передано все его обширное рукописное наследие.

Среди последних приобретений отдела рукописей — самые разные материалы. Здесь и документы, связанные с генеральным межеванием Москвы и ее окрестностей в XVIII—XIX веках, и письмо Наполеона к пасынку Евгению Богарна, и переписка Полины Виардо...

К нам поступил архив поэта некрасовской школы Василия Богданова, автора знаменитой «Дубинушки», дневник Алексея Жемчужникова, участвовавшего вместе с А. К. Толстым и братом Владимиром в создании жизненного и творческого облика незабвенного Козьмы Пруткова. Архив Всеволода Иванова пополнился автографами и машинописями романов и рассказов, стенограммами военных выступлений, письмами к нему Андрея Белого, Вересаева, Зощенко, Мейерхольда, Пришвина, Алексея Толстого...

ЕСТЕСТВЕННОЕ продолжение отдела рукописей — отдел редких книг.

— Наш фонд, — рассказывает заведующий отделом редких книг доктор исторических наук Евгений Львович Немировский, — составляют иностранные издания до 1700 года и русские — до 1800-го. Но не только. Особое место в нем занимают первые и наиболее редкие издания произведений основоположников марксизма-ленинизма, нелегальные и запрещенные издания, в том числе издания «Вольной русской типографии» в Лондона, дореволюционная большевистская печать, книги, брошюры, журналы, газеты первых лет Советской власти.

У нас сконцентрированы прижизненные издания классиков мировой литературы и науки. Мы собираем произведения печати, наиболее ярко и разносторонне представляющие книгу как таковую, возможности и даже причуды книгопечатания.

Около 40 тысяч названий насчитывает коллекция книг по книговедению.

Широкому раскрытию фонда редких книг подчинена научно-исследовательская деятельность отдела. Изден, например, при участии крупнейших библиотек страны «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века». Сдан в производство каталог листовок за то же время. В текущем году выйдет в свет первый том описания коллекции старопечатных украинских книг, будет начато составление каталога инкунабул — самых ранних книг, отпечатанных до 1 января 1501 года. Готовится почва для развертывания работы над многотомной историей советской книги.

Демократические традиции Румянцевской библиотеки хорошо известны. Эти традиции развивает все нынешняя библиотека, и отдел редких книг не является исключением. Он открыт для всех читателей библиотеки. Мы принимаем за год 12—14 тысяч человек, выдаем в читальный зал 50—60 тысяч книг.

— Давняя мечта книговедов и библиотекарей, — заканчивает Е. Л. Немировский, —создать в составе библиотеки первый в нашей стране Музей книги. Сейчас она начинает осуществляться. В отделе развернута выставка «Книжные сокровища Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина». Мы предполагаем, что эта выставка станет ядром музейной экспозиции.

ВЫСТАВКА. В витринах — книги, судьбы которых неотделимы от истории мировой и отечественной культуры.

Вот том, отпечатанный в Голландии с цельногравированной формы, вероятно, еще до изобретения Гутенбергом книгопечатания подвижными литерами. А рядом — «Диалоги Матвея Краковского». На исключено, что эта книга вышла из типографии самого Гутенберга.

Издания Ивана Федорова, от которых исчисляется история книгопечатания в России.

Маленькая тетрадка размером 16 на 10 сантиметров. Так выглядит первая русская печатная газета «Ведомости», основанная Петром Первым.

Главный памятник русского гравирования при Елизавете — альбом, посвященный коронации императрицы. Огромная гравюра на меди с документальной точностью воспроизводит тысячефигурный коронационный поезд.

А вот рукой Державина не его собственной книге — трогательная надпись жене: «Другу сердца моего Дарье Алексеевне в знак моей к ней вечной любви и благодарности, для чтения от скуки во время моего отсутствия».

Жемчужина выставки — полное собрание прижизненных изданий Пушкина.

Обширная коллекция книг, представляющих художественную, публицистическую и издательскую деятельность декабристов... Книги с автографами и пометами Карамзина, Крылова, Толстого, Достоевского, Тютчева, Чехова, Блока, Маяковского...

Среди первых изданий советского времени — две книги В. И. Ленина, подаренные автором Румянцевской библиотеке.

Наконец, самые интересные произведения печати последних лет.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОТКРЫТИИ ВЫСТАВКИ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР ПРОФЕССОРА А. И. МАРКУШЕВИЧА: «Здесь собраны всем книгам книги, лучшие творения человеческого духа...»

ПОЖАЛУЙ, нигде в библиотеке не чувствуются так масштабы ее работы с читателями, как в отделе обслуживания.

С Тамарой Владимировной Клычковой, заведующей отделом, мы встретились в среду, 22 января, и, посоветовавшись, решили представить один день отдела в цифрах. Естественно было остановиться на текущем дне.

Итак, 22 января 1975 года залы отдела обслуживания (а их 7 из 21, но крупнейших) посетили 5117 читателей.

Принято более 9 тысяч требований на литературу из основного хранения.

Выдано 28 226 изданий.

Проведено свыше 8 тысяч консультаций.

Сейчас библиотека обслуживает преимущественно научных и творческих работников, специалистов народного хозяйства и тех читателей, чьи запросы на в состоянии удовлетворить другие московские библиотеки.

— Вероятно, создание в Москве мощной городской библиотеки, — говорит Тамара Владимировна, — существенно сказалось бы на качестве обслуживания нами основных категорий читателей.

Есть у библиотеки и другие резервы. Это прежде всего ускорение процесса обслуживания. Сейчас заказ на литературу из хранилища выполняется 1,5—2 часа.

КОММЕНТАРИЙ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ДИРЕКТОРА БИБЛИОТЕКИ ПО АВТОМАТИЗАЦИИ И МЕХАНИЗАЦИИ БИБЛИОТЕЧНО - БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ДОКТОРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК А. В. РЯБОВА:

— Выполнение читательских требований состоит из двух процессов — доставки требований из читальных залов в хранилище и транспортировки литературы из хранилища в читальные залы.

Для доставки требований используется главным образом ленточный конвейер, и только на отдельных участках — пневмопочта. В этом году все производственные участки библиотеки мы свяжем пневмопочтой. Вместо движения требования по конвейеру из читального зала к диспетчеру хранилища и оттуда, после сортировки, по другому конвейеру на нужный ярус пневмопочта позволит доставить патрон с требованием из любой точки библиотеки сразу в пункт назначения, и главное — очень быстро. Максимальное время движения патрона — 28 секунд.

В 1976 году начнет внедряться и в 1977-м заступит в строй первая очередь скоростной транспортной системы, которая пронижет всю библиотеку. Сейчас книге доставляется в читальный зал при помощи нескольких последовательно сменяющих друг друга механизмов и проходит от одного до четырех перевалочных узлов. Новая транспортная система доставит книгу из самой отдаленной точки хранилища в любой читальный зал прямым сообщением, и на более чем за 20 минут.

ИТАК, полвека позади. Но впереди — будущее. Каким видится оно сегодня?

— Библиотека — живой организм, — говорит директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина доктор филологических наук Николай Михайлович Сикорский. — Она растет и развивается, чутко откликаясь на потребности времени. Совершенствуются и будут совершенствоваться традиционные формы обслуживания. Мы, например, намерены активизировать межбиблиотечный абонемент — важную сферу деятельности библиотеки.

Но на наших глазах нарождаются и набирают силу новые, перспективные направления работы. Так, два с половиной года назад создан в составе Библиотеки имени В. И. Ленина Информационный центр по проблемам культуры и искусства. Собирая, систематизируя и дифференцированно распространяя отраслевую информацию, он заявляет о себе как одно из современных и органичных подразделений библиотеки.

Ленинская библиотека стоит в ряду таких центров отечественной и мировой культуры, как Эрмитаж, Третьяковская галерея, Большой театр. Мы знаем, как нелегко попасть порой на интересный спектакль, помним дискуссию о «музейном взрыве». И мы не можем не радоваться тому, что условия работы библиотеки постоянно улучшаются. Сейчас в Химках поднимается целый комплекс библиотечных сооружений, где разместится значительная часть наших фондов, откроются читальные залы на 700 мест. В новой пятилетке во дворе основного корпуса намечено строительство здания, которым завершится возведение ансамбля библиотеки в центре Москвы.

Все больше и больше читателей будут приходить в библиотеку. И все сильнее будет ее влияние на формирование новых отношений между людьми.

СПРАВКА ОТДЕЛА ОБСЛУЖИВАНИЯ: 31 января библиотека зарегистрировала 377 новых читателей.

В. РАДЗИШЕВСКИЙ,
спец. корр. «ЛГ»

Фото В. БОГДАНОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

ОТКРЫЛСЯ...

...в ялтинском Доме творчества семинар молодых драматургов, пишущих для детей и юношества. В нем принимают участие молодые литераторы — представители разных республик, краев и областей страны, а также известные литературоведы, критики и драматурги. В день открытия о предстоящей работе семинара рассказали его руководитель — ректор Литературного института имени А. М. Горького, профессор В. Пименов и ответственный секретарь Совета по детской и юношеской литературе СП СССР Т. Сетунская.

СОСТОЯЛОСЬ...

...заседание секретариата Украинского совета профессиональных союзов, в работе которого приняли участие писатели Киева, Днепропетровска, Донецка и Запорожья.

В своем выступлении член Политбюро ЦК Компартии Украины председатель Укрсовпрофа В. А. Сологуб рассказал о деятельности профсоюзных организаций республики, о важнейших задачах, которые решает Советская Украина в завершающем году девятой пятилетки.

Писатели, только что возвратившиеся из поездки в Кривой Рог и другие промышленные города Украины, делились впечатлениями от недавних встреч с героями пятилетки, рассказывали о творческих планах. На заседании выступили первый секретарь правления СП Украины В. Козаченко, секретарь правления Ч. Солдатенко, секретарь парткома СП Украины Б. Чалый, секретари областных писательских организаций Ю. Бедзик (Киев), Ф. Залата (Днепропетровск), П. Ребро (Запорожье) главный редактор газеты «Літературна Україна» А. Хорунжий, главный редактор издательства «Донбасс» А. Чепижный, киевские прозаики Я. Баш, Д. Ткач, М. Рудь, А. Гуреев.

Первая встреча писателей с руководителями профсоюзных организаций республики прошла интересно и, по мнению всех участников, безусловно, принесет пользу: уже в ходе беседы родилось немало новых организационных и творческих замыслов, направленных на успешную разработку магистральной темы нашей литературы — темы труда.

В работе заседания принимал участие заместитель заведующего отделом культуры ЦК Компартии Украины В. С. Дробязко.

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Петлеванного В. И. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Петлеванного Виталия Ивановича орденом «Знак Почета»

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
30 января 1975 г.

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

«С позиций ленинской партийности — к высотам художественного мастерства» — такова была тема прошедшего недавно пленума правления Московской писательской организации.

...К каждому литератору были обращены слова партийного призыва, прозвучавшего в один из первых январских дней: *«...своим творчеством воодушевляйте людей на новые трудовые подвиги и свершения; будьте впредь верными помощниками партии в воспитании нового человека, нашей молодежи в духе идеалов коммунизма, советского патриотизма, пролетарского интернационализма».*

Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу заставляет вновь и вновь обсуждать проблемы совершенствования художественного мастерства, вопросы гражданской активности литератора.

В Большом зале ЦДЛ имени А. А. Фадеева собрались писатели, представители московских предприятий — крепнет содружество столичных литераторов с крупнейшими рабочими коллективами. В президиуме — секретари правлений СП СССР, СП РСФСР, Московской писательской организации, руководители газет, издательств, журналов.

Докладчик — секретарь правления Московской писательской организации А. Ремизчук.

Докладчик говорит об ответственности, которую писатели несут перед партией, перед народом: о жевании прозаиков, поэтов, драматургов принять самое деятельное участие в жизни трудовых коллективов. Творческие командировки, поездки литераторов на важнейшие стройки, на промышленные предприятия, в колхозы и совхозы стали явлением обычным. В наступившем году уже намечены новые маршруты — Грузия, Азербайджан, Киргизия, Сахалин, Свердловск... Поездки по родной стране, даже если они прямо не связаны с определенным тематическим пристрастием, дают возможность окунуться в атмосферу сегодняшней жизни народа, ощутить ритм времени, и это неизбежно самым благотворным образом отзывается на книгах, над которыми работают писатели. Здесь перед литератором встает извечно наитруднейшая задача: переплавки количества добытых им впечатлений и знаний в качественную форму. На первый план выходит проблема мастерства.

Далее докладчик затронул вопрос о литературном наставничестве, об ответственности мастера перед своими учениками.

Перейдя к разговору о конкретных книгах, А. Ремизчук проанализировал ряд произведений художественной прозы, созданных писателями-москвичами и опубликованных в основном в журнальной периодике 1974 года.

По докладу развернулись оживленные прения.

Л. Татьяничева в своем выступлении говорила о проблемах показа трудового подвига народе в годы Великой Отечественной войны.

Председатель правления СП РСФСР С. Михалков напомнил участникам пленума о том, что в конце года соберется очередной съезд Союза писателей России.

В этой связи, сказал он, надо очень внимательно приглядеться к тем произведениям, которыми наполнены «портфели» журналов и издательств. Чем может всех нас порадовать нынешний литературный год? Что сделали российские литераторы? Надо точно оценить новые произведения — оценить с ясных партийных позиций...

Директор издательства «Московский рабочий» М. Борисов говорил о необходимости тесной координации действий писателей и издателей. Даже первые контакты, которые установились у издательства с Московской писательской организацией дали многое: улучшилось рецензирование рукописей, расширился и более чем наполовину обновился круг авторов...

— Мы возлагаем большие надежды на то, — сказал он, — что художники слова создадут произведения о современной Москве—городе-труженике, городе-герое. Начало такому опыту положено: в издательстве создана постоянная серия «Современный городской роман»...

Проблемы очерка затронул в своем выступлении А. Медников, отметив, что у «толстых» журналов снизился интерес к большим очерковым полотнам. Это не может не настораживать, ибо читательский интерес к большим документальным полотнам растет и растет. Притом необходимо помнить, что хороший очерк и художественная публицистика требуют широты, ленинской партийности и таланта...

В прениях по докладу приняли участие Л. Гинзбург, А. Елкин, А. Каплер, Т. Кудрявцева, Ф. Кузнецов, А. Марасанов, И. Токмакова, В. Чичков.

Участники пленума приняли резолюцию, в которой говорится, что московские писатели, вдохновляемые постоянной заботой партии, отдадут все свои силы и энергию созданию новых талантливых произведений, пропагандирующих советский образ жизни, ратный и трудовой подвиг советского народа, будут еще активнее способствовать своим литературным трудом претворению в жизнь величественных планов партии, духовному и нравственному воспитанию советских людей.

В работе пленума приняли участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев, секретарь МГК КПСС В. Н. Ягодкин.

СОЮЗУ ПИСАТЕЛЕЙ ГДР

Советские писатели и читатели глубоко скорбят о кончине Фрица Зельбмана, заместителя председателя Союза писателей ГДР, общественного деятеля, известного писателя-антифашиста, посвятившего всю свою жизнь борьба против фашизма, отдавшего все свои силы развитию литературы и культуры Германской Демократической Республики.

Мы навсегда сохраним память о Фрице Зельбмане, верном друге нашей страны, поборнике дружбы и сотрудничества наших литератур и народов.

Правление Союза писателей СССР

СОВЕТСКИМ ПОЛКОВОДЦАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

ВСЯ ЖИЗНЬ— СЛУЖЕНИЕ НАРОДУ

31 января в ЦДЛ состоялся очередной вечер из цикла «Советские полководцы», который проводит Комиссия по военно-художественной литературе Московской писательской организации и правление Центрального Дома литераторов имени А. А. Фадеева. Вечер был посвящен Маршалу Советского Союза, четырежды Герою Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову.

...За столом президиуме и в зале — видные советские полководцы, участники Отечественной войны, писатели, вместе с армией прошедшие памятными фронтовыми дорогами и посвятившие свои произведения военной теме, представители литературной общественности столицы. Открыл вечер секретарь правления СП СССР А. Сурков. Он посвятил прочувствованные слова выдающемуся советскому полководцу.

Перед собравшимися с воспоминаниями о Г. К. Жукове выступили Маршал Советского Союза И. Баграмян, маршал авиации С. Руденко, генерал армии А. Белобородов, генерал-лейтенант Н. Антипенко, генерал-лейтенант Л. Манюк, генерал-майор Д. Ортенберг, народный артист СССР М. Ульянов. На вечере выступили писатели Е. Долматовский, К. Симонов, А. Чаковский.

Было оглашено письмо Маршала Советского Союза А. Василевского, в котором, в частности, сказано:

«Имя Георгия Константиновича Жукова стало известным и близким мне еще задолго до второй мировой войны...

Г. К. Жуков не выглядел полководцем, стоящим над солдатской массой. Он всегда находился в гуще солдат... И это давало ему возможность глубоко знать настроение подчиненных, управлять их действиями, направлять усилия воинов к победе.

Когда я думаю о своем друге, то всякий раз прихожу к выводу, что это был человек огромного личного мужества и самообладания.

...Георгий Константинович Жуков был маршалом, четырежды Героем Советского Союза, но высшим для себя званием он считал звание коммуниста, члена ленинской партии, в которой состоял 55 лет. Коммунистической партии он верил беззаветно и свято выполнял ее волю. Он считал главным источником победы в войне Советского Союза против гитлеровской Германии руководство вооруженной борьбой народа со стороны Коммунистической партии и ее Центрального Комитета».

***

На вечере демонстрировались кинодокументы о Маршале Советского Союза Г. К. Жукове.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

...Его колыбелью была степь. Он любил ее в любую пору — в разливе красных тюльпанов, в весеннюю теплынь, когда даже саксаул, кажется, расцветал и земля становилась золотой от зноя и птичьих песен. Его воображение будоражили тысячи дорог, идущих в разных направлениях в этом пустынном крае. Эти дороги манили... И еще он любил веселую байгу, коней, рыжих смешных верблюдов, мог часами не выезжать из седла. Но однажды его подстерегла беда.

С двенадцати лет Зейнулла Шукуров прикован к постели. На всю жизнь. Он учился и работал, жил, превозмогая боль. Будущий писатель самостоятельно проходил школьную программу: каждую весну его приносили на носилках в школу на экзамены.

Ему помогали жить книги и желание сказать людям свое слово. Зейнулла начал писать стихи, поэмы. Среди них — поэма о Николае Островском, ставшая одним из наиболее любимых произведений казахской молодежи. Сегодня Зейнулла Шукуров — автор четырнадцати книг.

— У меня много друзей, — говорит писатель. — Они часто приходят ко мне домой, рассказывают о своей жизни, о работе, обо всем, что происходит там, за стенами квартиры. Это люди разных профессий — рисоводы, строители канала, чабаны. Они-то и являются моими главными помощниками в работе.

На очереди — новая книга Зейнуллы Шукурова. О «главных его помощниках»...

Ю. ШАПОРЕВ

АЛМА-АТА

Правления союзов писателей СССР, УССР и Львовской писательской организации с глубоким прискорбием сообщают о кончине известного украинского писателя и ученого

Михаила Ивановича
РУДНИЦКОГО

и выражают искреннее соболезнование семье и близким покойного.

ВРЕМЯ ИСКАТЬ СЕБЯ

ДИАЛОГ

О проблемах литературы для юношества беседуют писатели Николай ВОРОНОВ и Альберт ЛИХАНОВ

А. ЛИХАНОВ. Николай Павлович, давайте подумаем вместе об одной из областей литературы, имеющей, как мне кажется, совершенно особое значение. Есть такой термин «детская и юношеская литература». То, что подразумевается под первой частью этого определения, понятно. Детская литература — составная часть общей литературы, обладающая своей спецификой, имеющая своих признанных классиков, располагающая превосходной базой. Под базой я подразумеваю издательства, множество журналов, газет.

А вот что такое юношеская литература? Почему о ней говорят только через союз «и» и «прицепляют» непременно к детской — вроде вагона к электровозу? Ужели она столь несамостоятельна?

Н. ВОРОНОВ. По-моему, Альберт Анатольевич, она и самостоятельна, и несамостоятельна. Она, на мой взгляд, больше тяготеет к литературе взрослой. Современный подросток все-таки эстетически и умственно более подготовлен к чтению книг очень серьезных. В школе изучает «Былое и думы», «Преступление и наказание». Когда я учился, мы этого не проходили. Сейчас школа апеллирует к душе ученика с большим доверием.

А. ЛИХАНОВ. Безусловно. Но не кажется ли вам, что в изучении классики сегодня, в том, как ее «проходят» в школах, ПТУ, кружках, как ею поучают на педсоветах и дома,— во всем этом есть угроза девальвации классики в глазах подростка?

Н. ВОРОНОВ. Вряд ли. Тут дело в другом. Увы, еще немало преподавателей в школах учат литературе школярски, посредственно, без души. Этому есть объяснение: у преподавателей русского языка и литературы нечеловеческая загрузка своими предметами и в урочное, и в послеурочное время.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что «Мужество» Веры Кетлинской, «Люди из захолустья» Александра Малышкина были книгами для взрослых, теперь их читают и понимают старшеклассники!

А. ЛИХАНОВ. Хорошо. Подойдем к проблеме с другой стороны. Прежде поразмышляем не над самим термином «юношеская литература», а над тем, что мы подразумеваем под словом «юноша», «подросток». Это человек, который уже не дитя, но еще и не взрослый. Социологи называют юношами подростков от 14 до 20 лет...

Н. ВОРОНОВ. ...У Достоевского герою «Подростка» 21 год. Казаки называли подростком старика семидесяти лет, не проходившего воинской службы. Можно оставаться подростком всю жизнь...

А. ЛИХАНОВ. Однако давайте держаться территории, очерченной социологами. Юношество — сложная, неустойчивая пора. И если можно согласиться с мыслью, что книга — учебник жизни, то применительно к подростку эта истина особенно справедлива. Современная книга о современном подростке несет в себе особые функции — она дает совет, не буквальный, конечно, она приводит пример... Я убежден, что юношеская литература должна иметь и имеет свою специфику. Особенности юношеской литературы — это особенности ее читателя. Так что, говоря о юношеской литературе, надо в первую очередь говорить о самом юношестве.

Н. ВОРОНОВ. Оно неоднородно. Взять хотя бы учеников обычных школ и ребят из профессионально-технических училищ. Среда оказывает огромное влияние на развитие человека. А раз неоднородно, значит, складываются разные человеческие характеры, формируются различные жизненные устремления. Свои пристрастия, свои антипатии. Спектр поиска своего места в жизни чрезвычайно широк. А искусственно сужать его даже в литературе — не значит ли это причесывать всех под одну гребенку? Ведь нужно дифференцированно относиться к своим воспитанникам, нужно готовить их к разнообразной деятельности в обществе.

Писатели в своих книгах ищут ответы на самые сложные и разнообразные вопросы и идут к ответу каждый своим путем. Вот и пускай подростки выбирают, сравнивают. Поверьте, и они тоже, а не только взрослые, задумываются о жизни всерьез.

Мы, взрослые, не очень-то любим инициативу детей. Водим их на помочах, а они уже способны рысью бегать. Мы без конца разжевываем им, кто есть кто, что есть что. А они уже умеют составить свое мнение. И не надо, не надо сужать горизонты — это вот для вас, это юношеская литература, а та — взрослая, за нее пока рано приниматься... Подросток хочет быть разным, и не надо ему в этом препятствовать.

А. ЛИХАНОВ. Бесспорно, абсолютно схожих во всем людей нет. Но, прежде чем стать взрослым, человек должен миновать детство, юношество...

Н. ВОРОНОВ. Конечно.

А. ЛИХАНОВ. Так вот, отрочество — совершенно особый возраст в жизни каждого человека. Минуя его, человек, как правило, становится «обыкновенным», «нормальным»; как правило, но далеко не всегда. Эту пору можно сравнить с полосой штормов, которую проходит корабль — его треплет волна, паруса трещат под напором ветра, корабль мотает из стороны в сторону... Из полосы штормов корабль выходит или сильно помятым, или, напротив, целым, невредимым, готовым к дальнейшему пути, а путь этот — вся остальная, «взрослая» жизнь — и нелегок, и долог... Всего несколько лет, а сколько в эти годы сложностей, сколько побед познается, но и сколько крушений происходит! И как важно тут влияние взрослого!

Н. ВОРОНОВ. Вот именно! Об этом я и толкую. Здесь трудно делить литературу на отсеки, литература для взрослых и юношества сливается, стремясь охватить, познать все стороны жизни. Можно ли ограничивать круг чтения подростка только литературой о нем, когда человечеством накоплена такая сокровищница литературных шедевров?

А. ЛИХАНОВ. Кстати, я не раз бывал свидетелем того, как подросток, взяв в руки книгу с грифом «Детская литература», откладывал ее...

Классика — классикой, но если уж мы используем ее как средство воспитания, надо честно себе признаться: в классике следует черпать преемственность духа, сознательности, любви и ненависти, самоотверженности. Эти, и только эти, вечные категории надо черпать из классики, не злоупотребляя, больше того, оставляя в покое внешнюю, фактологическую оболочку поступков.

Современные подростки владеют громадной информацией о главных событиях столетия, событиях, которые происходят в стране и за рубежом, о далеких и близких людях. И такие они знают примеры героического труда, рано явившихся замечательных способностей и удивительной воли, что и не снились героям книг. И догадываются, а кто и на собственном опыте знает, что БАМ прокладывать отнюдь не легче, и что на их судьбу падут новые трудности, как выпали они на долю родителей, и что, совершая свой жизненный урок, они наверняка проявят не меньше воли, чем Рахметов.

Н. ВОРОНОВ. Выпячивание внешней стороны фактов сводит их к скучному примитиву. Мое знакомство с литературой сложилось очень счастливо. В детстве была мною встречена добрая душа — пускали меня в библиотеку и разрешали смотреть все, начиная от детских книжек и кончая великолепными юбилейными изданиями Шиллера, Пушкина. Однажды нашел записки карбонария, сейчас уже запамятовал, кто автор книжки. На меня она произвела колоссальное впечатление. Записки карбонария — во многом документальная книга. В ней — жизнь, правда, все, как было на самом деле. Я тогда не подозревал, что существует литература мемуарная. Мой сын, которому 16 лет исполнилось, прочел мемуары декабристов и удивился, как мало знаний получил в школе о декабристах...

А. ЛИХАНОВ. Было бы наивно опровергать мысль, что классика не нужна юношеству. С классикой, как с молоком матери, человек впитывает культурное наследие прошлого, все, что выработано до него предыдущими литературными эпохами. Не представляю себе человека, отлично знающего все, что вышло из-под пера писателей мира, скажем, в 1974 году, но не читавшего ни одной книги прежних лет. Так что знание классики — непреложное условие нормального, не «рахитичного» развития личности, но...

«Вот, — говорим мы, — бери пример: Николай Островский в твои годы узкоколейку строил! Гайдар в 16 лет полком командовал! А Рахметов на гвоздях спал! Где твоя воля?»

Знаете, что мы воспитываем в подростке такими разговорами? Чувство неполноценности. Да-да, он чувствует себя ущербным по сравнению с этими героями. Полком командовать сейчас не то что в четырнадцать, но даже в тридцать лет не каждому дано — столько знаний требуется. И что самое забавное, те же взрослые, которые подростка классикой упрекают, не дадут ему на гвоздях спать, если он решит по-рахметовски воспитывать волю. И вот реакция довольно-таки грустная, на мой взгляд. Спор: «А Овод?» — восклицает взрослый. «Ну-у, — говорит ему отрок, — это не про нас, это раньше, это герои, мы-то ведь обыкновенные...»

Н. ВОРОНОВ. Подросток склонен к отчуждению великих ценностей только из-за того, что ему их предлагают слишком назойливо. Я, например, в детстве «Овод» не читал принципиально, потому что его все хвалили. И многие другие книги были мной в юношестве отвергнуты, потому что указующий перст меня очень раздражал.

А. ЛИХАНОВ. Кстати, я не раз бывал свидетелем того, как подросток, взяв в руки книгу с грифом «Детская литература», откладывал ее...

Классика — классикой, но если уж мы используем ее как средство воспитания, надо честно себе признаться: в классике следует черпать преемственность духа, сознательности, любви и ненависти, самоотверженности. Эти, и только эти, вечные категории надо черпать из классики, не злоупотребляя, больше того, оставляя в покое внешнюю, фактологическую оболочку поступков.

Современные подростки владеют громадной информацией о главных событиях столетия, событиях, которые происходят в стране и за рубежом, о далеких и близких людях. И такие они знают примеры героического труда, рано явившихся замечательных способностей и удивительной воли, что и не снились героям книг. И догадываются, а кто и на собственном опыте знает, что БАМ прокладывать отнюдь не легче, и что на их судьбу падут новые трудности, как выпали они на долю родителей, и что, совершая свой жизненный урок, они наверняка проявят не меньше воли, чем Рахметов.

Н. ВОРОНОВ. Выпячивание внешней стороны фактов сводит их к скучному примитиву. Мое знакомство с литературой сложилось очень счастливо. В детстве была мною встречена добрая душа — пускали меня в библиотеку и разрешали смотреть все, начиная от детских книжек и кончая великолепными юбилейными изданиями Шиллера, Пушкина. Однажды нашел записки карбонария, сейчас уже запамятовал, кто автор книжки. На меня она произвела колоссальное впечатление. Записки карбонария — во многом документальная книга. В ней — жизнь, правда, все, как было на самом деле. Я тогда не подозревал, что существует литература мемуарная. Мой сын, которому 16 лет исполнилось, прочел мемуары декабристов и удивился, как мало знаний получил в школе о декабристах...

А. ЛИХАНОВ. Я считаю нашу классическую «героику» «захрестоматизированной». Мне кажется, нужно и возможно снять с нее глянец, похожий на музейное стекло, которое не дает посетителю притронуться к оригиналу. Несколько лет назад я со своим товарищем подготовил к печати книгу писем Николая Островского к его давнему другу Петру Новикову. Письма прежде не публиковались, и получилась новая книга Островского. Героизм личности в частных документах, не предназначенных, естественно, для печати, обрел новую грань, талант и личность Островского засияли с новой убедительной силой!

Так не стонт ли тех, кто засыпает на четвертом сне Веры Павловны, разбудить живым голосом самого Чернышевского, обращенного к детям в письмах из сибирской глухомани?

Усиление интереса к личности автора, к духовной биографии писателя-героя, мне кажется, пробудит новую волну интереса к классике. И книги, способные помочь подростку поверить свою жизнь и свои поступки истинно высокими примерами и образцами, необходимы.

Н. ВОРОНОВ. Да, конечно. Главное, чему надо учить искусством литературы и педагогики — учить человека узнавать самого себя. Высшая педагогика заключается в том, чтобы изучать человека и относиться к нему дифференцированно. Когда я учился в школе и пошел затем в ремесленное училище, то был благодарен судьбе, что попал туда. Терпимость в школе была чрезмерная, и это оказало мне плохую услугу. Когда же я попал в училище, изменение атмосферы, познание практической стороны жизни стали менять и меня. Там мастера были, которые действовали не только средствами внушения, назидания и окрика, но и учили своим примером.

Наш мастер все умел сам. Он входил во все тонкости жизни каждого из нас. Потом у нас была женщина-мастер, которая знала, как складывается жизнь в семье у каждого из нас, кто чем дышит. Если, например, кто-нибудь из нас интересовался электричеством, то подбирала специальные книги. Этого индивидуального подхода я в школе не ощущал.

А. ЛИХАНОВ. Кстати, в том, что ребята боятся идти в ПТУ, я вижу вину и юношеской литературы. Много ли у нас книг о «ремесленниках»? «Малышок» Ликстанова да «Звездочка» Василенко.

Н. ВОРОНОВ. А «Бригада единомышленников» Курочкина?

А. ЛИХАНОВ. Короче, мало. Вот почему я приветствую появление на этой литературной пустоши романа Михаила Коршунова «Подростки», он напечатан в журнале «Москва». Писатель два года работал воспитателем в нынешнем ПТУ, и вот роман — результат реального знания реального подростка!

Н. ВОРОНОВ. Я читал «Подростков» и тоже не могу не приветствовать этот роман. Коршунов очень честно и строго изобразил пэтэушников и их воспитателей. С грустью и беспощадностью он рассказал о крушении мастера Скудатина. С печалью и чувством доблести написал пэтэушника Тосю Вайдышева, человека смертельной честности. Важно, очень важно, чтобы с ранних лет человек сформировался как труженик.

А. ЛИХАНОВ. Подросток формируется в труде, но, помимо выбора профессии, перед ним встает множество других проблем. Подростковый этап человеческой жизни, как я уже говорил, чрезвычайно насыщен конфликтами. Почему, отчего — вопрос не однозначный, но я считаю, что один из факторов этой «конфликтабельности» состоит в следующем. Школа, семья, общественные институты часто воспитывают ребенка, так сказать, в приподнято-розовом стиле. С пеленок ему внушают мысль, что его ждет прекрасная судьба, что путь, по которому он пойдет, будет усыпан цветами, и так далее, и тому подобное. Всеми силами убивается «конфликтный иммунитет», точнее — он не воспитывается.

И вот настает пора, когда бывший ребенок — теперь уже не ребенок, но еще далеко и не взрослый — сталкивается с реалиями жизни, и оказывается... Оказывается, в жизни не все так гладко и красиво. Случается, что жизнь требует борьбы, проявления характера, воли. Вчерашнее дитя, а сегодняшний отрок, настроенный на оптимистический бег по жизни, со всего хода врезается в некую стенку, символизирующую житейские трудности.

Н. ВОРОНОВ. ПТУ вместо института воспринимается как трагедия...

А. ЛИХАНОВ. Ну, а если действительно трагедия? Если развод родителей? Смерть близкого человека? Предательство друга? Отец — пьяница?

Конфликты преодолимые переплетены с действительными сложностями, которые и взрослому, с его жизненным багажом, решить не просто, а мальчишке, девчонке... Прибавим к этому конфликтность возрастную, как ее определяют психологи. К примеру, подросток простотаки жаждет казаться лучше, значительней, чем есть; это — стремление к самоутверждению, часто ложнопознанное чувство престижности, стремление к авторитету, силе любой ценой. А самоутверждение очень часто имеет обратную сторону — нигилизм, отрицание авторитета старших, отрицание «рецептов», которые они предлагают (в том числе и «их» литературы). Здесь нередко процветают свои представления о чести и герое; не потому ли среди городских подростков так часто встречается тип некоего волосатика с гитарой в руках и значком, изображающим битлов, на лацкане?

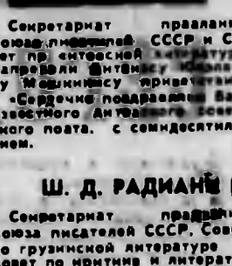
Н. ВОРОНОВ. Это не герой, это антигерой.

А. ЛИХАНОВ. Вот почему меня так заботит современная юношеская литература. Без лобовых «моралите» и штудирования, где бы то и как бы то ни было. Литература вот про этих самых, конфликтных. Такая литература должна дать своего, современного, сегодняшнего героя из среды подростков с нашими представлениями о чести и достоинстве.

Н. ВОРОНОВ. Общее понятие о чести и достоинстве создавалось тысячелетиями. Мы прибавили к ним то, что выработалось в нашем, советском обществе. Следовательно, героем подлинной чести может быть только тот герой, в котором реализовалась высшая человеческая честь с прибавлением нашей. Другой герой не будет духовным образцом. Почему я ценю автобиографическую трилогию Толстого, «Подростка» Достоевского, «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, автобиографическую трилогию Горького? Да потому, что духовные искания их героев и то, как они создают самих себя, несут в себе эталонные свойства человеческой нравственности и духа человеческого.

Вот вы говорили: школа, семья, общественные организации воспитывают ребенка в приподнято-розовом стиле. Наблюдение верное, но оно не может претендовать на абсолют. Самое сильное влияние, которое он испытывает, — влияние фактов жизни и поведения людей. И у вас, и у меня есть дети. И если мы поступаем иначе, чем учим своих детей, — это отражается и проявляется в них резче, чем то, что несет в себе возвышенный герой книг.

Мы материалисты и знаем, что общество способно влиять, воспитывать, воздействовать — воздействовать, потребительский тип — начиная от трамвая. Давняя тема в зарубежной литературе, музыке, философии обозначается неприятием индивидуальных и социальных. Нечего грех таить, рецептом такого воздействия, да не всегда эффективным, является

пафос отрицания. Но ведь это не выход. Выход — в действии, в борьбе, в преодолении. Выход — в том, чтобы помочь подростку найти себя, свое место в жизни, свое дело, свое призвание. Выход — в том, чтобы помочь подростку найти себя, свое место в жизни, свое дело, свое призвание.

А. ЛИХАНОВ. На Западе существует термин «тинэйджер», идущий от английского числительного, оканчивающегося на «тин». Например, 14-летний, 16-летний. Деляческий мир бизнеса точно уловил потребности «тинэйджеров». Появилась литература «тинэйджеров», музыка «тинэйджеров». Можно уже говорить о вещах куда более серьезных, чем мода. Создана настоящая «культура тинэйджеров», которая служит реакционным задачам. В ее арсенале — юношеский изоляционизм, отвергающий авторитет старших в тотальном порядке: такой изоляционизм нетрудно направлять куда надо: ведь это в конечном счете самообман, будто культура «тинэйджеров» имеет права на самостоятельность — ею управляют взрослые дяди. Я веду свою мысль к следующему: наше общество, наша культура, наша литература в частности, способны учесть все самые сложные особенности нашего юношества, способны предложить близкое и понятное ему творчество.

Н. ВОРОНОВ. Конечно, мы должны вести с молодежью откровенный разговор о ней самой, о проблемах, которые ее волнуют. Вы сказали: наша литература способна учесть и предложить. По-моему, она постоянно предлагает такие произведения. Разве повесть Тендрякова «Весенние перевертыши» не такова? Она смело и умно передает некоторые сложные особенности нашего юношества. Надо сказать, что добрая половина повестей и романов Тендрякова обращена к молодняку, только они обычно не проводятся по разделу юношеской литературы. А «Кража» Астафьева, да и «Пастух и пастушка», хотя действие этой повести происходит в войну. Время в книге — фактор важный, но не самый главный.

А возьмем ту огромнейшую работу, какую проводит Григорий Медынский. Ведь те, кто прочел его книги, скажем, «трудные» подростки, — они ему пишут, спрашивают совета, как дальше жить. И писатель им отвечает, помогает найти правильную дорогу в жизни.

Вообще подростков нельзя отгораживать от серьезных проблем. Вот повесть Фазиля Искандера «Ремзик». Писатель не боится поставить перед ребенком вопросы такой сложности, что не каждый взрослый способен их разрешить. «Белый пароход» Чингиза Айтматова тоже интересен для подростка.

Юность очень резко относится ко всякой лжи, как бы закамуфлирована она ни была. Книга же не должна нести ни грамма лжи. Взять «Жестокость» Нилина. Книги этой побаиваются педагоги, потому что у нее финал трагический. На самом деле, думаю, всякий умный человек, всякий умный юноша никогда превратно не истолкует эту книгу. Это трагедия чистоты. Действия Веньки Малышева были высшим проявлением порядочности. Такие книги должны встречать доверие у юношн. Человек настолько прекрасен, что, доказывая то, что хотел доказать, он не пощадил и собственной жизни.

Или «Горячий снег» Бондарева. Главному герою книги нет двадцати лет. Все, что его волнует, интересно и современному человеку.

А. ЛИХАНОВ. Так вот, не отвергая ни в коем случае классики, я хочу поставить вопрос об активизации создания именно современной юношеской литературы. Литературы о современных подростках и для них. Она должна быть очень действенной в том смысле, что должна учить людей, как и какими способами действовать, призывать к действию, а не сочувствию в качестве бесстрастного свидетеля.

А сочувствие рождается, когда затрагивают самые важные, самые серьезные проблемы, то есть говорят о вопросах, которые жизнь ставит перед человеком сегодня, сейчас.

Стоило бы поразмыслить над опытом социалистических стран, где есть специальные серии книг для подростков. Читатель и покупатель узнает «свою» серию по эмблеме на титуле. У нас в стране — большой опыт серийного выпуска книг, но главным образом для взрослых. А вот организовать бы выпуск подобной всесоюзной или всероссийской серии для подростков — «Алый парус»! Собрать все лучшее, что есть, создать площадку для развития юношеской литературы не только в Москве или Ленинграде, но и во всей стране. А то ведь как теперь? Написал автор повесть о подростке — одна дорога в единственную «Юность». Взрослые журналы возражают — маловаты герои; детские журналы отказываются — герои великоваты. Как будто идет навстречу просьбе московских юношеских писателей издательство «Молодая гвардия» — обсуждается вопрос об издании ежегодника юношеской литературы. Но этого маловато. Всероссийская, всесоюзная, межиздательская серия — хороший выход. Специализация одного или нескольких издательств, имеющих свою детскую и юношескую редакцию исключительно на литературе для подростков, — еще один действенный шаг. Думаю, найдутся заинтересованные организации. ЦК ВЛКСМ, Комитет по профтехобразованию, Политуправление Советской Армии...

Н. ВОРОНОВ. Мысль хорошая. Но каким будет состав этой библиотеки?

А. ЛИХАНОВ. «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» Р. Фраермана. Называю ее первой, потому что сам в пору отрочества испытал волшебную магию этой светлой книги. Дальше — книги И. Дубова. Ряд повестей А. Алексина, повесть В. Амлинского «Жизнь Эрнста Шаталова», «Тревога» Р. Достян...

Н. ВОРОНОВ. Добавлю «Сироту» А. Яшина, «Повесть о жизни» К. Паустовского, рассказы и повести А. Платонова, такие, как «Река Потудань», «Происхождение мастера». И из совсем новых — «Сказание о Нюрке — городской жительнице» Н. Евдокимова.

А. ЛИХАНОВ. Советская литература создала столько замечательных книг для юношества. Мне кажется, издание современной юношеской библиотеки, во-первых, по-хозяйски соберет лучшее, что создано ранее и продолжает служить делу воспитания подростка, и, во-вторых, послужит стимулом для создания новых книг. Будем откровенны: «чисто» юношеских писателей у нас пока мало. Факт издания библиотеки сможет привлечь к юношеской литературе известных мастеров как «взрослой» прозы, так и детской литературы.

Н. ВОРОНОВ. Горький предлагал начать выпуск книг «История молодого человека XIX столетия». Увы, его замысел не был осуществлен. А серия, о которой вы говорите,— это, по существу, попытка создать собирательный портрет молодого советского человека нашего, XX века. Эта библиотека совершенно необходима.

А. ЛИХАНОВ. Девиз этой серии я сформулировал бы так — о сегодняшнем подростке и для него. Нужно говорить о самом реальном, нужно говорить о современном...

Диалог записал А. ЯХОНТОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Ш. Ф. МАННУРУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по художественному переводу направили Шафику Фазлыевичу Маннуру приветствие:

«В день Вашего семидесятилетия щедрая судьба, известному татарскому поэту и прозаику, одному из патриархов многонациональной советской литературы, наши сердечные поздравления.

Выступив с первым своим поэтическим сборником в 1930 году и будучи уже известным поэтом, Вы прошли рабочую закалку в шахтах, трудились проливщиком на металлургическом заводе, были бетонщиком на Днепрострое. В стихах первого сборника «Чугунные цветы» ярко выражено восприятие молодой поступью социалистической индустрии. Картины преображения села, коренная ломка психологии сельского труженика вдохновили Вас на создание поэмы «Один из тысячи вечеров» и других поэтических произведений.

Участник Великой Отечественной войны, Вы посвятили ратным подвигам советских людей поэму «Девушка из Казани», целый ряд стихотворений. А в послевоенные годы, живя в Таджикистане, Вы стали автором книги стихов, рассказов и очерков «Таджикистан — дитя моей души». Из-под Вашего пера вышли на татарском языке книги стихов, рассказов и очерков о Грузии, Армении, Азербайджане, Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, Белоруссии, Украине, Якутии, Карелии, Дагестане, Башкирии, Чувашии, Удмуртии, Марийской АССР, Мордовской АССР, Калмыкии, Бурятии, Тувинской АССР, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Чечено-Ингушетии, Горном Алтае, Еврейской автономной области, Крыму, Ленинграде, Москве, Ростове-на-Дону, Краснодарском крае, Ставрополье, Хабаровском крае, Приморье, Амурской области, Сахалине, Магаданской области, Камчатке, Тюменской области, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах. Ваши книги переведены на русский и другие языки народов страны. В Ваших переводах публиковались стихи Лермонтова и Шевченко, Стальского и Джамбула, басни Крылова, великий памятник русской литературы «Слово о полку Игореве».

В последние годы Вы работали над крупными произведениями, среди которых — роман о Мусе Джалиле, автобиографическая повесть «Глядя на быстрины».

В годы войны Вы награждены орденом Красной Звезды и медалями, а в послевоенный период — орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета».

Свое семидесятилетие Вы встречаете в расцвете творческих сил, активно участвуете в общественной жизни Союза писателей республики и в работе редакционной коллегии журнала «Казан утлары». Желаем Вам доброго здоровья, новых творческих свершений и успехов в общественной работе».

А. Ю. МИШКИНИСУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по литовской литературе направили Антанасу Юозовичу Мишкинису приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного литовского советского поэта, с семидесятилетием.

Около полувека назад сборником стихов «Белая птица» Вы уверенно ступили на стезю литературного творчества, проявив себя самобытным лириком, органично связанным с богатейшими традициями песенного фольклора. Автор многих книг, Вы внесли весомый вклад в литовскую поэзию.

Несомненны Ваши заслуги и в деле ознакомления родного народа с шедеврами мировой литературы. В Вашем мастерском переводе к литовскому читателю пришли многие произведения Пушкина и Лермонтова, Словацкого и Вазовского, «Листья травы» Уолта Уитмена, комедии Шекспира, пьесы А. Н. Островского, Бориса Горбатова, Яванида Леомова.

От души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих свершений».

Ш. Д. РАДИАНИ (ШЕЦИРУЛИ) — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по грузинской литературе и Совет по критике и литературоведению направили Шалве Дмитриевичу Радиани приветствие:

«Поздравляем Вас, видного грузинского писателя, с семидесятилетием со дня рождения.

Ваши труды по литературоведению и критике, в частности такие, как «История грузинской литературы» (совместно с А. Барамидзе и В. Жгенти), «Галактион Табидзе», «Литературные портреты», «Творчество и критика», «Николоз Бараташвили», и другие широко известны в республике и за ее пределами.

На протяжении многих лет Вы ведете большую педагогическую работу в Тбилисском государственном университете. Известна Ваша общественная деятельность как члена правления Союза писателей Грузии и члена бюро секции критиков.

За заслуги в области литературы Вы были награждены орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

От всей души желаем Вам еще долго и плодотворно трудиться на благо нашей Родины».

Г. И. МУСАЕВУ — 60 лет

Секретариат правления СП СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Гыляману Исабалаевичу Мусаеву приветствие. В нем, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного азербайджанского прозаика, с шестидесятилетием со дня рождения.

Вы пришли в литературу в дни суровых испытаний, выпавших на долю нашей Родины. Были активным участником Великой Отечественной войны, и тема воинского подвига, гражданского мужества советских людей стала основной в Вашем творчестве. Верностью этой благородной теме проникнуты не только Ваши фронтовые рассказы, но и последующие произведения — повести «На путях жизни» и «Надпись на камне».

Подлинную известность и признание всесоюзного читателя принесли Вам историко-революционные романы «Восстание в крепости» и «Северный ветер».

Весом Ваш вклад и в азербайджанскую Лениниану: Ваши рассказы, посвященные великому вождю и его соратникам из азербайджанской гвардии большевиков, по праву считаются удачей всей азербайджанской литературы.

Желаем Вам долгих лет жизни, новых творческих удач, счастья».

И. А. РЯБОКЛЯЧУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по украинской литературе, Совет по драматургии и Совет по художественному переводу направили Ивану Афанасьевичу Рябоклячу приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, известного украинского прозаика, драматурга и переводчика, с шестидесятилетием со дня рождения.

Многолетняя журналистская работа в газетах Донбасса, участие в Великой Отечественной войне дали Вам богатый материал для создания художественных произведений о наших современниках — тружениках и воинах. В Ваших очерках, рассказах и пьесах, в повести «Золототысячники» нашли правдивое отображение многие стороны жизни украинского колхозного села. Лучшие Ваши произведения изданы в переводе на русский и другие языки, а повесть «Золототысячники» удостоена Государственной премии СССР.

Плодотворно работаете Вы также в области художественного перевода на украинский язык.

Мы знаем Вас как активного общественника, отдающего много сил и энергии воспитанию подрастающей литературной смены.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, новых творческих успехов, большого личного счастья.

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Горячо благодарю все организации и всех моих друзей, поздравивших меня с 80-летием и награждением орденом Октябрьской Революции.

П. К. ИГНАТОВ

Прошу через вашу уважаемую газету передать мою глубокую признательность всем друзьям и организациям, поздравившим меня с семидесятилетием.

М. ГЕРНЕТ

ГОЛОСА ОГНЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ

30 лет Великой Победы

Олесь ГОНЧАР

В СВОЕ ВРЕМЯ мир был потрясен трагедией чешского Лидице, французского Орадура. Потом люди узнали о подобной же участи, постигшей белорусское село Хатынь. Более шестисот Хатыней было сметено с лица земли в одной лишь Белоруссии, в этой героической партизанской республике. Население во время карательных экспедиций уничтожалось поголовно, тотально, гитлеровские палачи тщательно заботились о том, чтобы не осталось свидетелей злодеяний. Из огня, из кровавого кошмара фашистской бойни спаслись единицы, спаслись буквально чудом. Осталось мало и с каждым годом становится все меньше этих людей, избежавших уничтожения, тех, кто по горькому праву очевидца может сказать: «Я тоже из огненной деревни...»

Чаще всего это женщины или те, что во время трагедии были еще детьми, малолетками. Можно лишь пожалеть, что никому раньше не пришла в голову мысль записать бесценные свидетельства каждого, кому суждено было спастись. Теперь, спустя три десятилетия, это сделано: труд этот взяли на себя белорусские писатели Алесь Адамович, Янка Брыль и Владимир Колесник. Глубокого уважения заслуживает их труд, продиктованный сыновним долгом, чувством гражданской и человеческой ответственности. Четыре года работали они над произведением, журнальный вариант которого уже опубликован. Вскоре оно выйдет и в виде книги, отдельным изданием. Перед нами — волнующий, строго документированный репортаж, коллективная повесть, состоящая главным образом из рассказов людей, переживших трагедию оккупации, прошедших все круги фашистского ада на истерзанной белорусской земле.

Втроем — Адамович, Брыль и Колесник — они, чтобы реализовать свой замысел, исколесили на «газике» всю республику, в разных местах разыскивая оставшихся в живых очевидцев, дословно записывали их рассказы на магнитофонную ленту, изучали архивы — проделали огромную работу, которой поистине нет цены.

Так возникло это произведение, насыщенное уникальным фактическим материалом.

Слово предоставлено самим очевидцам, чья память до мельчайших подробностей сохранила сцены чудовищной акции, навсегда запечатлела ужас фашистской расправы, массовое изуверское истребление мирных, ни в чем не повинных женщин, стариков, детей. Свидетельствуют те, у кого по сей день стоят в ушах крики и стоны раненых, вопли заживо сжигаемых, охваченных пламенем людей. Чуть ли не каждый из рассказчиков сам был расстрелян, задыхался от дыма в пылающей, битком набитой людьми хате, выбирался из-под кучи трупов, разнесенных гранатой родных и близких, уползал на болота, еще не веря, что остался в живых.

Прямо скажем: малагиое дело читать эту тягостную исповедь уцелевших жертв. Сами авторы признаются, нам тяжело им было слушать тех, кого они записывали. Становишься как бы свидетелем происходящего.

Здесь память людская смотрит действительно «в упор» и словно приближает та жуткие события, дает их «крупным планом», поэтому и «рассказы эти на только убеждают, они заучат временами прямо невыносимо». И это правда, читатель зачастую испытывает такое же ощущение. Авторы, однако, заметили, что сами рассказчики, повествуя для записи, остаются почти спокойны, народная речь их звучит «лапидарно» — ведь столько времени прошло с тех пор, и все, что они пережили, кажется, будто происходило не с ними — разве же такое под силу выдержать человеку!

Да, они были обречены и сознавали это, они уже находились по ту сторону последней черты, там, где человек и собственную боль не ощущает как боль, и все окружающее предстает ему как бы в свете ирреальном, немыслимом, неприемлемом для человеческого восприятия. Они оказались свидетелями некоего светопреставления, катаклизма, и так это отразилось в их психическом состоянии. Поразительно, что разные люди сходятся именно в этом своем ощущении.

«Я думаю, — рассказывает Анна Иосифовна Пошна, — что уже весь свет — нигде на свете никого мама. И видно было, как посалок горал. Так думалось, что уже все...» А женщине из другой деревни — Алене Ильиничне Ватура вторит ей: «Я думала, что я уже осталась на света одна. Конец свету, а я одна, что я буду одна делать? Мне страшно уже одной жить... Я думаю, что и во всех деревнях так, и уже конец свету, и больша народу на будет».

Ведь то, что творилось вокруг, что свершали эти человекоподобные существа в касках, с черепами на груди, было настолько дико, чуждо, чудовищно, что это нельзя было ничем объяснить, такое не укладывалось в нормальное человеческое сознание. Жителям этих, наперед уже обреченных, сел не предъявлялось никаких обвинений, от них ничего не требовалось, не выгоняли их на работы, не отбирали на каторгу в рейх. Их просто оцепляли, сгоняли в дома, потом поджигали. В ином месте — собирали у силосных ям, отсчитывали партиями, заставляли раздеться донага, чтобы не пропала нужная армии фюрера одежда... Порой гитлеровцы со своей свои приспешников приезжали в село еще накануне вечером, ночевали у этих людей, ужинали у их стола, забавлялись, шутили с их ребятишками... А наутро начиналось истребление, и озверевшие садисты уже хватали своих вчерашних хозяев, скручивали головы их ребятишкам.

Сжимается сердце, когда читаешь об истреблении детей. Уж их-то никак нельзя было заподозрить в сообщничестве с партизанами, уж, казалось бы, даже и у отъявленного бандита должна была содрогнуться рука, когда перед ним появлялось дитя с чистыми, невинными глазами, когда четырехлетняя девочка, начутливо учуяв беду и цепляясь как-то ублажить этого страшного дядю, неосознанно взывая к его милосердию, начинала песенку ему петь своим детским, хрупким голоском.

«— Дяди, не берите меня в бабувай, я вам спою ту песенку, которая «Песою гурочки»...

Она спала ми, стючи на подоконнике, а они ее забрали и застрелили...»

Другая мать рассказывает:

«— В очередь поставили нас, сорок человек, и давай стрелять... Как стали стрелять, дак Демьяна первого. В затылок — он и упал, ни словечка не сказал, ни словечка. А хлопчик уже идет, бедный, да все: «Ой, боюсь, ой, боюсь!» А нам выстрелили, дак он еще крикнул: «Ой, не боюсь!»... Ему годков двенадцать было».

Снова же для карателей важно было не оставлять свидетелей, не оставлять и детских глаз, которые это видели, голосов, которые могли потом это рассказать. Не пытались убийцы даже для видимости в чем-то разбираться, кого-то допрашивать, уличать, отделять «виновных» от «невиновных». Это было не нужно, противоречило самой задаче — уничтожать, истреблять весь народ, включая и его самые нежные ростки, потому что только это отвечало замыслам верховного маньяка и его сподручных. Замысел состоял в том, чтобы создать здесь «зону пустыни», искоренить этот биологический вид (по расистским понятиям — «неполноценный»), уничтожить живую силу, «биологический потенциал» народа, который является лишь помехой для расы «сверхчеловеков».

Сверхпалачи, сверхчудовища, зверствами они обозначили свой путь повсюду. Эта же земля им виделась еще и своего рода «экспериментальным полем», которое даст им опыт геноцида, — это отвечало приказу Гитлера о том, что «области северной Украины должны быть очищены от всякого населения» (здесь имелось в виду и белорусское Полесье), их жертвы не подлежали никакой дифференциации, не делалось тут различия ни по возрастному, ни по национальному, ни по какому-либо иному признаку: уничтожались подряд белорусы, русские, украинцы, евреи, поляки, уничтожались лишь потому, что они были советскими людьми, что в них захватчик чувствовал своего потенциального смертного врага. Отвечая на вопрос о причинах расправы, один из уцелевших акцентирует внимание именно на этом:

«— Причина была, я думаю, только та, что мы советские люди...»

В самом дело, чем же иначе объяснить? Даже на грани смерти один на тех, кого сейчас будут расстреливать, пытается как-то понять действия этих душегубов, он спрашивает их, недоумевая:

«— Вы люди или какие-то... или немно-то зверн, или кто вы такие? За что вы нас стреляете? Ну, я партизан, меня стреляйте. Но зачем вы грудного ребенка будете расстреливать? Зачем старика, который едва ходит? Кто вы такие?..»

Ведь он мыслит сообразно человеческим нормам, мыслит как человек цивилизованный, для которого существует понятие справедливости, чувство сострадания, ему трудно понять этих взбесившихся фашистских роботов, для него они почти загадка: «Кто вы такие?»

Фашизм — имя этому злу, истерзавшему народы, запятнавшему себя тягчайшими преступлениями века. Действия этих палачей характерны тем, что они часто совершались даже не в приступе ярости, карательского психоза, они превращались в привычное дело, занятие, потому что ответственность с убийц была снята заранее, их поступки были запланированы сверху, проводить «акции» надлежало с холодным расчетом, методично, железной рукой. Новые факты еще раз подтверждают: на белорусской земле, как и в других местах, не просто свирепствовал разбой — здесь планомерно проводилась политика фашистского геноцида, здесь начиналось и отрабатывалось и систему то, что было уготовано всем народам, всему человечеству.

Бережно сохранив рассказы очевидцев, их индивидуальные, неповторимые интонации, самой правдой этих живых, несожженных голосов, которых каратели не успели сжечь, удушить, книга передает нам глубину народной трагедии, с неожиданной стороны освещает то, что, казалось, уже было известно из других источников. Нет, никого не повторяют эти безыскусные, бесхитростные голоса, эти коллективные народные речитативы, говорящая совесть людей, которые, кажется, озабочены только одним — засвидетельствовать перед потомками, донести до их сознания истинность того, что происходило среди лесов и болот Белоруссии, когда там хозяйничал оккупант, когда возмездие еще не наступило.

Не раз читатель остановится, чтобы одуматься, осмыслить происходившее и еще более углубленном свете предстанет перед ним благородная миссия нашей армии, подвиг советского воина — солдата и партизана, принесшего спасение миллионам людей, свершившим свой праведный суд над фашистскими выродками.

Особо хочется отметить тот дух человечности, который не покидал советских людей даже в часы самых страшных испытаний: нельзя без волнения читать, как они, обливаясь собственной кровью, помогают друг другу, как старики и матери в предсмертные минуты пытаются спасти детей, не заботясь уже о самих себе.

Как-то неуместно говорить в данном случае о сугубо литературных достоинствах этой книги, хотя они и несомненны. Нет здесь придумок, пустых словесных эффектов, большой писательский опыт сказался в самом замысле и построении книги, в немногословных авторских комментариях, предельно сжатых и содержанных, и в том, с каким тактом ставятся вопросы собеседникам, и в портретных зарисовках этих людей, в меткости их психологических характеристик... При чтении не раз вспоминается Юлиус Фучик и его бессмертный репортаж, с которым голоса белорусских крестьян перекликаются своей обличительной силой.

Хотелось бы, чтобы как можно большее число людей прочитало эту нелегкую книгу. Многое скажет она и тем, кто прошел войну, и людям молодым, кто, к счастью, не видел войны, однако должен знать о ней все, чтобы и мыслью, и эмоционально приобщиться к тому, что перенес народ и во имя чего советские люди не щадили себя. Хотелось бы, чтобы и там, на Западе, где так часто стараются приуменьшить размеры фашистских злодеяний, где на людей доверчивых обрушивают потоки всякого рода «исследований» и «мемуаров», пытающихся обелить то, что обелить невозможно, — надо, чтобы и там знали правду того времени, правду, необходимую для всех нас. Ведь угроза была всеобщей, и лишь благодаря усилиям народов, и прежде всего подвигу советских людей, другие не увидели над собой того зловещего зарева, которое вставало над многострадальными белорусскими весками.

Сам нравственный человеческий долг повелевает каждому из нас прислушаться к тому, что через многие годы пронесла, сохранила стойкая память народная. Сохранила настоящему — в урок, будущему — в предостережение.

КИЕВ

Алесь Адамович, Янка Брыль, Владимир Колесник. «Я — из огненной деревни». Авторизованный перевод с белорусского Дм. Ковалева. Журналы «Неман», №№ 10, 11; «Октябрь», №№ 9, 10.

НЕФТЕЮГАНСК

Линогравюра М. РОГОЖНЕВА

ПИСАТЕЛИ О КНИГАХ

Надар ДУМБАДЗЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МОЛДАВИИ С ХОРОШИМ ДРУГОМ

МНЕ ХОЧЕТСЯ поделиться с читателями некоторыми мыслями и впечатлениями о повести известного молдавского писателя Аурелиу Бусуйока «Мой парижский дядя». Поскольку я не профессиональный критик, не стану здесь заниматься перечислением достоинств или недостатков небольшой (и, кстати говоря, очень удачно оформленной художником А. Блохом) книжки. Хотя это вовсе не означает, будто я не вижу в ней недостатков или тем более достоинств. Просто, когда один писатель пишет о другом, всегда есть опасность, что он станет как бы подменять собою автора, начнет рассуждать, как написал бы то же самое именно он, насколько под его пером все вышло бы иначе и, конечно, лучше. Но тогда возьми и пиши сам, а не навязывай другому своих субъективных пристрастий. Так что пусть критика выносит окончательный «приговор», я же, как обещал, просто поделюсь своими впечатлениями.

Книга А. Бусуйока привлекла меня многим. Прежде всего тем, что ее автора волнуют те же проблемы, которые интересуют сегодня множество людей и над которыми, признаюсь, и я размышлял немало, работая над своими книгами. Действительно, попробуйте найти на земле человека, которого не заботили бы судьбы молодого поколения. Очень легко встать в позу обличителя и кричать: «Ах, уж эта нынешняя молодежь!» — очень легко заняться чтением лекций на тему, какими мы были в свое время. Но давным-давно замечено, что такие восклицания и такие лекции никакого эффекта не приносят. Да и мы с вами ведь тоже еще не забыли времена, когда наши деды и отцы адресовали те же слова нам, ссылаясь на свои достоинства. Так было, так будет.

Вспомните, какие «конфликты поколений» вызывали ожесточенные дискуссии то против узких брюк, то против широких брюк, то против густых бород, то против длинных волос, то против громкого джаза, то против тихого блюза... И как-то в суматохе и шуме этих и подобных дискуссий не всегда вспоминалось, что бороться надо не против узких брюк и громкой музыки, а против узких взглядов, против громогласной и пустозвонной демагогии, кто бы ни стоял за ними — люди старшего поколения или молодые...

Книга «Мой парижский дядя» подкупает именно тем, что она свободна от узости и ханжества в описании молодых людей и их привычек, она повествует об их делах, заботах, жизненных сложностях с умным и доброжелательным пониманием. Повествует свободно, весело, остроумно и иронично — так, как любит говорить сама наша молодежь. Здесь хотелось бы сказать о трудностях передачи юмора на другом языке, о каких-то потерях в естественности и тонкости речи автора и персонажей, но, не зная молдавского, не могу брать на себя смелость судить — что здесь идет от автора, а что — от переводчика.

Главный герой повести Андрей, его родители, многочисленная родня, приятели, наконец, его девушка — золотоволосая Аура написаны так, что мы узнаем в них своих знакомых. Особенно подробно и убедительно выписаны образы молодых героев. Пусть на словах они порой не очень почтительны к старшим, но это не значит, что они не любят или не уважают их. Пусть они не всегда прилежны в посещении лекций и в выполнении домашних заданий, но это не значит, что они не хотят стать настоящими специалистами своего дела и не станут ими. В подавляющем большинстве они серьезно относятся к жизни и к своему назначению в ней.

Да простится мне возвышенный стиль, но разве не показательно, что именно наши молодые современники, сверстники Андрея и Ауры, по первому призыву ехали поднимать целину, а сейчас дружно отправились на строительство Байкало-Амурской магистрали. Именно они работают на стройках и колхозных полях, трудятся у станков и в научно-исследовательских институтах, именно им доверено оружие для защиты спокойствия и неприкосновенности наших государственных границ.

Молодые герои Аурелиу Бусуйока, как и все их сверстники, хотят все посмотреть своими глазами, все пощупать своими руками. Этим они родственны всем юношам и девушкам нашей страны. Но в то же время, это, без всякого сомнения, сыновья и дочери именно сегодняшней молдавской земли, молодое поколение древнего, трудолюбивого, романтичного и жизнерадостного молдавского народа. И если мы поверили в это, значит, писатель достиг очень важного успеха. Для его достижения он находит очень точные средства. Андрей Пэдурару и его друзья показаны в самых различных ситуациях — в кругу семьи, в окружении многочисленных родственников, с друзьями и недругами, в городе и в деревне, в деле и на отдыхе. Перед нами как бы развертывается кинематографическая панорама, раскрывается пестрый, многоцветный, яркий мир братской Молдавии.

Вторая особенность повести А. Бусуйока, на которую мне хочется обратить внимание, придает ей особую достоверность и привлекательность. Ее персонажи нарисованы не статично, а как бы в движении, они — и молодые, и старые — как бы растут и развиваются на страницах повести, в чем-то меняются на наших глазах, что-то открывают для себя.

«Я знаю, — рассуждает главный герой, — когда-нибудь настанет день (никому неведомо, когда этот день придет, но придет он обязательно), и я задам себе прямой, суровый вопрос: почему, Андрей Пэдурару, ты жил столько времени в твердым убеждением, будто белый свет с тебя начинается и на тебе же должен кончиться? Почему ты до сих пор уверен в своей непогрешимости, почему считаешь, что плохо, неправильно, неверно живут все остальные, только не ты?»

Таков нравственный итог того отрезка жизни Андрея, который прошел перед нами. Итог очень значительный, важный для любого человека, и особенно для человека молодого, вступающего в жизнь. Это сознание своего места в людском ряду — первый шаг на пути к зрелости.

Несмотря на ограниченную площадь повести, в ней изображен духовный рост и других героев. Меняется в своем отношении к окружающим Аура — типичное дитя современного города, и родные герои, и даже сам «парижский дядя», который вовсе не хочет ограничивать свою роль в повести лишь функцией «двигателя» сюжета.

Здесь мы подошли к третьей стороне повести Аурелиу Бусуйока. Поначалу все персонажи его произведения, да и читатели, ожидают приезда «парижского дяди», представляя его со всеми привычными атрибутами «литературного иностранца» — такими, как «Мулен-Руж, Ша-Нуар, Лувр...» и «роскошный «ягуар» или «мерседес-2200» у ворот». В процессе чтения этот штамп последовательно разрушается: перед нами оказывается человек старый, небогатый, измученный жизнью, человек, который и про Париж толком ничего не рассказывает, тем более что и не живет в нем. Но зато человек исключительных душевных качеств и необыкновенной биографии.

Если бы писатель ограничил свою задачу тем, чтобы доказать беспочвенность стандартных, штампованных представлений о жизни и о людях, он сделал бы лишь полдела. То, что жизнь человека сложнее и многограннее всяких предвзятых представлений, общеизвестно. Главное состоит в том, какого человека предлагает писатель нашему вниманию.

Дядя Александр прожил большую жизнь, богатую событиями и приключениями. Был летчиком, механиком, борцом, революционером-подпольщиком, воевал в рядах испанских антифашистов, пережил оккупацию Франции. Сама его биография как бы призвана служить своего рода иллюстрацией судьбы его народа (правда, мне лично иллюстративность его жизненной истории кажется чрезмерной, а детективный элемент, связанный с роковой ролью таинственной женщины, ставшей причиной его эмиграции, — излишним, но это, повторяю, мое личное мнение). И вот, вернувшись после многолетних странствий в родные края, он открывает для себя совершенно новый мир, потому что за время его отсутствия Молдавия встала на путь строительства новой жизни.

Мне показались очень привлекательными страницы, описывающие путешествие дяди Алека по местам, с которыми его связывают воспоминания молодости, память о старых друзьях или о первой любви, память о далеком прошлом. И в то же время перед нами — сегодняшний день социалистической Молдавии, новь молдавской земли. Это сочетание открывает много нового не только для нас, читателей, но и для Андрея, который сопровождал дядю в его поездке.

Каков же результат этого путешествия? Он был одновременно и закономерным — дядя Александр, для которого итог жизни воплотился в желанном обретении Родины, решает поселиться на постоянное жительство в селе, и неожиданным — он, как бы не выдержав половодья сильных впечатлений и переживаний, там же, в дороге, на ходу, внезапно умирает. Нам трудно смириться с этим, мы так же, как его племянник, запомнили и полюбили старого Алека живым, настоящим, несгибаемым.

Но искра, зажженная им, не погаснет в сердце Андрея и других людей, с которыми он встречался в жизни. Такова бесконечная эстафета преемственности революционных традиций, которая от бойцов старой гвардии переходит к детям и внукам. Главный итог, к которому приводит читателя книга А. Бусуйока, в том, что эстафета не прерывается, что она в надежных и сильных руках сегодняшних юношей и девушек Молдавии, Грузии, России, всей нашей прекрасной страны.

Аурелиу Бусуйок. «Мой парижский дядя». Издательство «Молодая гвардия». М. 1974.

Петр ПРОСКУРИН

ЖЕЛАННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

С ПЕРВЫХ ЖЕ строк повести Михаила Колосова «Карповы злопеки» мягко погружаешься в очень простой и размеренный ход жизни, все глубже затягивающий тебя предельной искренностью и обыкновенностью, встряхивающий иногда неожиданным водоворотом. Когда заканчиваешь течение этой повести, тебя так и не покидает ощущение свежести и прохлады.

Что же произошло, чем обогатил нас характер обыкновенного железнодорожного рабочего Карпа Гурина, вся жизнь которого проходит перед нами? Пожалуй, однозначным ответом тут не обойдешься. Но ясно, что в литературу пришел характер самобытный, интересный, привлекающий нас своей особой жизнестойкостью, неистребимым народным оптимизмом, смекалкой, трудолюбием. И это, пожалуй, определяет главный интерес к образу Карпа Гурина, к жизненной и исторической судьбе героя.

В душе этого человека заложена основная творческая идея, по которой живет народ вообще, постоянно творит, строит, создает что-то новое, и это — как бы своеобразный талисман подлинного бессмертия. И дети Карпа Гурина наследуют отцовскую неуспокоенность и мастеровитость, в них присутствует ясное ощущение беспредельности творческих возможностей рабочего класса, хотя, казалось бы, Карпо Гурин ничем особым их не одарил, отправляя в долгий жизненный путь. Только трудолюбием и непритязательностью, умением прийти друг другу на помощь и еще доброжелательным отношением к людям. Но так ли уж это мало? Ведь все эти качества — основные, необходимые свойства человеческой души. Сыновья и внуки Карпа с молоком матери впитали добротную человеческую основу.

Вторая повесть Михаила Колосова, вошедшая в сборник, — «Затмение». Это вещь иного плана, иного наполнения, с некоторым, я сказал бы, сатирическим подсветом.

Умер председатель колхоза Евмбизов Владимир Иванович, и только после смерти проступает, выявляется истинное значение его жизни и деяний. В многоликости человеческих суждений о нем перед нами проходит множество самых различных характеров, они, словно лучи света в капле воды, преломляются в самых неожиданных, самых причудливых измерениях. Вдруг оказывается, что этот вездесущий, кое-кому и неприятный, надоевший председатель колхоза ушел, многого не доделав, что он, ушедший, еще связан с жизнью множеством прочных нитей. Оказывается, жизнь людей от рождения и до самого ухода пронизана взаимным интересом, нет случайной боли, каждый человек соединен с другим невидимой прочной взаимосвязью... Вот об этом — повесть «Затмение». Всего лишь один смерть показала, каким сложным и непоторимым центром взаимозависимостей бывает человек, только один человек.

Повесть «Затмение» богата социальной разноплановостью образов, нравственной амплитудой характеров; и когда в конце концов оказывается, что Бамбизов вовсе не умер, и тем более не застрелился (рядом с ним просто валялся револьвер, который он чистил), и что у него сердечный приступ и он без сознания, происходит стремительное своеобразное смещение всех характеров повести от конца к началу, и вот тут и начинает выясняться, кто действительно показал свое настоящее лицо, а кто, скрывая свою истинную суть, всего лишь нацепил на себя приличествующую случаю личину. Некоторые тотчас спохватываются, пытаются выправить положение, но дело уже сделано, подлинное лицо каждого уже проступило. Стоит заметить, что и Карпов, и вторая повести написаны со зрелым мастерством, писатель на обыкновенном жизненном материале умеет создать картину впечатляющую, подлинно народную, вызвать большие и глубокие мысли.

В новой книге Михаила Колосова внутреннее тепло любви к людям, скрываясь в глубине повествования, позволяет нам ощутить подспудные токи жизни, лучше понять движение человека к его нравственному и социальному совершенствованию.

М. Колосов. «Срубили белую акацию...». Издательство «Современник». М. 1974.

РЕПЛИКА

НОВЫЕ «НАБЛЮДЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ»

«Повесть о словах» Д. Ю. Набокова «Бессмертный дар», неоднократно переиздававшаяся в Алтайском книжном издательстве, еще встречается в книжных магазинах. В кратком предисловии к книге говорится, что первое издание «бессмертного дара», вышедшее в 1965 году, «было благоприятно встречено широким кругом читателей» и что в новое издание «автор внес ряд исправлений, уточнений».

Внимательно ознакомившись с книгой, убеждаешься, однако, что этих исправлений и уточнений недостаточно. Вероятно, скажем, автор комментировать слово «алмать» и тут же вспоминает классику: «...когда М. В. Гоголь описывал детство Чичикова, «алмать» звучит совсем по-иному: «Юноша с самого начала не знал только трудностей, дича действовать только там, где трудно». А ведь у Гоголя здесь идет речь совсем не о детстве Чичикова, а о воспитанниках шестивенных Тентетниковых.

Или требуется автору пример на слово «тарабарщина». И он цитирует строчку из стихотворения Маяковского «Любовь»: «Мог ли поп скрепляет тарабарщиной...», — хотя у поэта вовсе не «тарабарщина», а «тарабарящий». А вот пример цитации Пушкина:

«Француз убогой» Евгения
Слегка за шалости бранил.

Не правда ли, несколько вольное обращение с онегинской строфой?

Изнежен отрывок из «Выстого и дум» Герцена: «...отец мой... не все книги показывал или клал у себя на столе, иные прятались в шифоньер». В тексте же: «Отец мой видел в этом двойную пользу: во-первых, что я скорее выучусь по-французски, а сверх того, что я занят, то есть сижу смирно и притом у себя в комнате. К тому же я не все книги показывал или имел у себя на столе, — иные прятались в шифоньер».

Не понятны цели, вынудившие автора приписывать привычку маленького Герцена его отцу. Вряд ли поводом для этого могло явиться слово «шифоньер», ради которого и была найдена эта цитата.

Отличаются своеобразием и некоторые стилистические находки автора.

«Патетическая соната» (вместо соната) Ватсовеве и учение о болезнях — «пателогия», так же, как и слово «пафос», — одного корня. Заметьте: не слово «патетический», а именно соната Ватсовеве, «прошляпить» — значит «проиграть дело, случай». Как это — проиграть случай?

С легкой руки автора «конлопандры» (класс многоножек) попали в число насекомых, которым полагается иметь лишь по три пары ног. И поводзкам, в которые запрягают лошадей, на равных правах с телегой отнесены карты и тройка.

И причудам авторской памяти, вероятно, следует отнести и то, что, приводя два примера употребления Пушкиным слова «напоть», чуть ниже Д. Ю. Набоков пишет: «Но слово «напоть» у Пушкина не встречается». Дважды в книге процитирована строчка из раннего стихотворения Пушкина «Не мне ль бессмертьем льститься?», и оба раза «не» заменено на «не», так что смысл высказывания стал противоположным.

В предисловии, написанном редактором книги, доктором филологических наук Н. А. Тимофеевым, говорится, что «в книге Д. Ю. Набокова читатели найдет много интересного, ценного, хотя и не всегда бесспорного». С этой рекомендацией ученого невозможно не согласиться.

В. ПАСЫНКОВ

БАРНАУЛ

МНОГО ШУМА ИЗ НИЧЕГО

«А не могло ли быть, что!..» — такой вопрос нередко ставят перед собой авторы иных литературоведческих работ — так называемые «любители сенсационных открытий». Но ведь от шаткого «могло быть» до «это действительно было» или «это есть» — расстояние огромное. Чтобы иметь основания сказать: «это действительно было», «это есть», прежде всего нужны доказательства. Какие же аргументы доказательств и аргументов у «любителя сенсационных открытий») Какова методология его исследования! Об этом — публикуемая сегодня статья.

О. ТВОРОГОВ,
доктор филологических наук

В КУСТАРНИКЕ, окружавшем поляну, на которой должна была состояться дуэль Пушкина с Дантесом, спрятался «человечек без имени, в шинельке, похожий на заурядного чиновника, человечек под номером двенадцать». Это был агент Бенкендорфа, посланный шефом III Отделения с приказом застрелить Пушкина, если бы Дантес вдруг промахнулся. Но Пушкин упал в снег, сраженный пулей Дантеса, и человечку стрелять не пришлось.

А в это время жандармы, посланные тем же Бенкендорфом якобы для того, чтобы предотвратить дуэль, мчались не к Черной речке, а совсем в другую сторону.

Я спешу развеять недоумение читателей. Все рассказанное здесь — не результат сенсационных находок в архивах: это эпизоды из повести Юрия Вонщева «Ночная метель», опубликованной в журнале «Подъем» (№ 1, 1973). Совершенно справедливо писала об этой повести в свое время «Литературная газета». Оставим в стороне вопрос о допустимых границах литературного вымысла, хотя, впрочем, думается, что имя Пушкина слишком для нас священо, а обстоятельства его гибели слишком трагичны, чтобы на этой «теме» можно было строить детективный сюжет. Но будем надеяться, что читатели воспримут повесть Ю. Вонщева как «чистую беллетристику» и сотрудникам квартиры-музея Пушкина в доме на Мойке не придется объяснять дотошным экскурсантам, что «человечка без имени»» в действительности не было.

Впрочем, пушкинисты все же могут попасть в затруднительное положение. Действительно: кто может положиться (как говорят в быту, «на сто процентов»), что такого быть не могло? Разве у Бенкендорфа не было тайных агентов? Разве он не ненавидел Пушкина? Это невероятно? Это неслыханная подлость? Но ведь и Дантес, говорят, не постеснялся выйти на дуэль с Пушкиным, поддев под мундир кольчугу или кирасу.

Стоп! Здесь мы, кажется, перешагнули недозволенную грань, поставив «литературный вымысел» Ю. Вонщева в один ряд с научными версиями В. Вересаева, В. Сафронова и других. Но, как увидим далее, грань эта не столь уж ощутима. Попытаемся в этом разобраться.

Начнем с версии Ю. Вонщева. А. Амосов со слов секунданта Пушкина К. Данзаса сообщает: «На стороне барона Геккерена и Дантеса был, между прочим, и покойный граф Бенкендорф, не любивший Пушкина. Одним только этим нерасположением, говорит Данзас, и можно объяснить, что дуэль Пушкина не была остановлена полицией. Жандармы были посланы, как он слышал, в Екатерингоф, будто бы по ошибке, думая, что дуэль должна была происходить там, а она была за Черной речкой около Комендантской дачи...»

Вот и все, что сообщают нам современники о той коллизии, которая легла в основу сюжета повести Ю. Вонщева. Но обратите внимание на любопытный психологический факт: нам только подобная версия высказана, у нее могут появиться сторонники, которые станут упрямо отвергать любую контраргументацию специалистов и согласятся поверить только «личному» письму Бенкендорфа, в котором бы граф клятвенно отрицал факт посылки агента номер двенадцать. Но такого письма, разумеется, нет, и упрямцы доказывают себе право поверить всему тому, что нельзя опровергнуть.

Однако в научной практике есть общепринятый принцип — «бремя доказательств», то есть обоснование права на выдвижение гипотезы и ее аргументация, это долг автора исследования: неопровергнутая догадка не есть еще научная гипотеза. Об этом нередко забывают любители научных сенсаций, ибо версии, где уживаются рядом подлинные факты и самый смелый вымысел, встречаются не только в романах и повестях, но и в литературоведческих исследованиях.

Видный специалист по литературе XVIII века профессор Г. Макагоненко в свое время назвал работы такого типа «романическим литературоведением». Авторы таких работ, по его словам, «не убеждают точными доказательствами, а предлагают читателю поверить их увлечениям и предположениям». Статья Г. Макагоненко была опубликована десять лет назад, но «романическое литературоведение» живо и поныне.

ЕСТЬ удивительное явление (заслуживающее, видимо, специального внимания историков науки), которое можно назвать «научной легендой». С типичным ее примером мы встречаемся в интересующей нас истории дуэли Пушкина. Кстати, не случайно в этой статье речь идет в основном о работах, посвященных Пушкину: большая часть легенд, сомнительных догадок, предположений сосредоточена как раз вокруг его имени.

Писатель И. Рахилло рассказывает такой факт. В начале 30-х гг. в Малеевку (под Москвой) в Дом творчества писателей приехал известный исследователь-пушкинист В. Вересаев. Шла беседа об обстоятельствах гибели Пушкина. И тут «некий литератор из города Архангельска» (фамилию его И. Рахилло не удалось установить) сообщил, что он «случайно натолкнулся на запись — не то в домовой книге, не то в книге для приезжающих — на имя некоего человека, приехавшего (в Архангельск накануне дуэли Пушкина с Дантесом. — О. Т.) от Геккерена и поселившегося на улице, где жили оружейники». Рассказ архангельца необычайно заинтересовал В. Вересаева, и его «осенила неожиданная догадка: не посылал ли Геккерен в Архангельск человека со специальным заданием — заказать там для Дантеса кольчугу или панцирь? И не поэтому ли он был прописан на какой-то там Оружейной улице». В вот что характерно для подобных «научных легенд»: всегда между документом (в нашем примере «книгой для приезжающих») и исследователями (В. Вересаев и И. Рахилло) оказывается некий «посредник» (здесь «архангельский литератор»). И как правило, исследователям не удается — минуя этого посредника — самим увидеть многообещающий документ. Это не удалось сделать В. Вересаеву: при следующей встрече с И. Рахилло он, правда, упоминал о своей догадке, но по-прежнему на располагая никакими достоверными сведениями о «посланце Геккерена». И. Рахилло также не нашел никаких следов «архангельского литератора», а из краеведческого музея ему лишь сообщили, что «с XVII веке !!! — О. Т.) в Архангельске действительно существовали улицы оружейных мастеров, Стрелецкая, Посадская и другие, где, вероятно, и проживали мастера-оружейники».

Можно спорить о целесообразности обнародования таких «легенд», но одно несомненно — рассматривать их как аргумент научной версии и тем более как основание для нее нельзя до тех пор, пока мы не получим документального подтверждения «достоверности» «легенды».

Здесь пора уже сформулировать разницу между догадкой и гипотезой. Догадка — это всякое предположение о том, что могло бы быть: гипотеза — это догадка, подтверждаемая и обоснованная косвенными доказательствами, разного рода вторичными фактами. От догадки можно отмахнуться, гипотезу можно либо опровергнуть, либо заменить другой, ибо косвенные факты неизбежно требуют того или иного объяснения, однако и гипотезу нельзя смешивать с безусловно доказанным фактом. Тем не менее в работах «романического литературоведения» нередко догадку выдают за гипотезу, а гипотезу — за доказанный факт.

Вот еще один характерный пример. М. Яшин в своей работе о дуэли Пушкина не основании документов устанавливает, что 6 октября 1836 г. поручик Дантес был назначен почетным ординарцем при Николае I на общем разводе пажей. Однако можно лишь предполагать, что именно в этот день Николай беседовал с Дантесом и приказал ему жениться на свояченице Пушкина — Екатерине Гончаровой. «Сама встреча императора с поручиком еще ничего не говорит, нам неизвестно и содержание разговора между ними», — справедливо замечает и сам М. Яшин. Добавим, что нам неизвестно также, был ли вообще этот разговор: основанием для предположения о беседе является запись в камер-фурьерском журнала, на которой и делается вывод, что император «...перед самым отъездом из Аничкова дворца в Царское Село, зачем-то вдруг выехал на двадцатиминутную прогулку...». Однако в дальнейшем уже говорится об этой встрече и беседе как о доказанных фактах: «...Необходимо отметить свидетельства о встрече Николая с Дантесом... Предназначенного ее очевидца, а последствия многозначительны».

ЧЕРТЫ «романического литературоведения» мы обнаружим и в многочисленных дилетантских работах, посвященных, например, «Слову о полку Игореве». Мы встретимся в них и с «научными легендами» — рассказами о судьбе списков «Слова...», будто бы виденных таинственными очевидцами; мы встретимся в них с досужими домыслами о том, кто был автором «Слова...»; при этом вся аргументация очередной догадки нередко сводится к тому, что предполагаемый автор мог написать «Слово...», ибо знал о походе Игоря и был причастен к книжной культуре.

Особенно поучительны для нашей темы дилетантские попытки предложить новое, «свое» прочтение отдельных фраз и целых фрагментов памятника. Создатели подобных гипотез обычно поступают так: сначала предлагается внести в традиционный текст «Слова...» те или иные изменения, необходимость которых оправдывается лишь «смыслом» и нередко противоречит грамматике древнерусского языка, затем предлагается новое «прочтение» исправленного места. Таким образом, перед нами типичный для «романического литературоведения» замкнутый круг: реальный источник «исправляется» в угоду гипотезе, а затем на этом «реконструированном» тексте та же гипотеза не без торжественности доказывается.

ЧИСЛО подобных примеров можно было бы без труда увеличить, но у читателя, естественно, возникает вопрос: так ли уж страшно «романическое литературоведение»? Ведь приведенные примеры носят все-таки частный характер.

Но, во-первых, за каждым таким примером стоит определенная тенденция, прослеживаемая во многих здесь не упомянутых работах. Во-вторых, к чести нашей науки, основная масса статей и заметок, написанных в жанре «романического литературоведения», как правило, не добирается до типографии — их задерживают взыскательные редакторы и рецензенты. Однако этот «неопубликованный фонд» чрезвычайно велик и свидетельствует о прочности некоторых заблуждений относительно методов и принципов литературоведческих исследований. Наконец нельзя забывать и о том, что «романическое литературоведение» существует в какой-то мере «ради сенсаций», предметом его внимания оказываются выдающиеся писатели или ценнейшие памятники нашей литературы. Поэтому «открытия» «романических литературоведов» иногда получают нездоровый общественный резонанс, а мы уже видели, что выдвинуть самую смелую версию легко, а успокоить разбушевавшиеся страсти бывает весьма трудно.

КАКАЯ же альтернатива «романическому литературоведению»? Неужели «узколобая», осторожная фактография? Разумеется, нет! Исследователь не только может, он просто обязан делать обобщения, строить гипотезы, реконструировать недостающие звенья историко-литературных конструкций. Но допустимо и такт ученого долга: он должен, чтобы ни на минуту не вводить читателя в заблуждение, настойчиво обращать его внимание на отличие доказанных фактов от предположений и гипотез, не закрывать глаза на факты, противоречащие гипотезе или позволяющие искать иные пути ее решения. Иллюзия изученности того или иного вопроса, снимая доказанность факта чрезвычайно опасны: они не только содержат неверную информацию, но одновременно искажают перспективы дальнейших разысканий, направляют их по ложному пути.

Пусть мы знаем пока что намного меньше, чем нам хотелось бы знать, но пусть эти знания будут прочными, без нездорового отблеска эффектных сенсаций!

ОТ ОБЗОРА К АНАЛИЗУ

ВСТРЕЧА с книгой Владимира Канторовича «Заметки писателя о современном очерке», вышедшей вторым изданием, — новая встреча, потому что автор на стал просто повторяться. Кое-где многое свыше десяти лет, и уж где-то, а в очерке произошли перемены серьезные. Появились талантливые книги, молодые имена, а некоторые вполне маститые романисты, обратившись к очерку, обрели второе дыхание. Обо всем этом рассказывается в «Заметках».

Книга богата мыслями и материалом. В. Канторович пишет об очерке проблемном и путевом, исследует вопросы жанра и воспитания художественного вкуса, говорит о документализме и образе героя-рассказчика.

Писатель рассматривает различного рода очерки на широком литературном фоне, выступая против резкого отделения очерка от соседних жанров. Его обзор литературы выглядит весьма внушительно. И если бы перед нами был лишь обзор, он уже имел бы полное право на существование — обзоров современной литературы нам все еще не хватает. Но автор идет вглубь, предлагая главы аналитические, посвященные новейшим (и самым значительным) явлениям очерка-листики. Так появляются любопытные монографии «Данила Гранин — всерьез», «Суровые очерки Ольги Чайковской», «Очерки Анатолия Дарахвелидзе», «Русская проза» — исповедь писателя (о книге очерков В. Конецкого «Сильный ветер»). Не оставлена рецензентского типа, а глубокая суммарная — без того представляет собой труд анализ. Автор видит в своеобразной модификации путевого очерка» в трилогии «Сад Камней», он рассматривает «литературоведческие этюды» писателя, определяет особенности его нынешней среды. Говоря о «Священном дереве» и «Двух яицах», В. Канторович справедливо замечает: «...только ли о произведениях литературы, скульптуры написаны эти роли Гранина? Нет, конечно! В об истории, и об обществе — том, в котором жили и творили исторические герои, так и современники рождались произведения о них, и, конечно же, в нашем времени. О нас, пытающихся, подобно предшествующим поколениям, по-своему осмыслить и замыслы Пушкина, и историю. Словом, эта подлинная ассоциативная литературная критика».

В «Заметках писателя» сильно проявилось критическое начало. В. Канторович выбирает для своей критики произведения талантливые, не стреляет «на пушек по воробьям». Думаю, В. Конецкий не посетует на суровые слова о любовных пассажах в его произведениях, придется согласиться и с тем, что условная романтика и сентиментальность снижают ценность путевых книг писателя-моряка. Добавим, что суждения В. Конецкого не всегда обнаруживают тот масштаб критичности, который и придает особую значимость произведениям свободного жанра, будь то путевые очерки или мемуары... Критика В. Канторовичем книги известного писателя, человека тонкого, наблюдательного, принципиального заботой о нем, заботой о том ветви очерка, которую, может быть, лучше других представляет имение В. Конецкий.

Многое в качестве примера лишь некоторые из произведений, рассмотренных в рецензируемой работе, хотелось особо подчеркнуть, что автор широко опирается на собственный опыт очеркиста, много пересматривает свои прежние взгляды.

Вместе с тем в ряде случаев в работе не хватает ответов на некоторые вопросы. Жаль, ответы эти показались бы мне неполными. Не думаю, например, что лишь книгопродавцы и товароведы повинны в том, что читатель с опозданием открывает для себя книги очеркового жанра. Часто жанр этот дискредитируется неумелым исполнительством. Можно было бы отметить и известную ограниченность устаревания отдельных очерков проблемного характера. В. Канторович пишет об этом, однако, недостаточно определенно.

Читателей у этой книги будет много. Они обнаружат в ней обилие фактов, мыслей, касающихся литературы и жизни, они откроют для себя также литературные явления, которые оставались ранее не замеченными.

В отличие от «чистых» социологов, порой механически переносящих методы специальных исследований на литературу, автор «Заметок» всегда учитывает в своем анализе специфику искусства. Таким образом он защищает самое возможность социологического подхода и литературным явлениям, уже порядком скомпрометированную различного рода статистично-арифметическими выкладками.

Очень обоснованно и точно выступает В. Канторович против тезиса критика П. Палиевского о тождества факта и документа в художественным образом. Писатель знает цену фактам и знает силу искусства. Он говорит: «Словно бы забыто, что вся факты нашего общественного бытия воспринимаются сознанием общественного человека, расширенным, углубленным, преобразованным с помощью того же искусства, которое сопровождает человека на всем его историческом пути»

Такой полемики — иногда открытой, иногда скрытой — в работе В. Канторовича много. Она свидетельствует о таком, постоянном интересе автора и разным сторонам литературного процесса, отражающего жизнь в ее широте и многообразии.

А. РУБАШКИН

Владимир Канторович. «Заметки писателя о современном очерке». Издательство «Советский писатель», М. 1975.

„КАК БЛОК НЕЗНАКОМКУ РАЗЛЮБИЛ..."

В «ЛГ» (№ 40, 1974) была опубликована статья С. Селивановой «Как Блок Незнакомку разлюбил...», в которой рассматривались некоторые учебные пособия, адресованные школьнику.

Как свидетельствует редакционная почта, многие наши читатели (а среди них есть и школьники, и бывшие выпускники, и учителя) в основном разделяют тревогу автора статьи по поводу низкого порой качества книг и статей, предназначенных для школы. Об этом написали в редакцию О. Ильин и А. Борисов из Москвы, Г. Жукова и З. Флусова из Волгограда, В. Мельник из Челябинска, Ю. Горбунов из Перми и многие другие наши читатели.

Вместе с тем есть в нашей редакционной почте и письма, авторы которых не согласны с некоторыми оценками С. Селивановой. В частности, преподаватели Пензенского педагогического института имени В. Г. Белинского доктора филологических наук В. Пузырев, И. Щеблыкин и кандидат филологических наук В. Шахов считают, что С. Селиванова несправедливо обошлась со статьей профессора А. Ф. Захаркина о Блоке — его предисловием к избранным сочинениям поэта («Московский рабочий», 1973). И сам профессор А. Ф. Захаркин категорически протестует против критики в свой адрес. Причем, защищая свои позиции и отстаивая свою правоту а интерпретации некоторых произведений Блока, А. Ф. Захаркин ссылается на аналогичную будто бы их трактовку крупнейшим специалистом по творчеству Блока В. Н. Орловым.

Именно поэтому редакция сочла уместным познакомить В. Н. Орлова с коллективным письмом преподавателей Пензенского пединститута и с письмом А. Ф. Захаркина.

Сегодня мы публикуем письмо А. Ф. Захаркина (с небольшими сокращениями, не касающимися, разумеется, фактической части письма) и отклик В. Н. Орлова.

ОТВЕТ НА СЕРДИТОЕ ПИСЬМО

К ВОПРОСУ О «НЕДОСТОЙНЫХ ПРИЕМАХ»

Я прочитал статью С. Селивановой «Как Блок Незнакомку разлюбил...», в которой шла речь об уровне преподавания литературы в средней школе. Автор статьи справедливо заметил, что привить школьникам любовь к литературе можно лишь при двух условиях: если «прививающий» владеет глубоким знанием предмета и умеет истолковать литературное произведение как явление искусства.

По ходу разговора С. Селиванова дважды сослалась на статью доктора филологических наук профессора А. Ф. Захаркина «Поэзия Александра Блока», предпосланную в качестве введения к однотомнику Блока, вышедшему в 1973 году в «Школьной библиотеке» издательства «Московский рабочий». С этой статьей я знаком.

Прочитал я и письма, которые были мне пересланы редакцией: А. Ф. Захаркина — его своеобразный ответ на вполне дельные и, на мой взгляд, сдержанные критические замечания С. Селивановой по поводу его статьи, и второе — полученное редакцией одновременно (точнее — через четыре дня) от двух докторов и одного кандидата филологических наук из Пензенского педагогического института имени В. Г. Белинского, взявших профессора А. Ф. Захаркина под защиту от облыжных обвинений.

Дело, как видите, приняло серьезный оборот.

Поскольку профессор А. Ф. Захаркин в своем письме ссылается на одну из моих работ о Блоке, я тоже позволю себе откликнуться на его статью.

Во-первых, я вынужден отклонить от себя незаслуженную честь, которою одарил меня профессор А. Ф. Захаркин, объявив своим единомышленником. В частности, в трактовке блоковской «Незнакомки».

Взывая к «непредубежденному читателю», профессор задается вопросом: что же это за «дама», которая «аккуратно приходит в ресторан «всегда без спутников, одна»? По «логике» размышлений профессора получается, что именно эту «даму» сомнительного поведения, а не одного из пропойц «с глазами кроликов» поэт именует «пьяным чудовищем».

Ошеломляющий вывод. Помилуйте, профессор! А как же быть в таком случае с «духами и туманами», «древними поверьями», «очарованной далью» и «блоковскими синими очами»? И при чем тут, спрашивается, цитата из моего очерка о Блоке, которую Вы в своем письме приводите в качестве доказательства того, что Вы анализируете бессмертную балладу «в том же ключе, что и В. Н. Орлов». Полноте, профессор! Любой непредубежденный читатель, обратившись к цитате, полагаю, убедится, что между тем, что пишете Вы, и что сказано у меня, ничего общего нет.

Но это только в данном случае. В других же случаях дело обстоит совсем иначе.

Профессор А. Ф. Захаркин очень дорожит каждой своей строкой. Он сильно гневается на С. Селиванову за то, что, «прибегнув к испытанному приему», критик цитирует его сочинение с некоторыми (незначительными) сокращениями — и тем самым искажает и даже «оболванивает» текст.

Однако вопрос о тексте неожиданно оборачивается другой стороной. Ограничусь одним примером.

На этот раз речь идет о поэме «Двенадцать». Ученые из Пензы, вставшие на защиту «опытного методиста» профессора А. Ф. Захаркина, особым его достижением считают, что, «анализируя художественный текст поэмы, ее сюжет», он «приходит к убедительному выводу о том, что «драматическая история любви — не основное в поэме». И далее идет текст профессора А. Ф. Захаркина в его первозданной цельности:

«Как всякое великое произведение, «Двенадцать» ведет мысль и воображение читателя вширь и вглубь. На первом плане в нем — картина грандиозных революционных преобразований в стране. Здесь поэтически конденсируется великая Октябрьская гроза, освежающая весь мир. В поэме как бы вырисовываются два пласта: будничные сцены и подтекстовые, символические картины, подводящие к широким философско-историческим и морально-этическим обобщениям. Говоря о Революции, Блок ставит вопрос о новой России, о новом гуманизме, новой морали. Мелкое и жалкое уступает место великому и величественному» (стр. 19 статьи А. Ф. Захаркина).

Что ж, правильно. Только следовало бы дать к этому абзацу подстрочную ссылку, потому что все это списано из моей книжки «Поэма Александра Блока «Двенадцать» (издание 2-е, «Художественная литература». М. 1967, стр. 51 — 52). Прошу извинить еще за одну пространную цитату, но без нее метод работы нашего «опытного методиста» останется непроясненным. Итак:

«Но вся эта драматическая история любовных столкновений и измен — только каркас поэмы, а не ее плоть... В «Двенадцати» запечатлена грандиозная историческая картина решающего революционного переломи. Она не вмещается в изложенный только что сюжет. Как всякое великое произведение искусства, «Двенадцать» ведет мысль и воображение читателя вширь и вглубь». И далее: «Поэма «Двенадцать» п оказалась таким поэтическим конденсатором великой Октябрьской грозы, освежившей весь мир. Грандиозная картина, запечатленная в «Двенадцати», слагается как бы из двух пластов. В поэме с удивительной отчетливостью и верностью запечатлены будничные сцены, характерные для обстановки, сложившейся в Петрограде к концу 1917 — начале 1918 года. И вместе с тем поэма подсказывает широчайшие философско-исторические и морально-этнические обобщения и выводы — о революции, о новой России, о новом гуманизме и новой нравственности. Соответственно едины и контрастны вся художественная структура и поэтика «Двенадцати»: мелкое и жалкое совмещается с большим и величественным».

И, как говорится, «и так далее, и тому подобное»...

Книги издаются для того, чтобы их читали, в в случае надобности и запоминали. Я могу только порадоваться, что профессору А. Ф. Захаркину понравилось, как я написал о «Двенадцати». Вспоминаются крылатые слова поэта: «...из себя п то готов достать печенку, Мне не жалко, дорогая, ешь! Но почему бы не назвать то, что пережевываешь?..

Так уместно ли после этого сотрясать воздух гневными письмами, обвинять критика в «недостойных приемах», требовать отмщения и перечислять свои заслуги?

Вл. СОКОВ

СЕРДИТОЕ ПИСЬМО

НЕДОСТОЙНЫЕ ПРИЕМЫ

Не раз в нашей печати ставился вопрос об объективности и добросовестности критики, а также о тоне полемики. Однако нет-нет, да и появляются статьи, являющиеся рецидивом заушательской, необоснованной критики. Пример тому — статья С. Селивановой «Как Блок Незнакомку разлюбил...». Выводы автора в ней построены на песке, некомпетентность С. Селивановой видна и невооруженному глазу.

Это особенно наглядно проявилось в той части статьи, где С. Селиванова «разносит» мою вступительную статью к «Избранному» А. Блока. Мне ставится в вину:

1) Что я слишком прозаично передаю содержание поэмы Блока «Двенадцать». Прибегнув к испытанному приему (сокращение текста), изъятие блоковских строк), Селиванове исказила, обеднила мой текст. Во вступительной статье он выглядит так: «По петроградской заметенной улице идет патруль. Двенадцать жалуются на холод. Свистящий ветер пронизывает их: «Холодно, товарищи, холодно!» Они насторожены («Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!»), они вспоминают Ваньку и Катьку, которые подружились и сидят теперь в кабаке. Ванька недавно был с ними («Был Ванька наш, а стал солдат!», то есть ушел в солдаты Керенского), потом дезертировал, стал спекулянтом, таскается по питейным заведениям...» и т. д.

Чувствуя шаткость своей позиции, С. Селиванова пишет: «Допускаю, что профессор А. Ф. Захаркин гневно возразит мне: «А разве всего этого нет в поэме!» Есть, конечно, есть».

Как видно из приведенной выше цитаты (на препарированной), есть там к тому же и Блок, его поэтические строки. Поэтому демагогически звучит фраза: «...это А. Ф. Захаркин переводит, как говорится, с гордого языка поэзии на демократическую прозу «Двенадцать» Блока».

Сложная поэма Блока непонятна школьникам; учитель, разбирая в классе произведение по главам и разделам, обязан передать и его содержание. И вступительная статья поможет учителю и ученику. Она и написана в расчете на это. Содержание поэмы надо было передать более детально, но объем статьи не позволял этого. Напрасно Селиванова становится в позу мэтра и начинает поучать, что сам стих выражает «лирическую индивидуальность автора» и т. п. Во вступительной статье достаточно полно говорится об этой стороне дело — о стиле, ритме, стихе, композиции и других особенностях поэмы.

2) Весьма субъективно и некомпетентно С. Селиванова выискала и второй «криминал»: она увидала «искажение образа» Незнакомки (а это происходит, «если не обращать внимания на стих»). Она обрушилась на фразу: «Ему уже не симпатична эта героиня, и он заставляет Незнакомку проходить между столиками, за которыми сидят пьяные, снижая тем самым этот образ...» Селиванова, вероятно, путает Незнакомку с Прекрасной Дамой? О снижении образа Незнакомки уже говорили блокоеды.

Так, известный ученый В. Н. Орлов, занимающийся изучением этого сложного поэта свыше четверти веке, видит Незнакомку не такой, какой ее представляет С. Селиванова. В. Н. Орлов пишет: «Обращаясь к картинам и сценам городской повседневности, он любил окружать ее ореолом сказочной, романтической фантастики, сталкивая «высокое» и «низкое», рисуя призрачные видения на фоне самой низменной и пошлой обстановки. Типичный пример — знаменитая баллада «Незнакомка», где рассказано о том, как таинственной становится сама пошлость мещанского обихода (трактир, пьяницы с «глазами кроликов» и т. п.)».

Прежде чем выступать в газете с миллионным тиражом и позорить профессора, С. Селивановой надо бы почитать хотя бы одну книгу о Блоке. Тогда Селиванове знала бы, что я анализирую «Незнакомку» в том же ключе, что и В. Н. Орлов. У меня написано: «В творчестве Блока периода первой русской революции виден дальнейший отход и от мистических мотивов. Сильно меняется образ лирической героини. В нем еще есть мистический туман, противоречивость, но это уже образ реальной Незнакомки («Незнакомка» — 1906) — а стихотворении сталкиваются два разные системы образов — строго реальная и мистическая. Сначала а реалистических тонах рисуется картина загородной жизни. Но поэту видятся и мистические образы. Такой он видит Незнакомку, прячущую лицо под чарной вуалью. Ему уже не симпатична эта героиня...» (и далва текст цитируется Селивановой).

Кто жа на понимает или искажает образ Незнакомки! С. Селиванова его не понимает. Она на замечает, что поэт мечтает об идеале, но идеал этот видится ему через призму винного бокала («И все души моей излучины пронзило терпкое вино»). Блок прямо пишет: «И перья страуса склонивши а моем качаются мозгу». У непредубежденного читателя возникает вопрос: что это за дама, аккуратно приходящая в ресторан «всегда без спутников, одна»? И разве но проясняет это концовка стихотворения: «Ты право, пьяное чудовище! Я знаю, истина в вине»?

Как видим, С. Селиванова обнаружила поэтическую глухоту, прибегла я недостойному приему (передергивание, сокращение цитат).

А я 25 лет преподаю я Московском педагогическом институте. Три года был профессором Варшавского университета. Автор книг о Чехове, Гончарове, соавтор вузовского учебника по русской литературе XIX века, выдержавшего 4 издания. Мною опубликованы 74 научные статьи. В статей опубликованы в польских изданиях. Что стоило С. Селивановой заглянуть в библиографические указатели, прежде чем бухать в колокола!

Прошу опубликовать мой ответ.

А. Ф. ЗАХАРКИН

Евгений ВИНОКУРОВ

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Сон

Отец валился на пол
в пыли, в вокзала...
Он засыпал. Его рука
не мне вокзала.
И пальцем касался шва,
брюк парабеллум...
Так, как отец, никто не спал:
он спал всем телом.
Он крепко спал, о всем забыв...
Забыв о деле!..
Ему отлучку дал комдив
на две недели.
Ему природа сон дала.
Он молод, в силе...
Какие ж были там дела,
коль так скосили?
Зарницы ночью за окном,
как бьют в кресала!..
Не спал отец тяжелым сном,
рука свисала.
А ночь стояла глубока,
мерцали села...
Не спал отец. Его рука
касалась пола.

Мои недостатки

Что возьмешь с меня — взятки-то гладки!
Был я молод, беспечен и смел,
и различные недостатки
я в то время, признаться, имел.
И текла моя жизнь живая...
Напрягаясь до судорог жил,
я старался, их изживая,
и почти совершенно изжил.
Я корпел до десятого пота...
Где добро, там бы вроде и зло.
Все как будто нормально, но что-то
от меня безвозвратно ушло.
И теперь вспоминается часто
эта юношеская пора.
Беспощадная сила контраста
в сочетании зла и добра.
Стал я, словно бы патока, сладок,
стал я как-то уж слишком умен...
...Мне б вернуть хоть один недостаток
из далеких и буйных времен!

Чернозем

На фронте, это аксиома,
нужны покрепче сапоги.
Подчас из гущи чернозема
не в силах вытянуть ноги!
А дождь пройдет: пиши пропало!..
Толкать не раз мне довелось
машину, ту, что утопала
в дороге фронтовой по ось.
И оседали танки,
с лёта
в лесок вломившись горевой...
Бескрайни черные болота,
в них пропадают с головой!
По доскам, прутьям и соломе
машины шли под трудный гул...
Наш фронт в весеннем черноземе,
как будто бы корабль,
тонул.

Давай об этом говорить не будем!
Зачем все время толковать о том?!
Давай с тобою это позабудем!
Пришла зима:
река покрыта льдом.
И выпал снег. А новый день неведом!
И темнота запорошила высь...
А ты об этом все, ты все об этом!
Договорились же! Остановись!..
Ты согласился: надо быть пожестче!
Зачем же все об этом, об одном?!
Мороз стоит в опустошенной роще.
Все кончено!.. Но тает под окном.

У него областная прописка,
потный лоб и упорная прядь...
Мне читает поэмы парнишка,
и чего-то я должен сказать!..
Как сказать ему:
выйдет, не выйдет?..
Как тут быть:
то ли в рай, то ли в ад?..
...Но пока говорю, что эпитет
в пятой строчке с конца слабоват.

Цветок

Забудем ли обои,
что, ведь не без труда,
придирчиво с тобою
мы выбрали тогда?..
Теперь такие редки;
не модные чуток:
внутри лиловой клетки
голубенький цветок!
Каморка, как каюта,
и вот приятно мне
от милого уюта,
от клеток на стене.
...К чему теперь вопросы?..
Сморкаешься в платок,
и видится сквозь слезы
тот голубой цветок.

День

Вот меня отпустили заботы
посредине июньского дня.
Ощущение тихой свободы
посетило сегодня меня...
Слышал я: где-то птицы пропели!..
От святой пустоты бестолков,
словно небо увидел в пробеле
расступившихся вдруг облаков.
А всего-то пустячное дело!..
Я под небом до вечера был.
Просто память моя отлетела...
Просто я свою жизнь позабыл.

На стекло налепился листочек,
все запутано очень хитро...
Выручает разборчивый почерк
да с нелегким наклоном перо.
Все запутано там и, слетая,
все несется во тьму за стеной...
Выручает сегодня простая
тишина полосы возрастной.
Поле белый туман заклубило,
черный дождь наползает на сад...
Выручает, что все это было
и уже не вернется назад.

Слава

И я переводил чернила
во тьме чердачного угла...
Она мне долю отравила
и ядом в плоть мою вошла.
Во мраке к солнцу шел,
безвестный,
тропой, ведущей, одинок,
когда бесславье смертной бездной
чернело возле самых ног.
Она моею стать могла бы,
когда б еще один прыжок!..
И раскаленный уголь славы,
шипя, ладонь мою прожег.
И сердцу замирать и ёкать...
Она — как на зрачке пятно.
Она ж как этот самый локоть,
что укусить нам не дано.
И сколько мальчиков, сгорая,
погибло, вскинув руки к ней!..
А кто вошел в те двери рая,
в тот сонм классических теней?
Кто ж отхлебнул от этой чарки?..
Кто будет в зелени густой
один стоять, сутулясь, в парке
над городскою суетой?

Ласточка

То под облако, а то низко-низко
над землею проходит она...
Я-то знаю всю меру риска:
мне была высота дана!
Ну так что же теперь я стыю?
Коль не был, когда надо, смел
и счастливою высотою
я воспользоваться не сумел?..
Я стою себе, тих и кроток:
«Что же, прошлого не вороши!»
И смотрю, задрав подбородок,
на безумные виражи.

Парадоксам корреспонденту «Литературной газеты» главу из романа «Станица», писатель Саман Бабаевский сказал:

— «Станица» — книга о глубоких, благотворных переменах, происшедших в быту и в сознании тружеников Кубани. Основу сюжета составляет жизнь казачьей семьи Бегловых. Рядом с братьями — Василием и Евдокимом — поднялась молодая поросль. На примере одной семьи мне хотелось показать качественные изменения в судьбе современных хлеборобов, внешнее и внутреннее отличие нынешних кубанцев от тех казаков, которые жили в станице до коллективизации, показать движение вперед жителей новой станицы.

Полностью роман будет напечатан в журнале «Октябрь».

СТАНИЦА

Семен БАБАЕВСКИЙ

Рисунок Е. ЗОЛОТАРЕВА

МАКСИМ БЕГЛОВ часто задумывался над вопросом, который давно не давал ему покоя: кто он и почему люди считают, что живет он не так, как надо жить? Отец как-то сказал: «Максим, хоть ты и стонешь не у плуга — у станка, а средь своих станичников не выделяйся, не умничай и не будь средь них белой вороной, потому как проживешь не в городе»... Однажды мать даже всплакнула и, вытирая слезы ладонью, сказала: «Максимушка, Настенька, ить на одну зарплату жить вам трудно, и надобно не печалиться, а радоваться, ежели подрастает свой кабанчик и ежели свои курочки несут яички...»

Максим знал, что его соседей огорчало то, что он и его жена Анастасия даже в будни прилично одевались: Максим носил галстук, шляпу, у Настеньки на голове тоже не платок, а шляпка, посмотришь на них — горожане, да и только! Возможно, соседям неприятно было и то, что Максим имел не хату под камышом, с подслеповатыми окошками, какая была у его отца, а современный дом под черепицей, — с водосточными трубами, с широкими, во всю стену, окнами, с застекленной верандой, — построенный по чертежам архитектора, брата Дмитрия. Во дворе не было ни сажка, ни курничка. От калитки к порогу вела вымощенная плитами дорожка, перед верандой, отражаясь в стеклах, зелеными шпалерами поднимался виноград, далее молодо курчавился сад.

Особую неприязнь к Максиму питал его сосед Никита Андронов, зимой и летом носивший кубанку с красным верхом и слывший в станице рачительным хозяином. «Чудак и выдумщик, этот Максимка, — говорил Андронов.— Крестьянский же сын, наш, станичник, а вознамерился жить на городской манер. И смех, и грех!» Очевидно, Андронову трудно было понять, как же это так могло случиться, что в обычной кубанской станице Холмогорской рядом с людьми, у которых полон двор всякой живности, как-то нежданно-негаданно появился Максим Беглов, мало на кого похожий, с причудами.

«Так кто же я такой? Как и почему я не пришелся по душе Андронову и таким, как он? И почему отец с матерью на меня в обиде? — думал Максим. — Да, точно, Андронов прав, я — сын хлебороба, но мои руки с юных лет привыкли брать не колосья, а железо, и на моих ладонях давно уже темнеют следы впившегося в кожу машинного масла. Да, точно, я спешу утром не в поле, а в цех, надеваю спецовку и становлюсь не к плугу, а к токарному станку, и таких, кто привык не к запаху травы, а к запаху окалины и горячей чугунной стружки, в станице становится все больше. Да, точно, я не держу ни птиц, ни свиней, не говоря уже о корове, и мой глаз привык не к утренней росе на пшенице, а к чертежу и к резцу, а шум станков, лязг железа, гул моторов стали для меня родными звуками. Стало быть, Андронову следует понять простую истину: незаметно, с годами, в Холмогорской произошло что-то такое, что-то исключительно важное, чего раньше в ней не было и быть не могло и чему надлежит радоваться...»

Окраина Холмогорской, где стоял дом Максима, получила прозвище: Беструдодневка. В станице к этому привыкли, можно было услышать: «Ты куда собрался?» — «Пойду к другу, на Беструдодневку». «Что это у вас за улица такая широченная?» — «Так это же наша Беструдодневка!» Дело в том, что на этой окраине Холмогорской отводились планы для застройки только тем молодым семьям, которые работали в механических мастерских и на молочном заводе и получали не трудодни, а зарплату. И хотя давным-давно все холмогорцы перешли на помесячную, без трудодней, оплату и о трудоднях почти забыли, прозвище — Беструдодневка — сохранилось.

Это была новая, красиво спланированная и недавно застроенная широкая улица, дома на ней не казачьи, а городские, один лучше другого. Были даже и под железной шатровой крышей, оконные ставни, калитки, ворота, штакетники окрашены зеленой или голубой краской, вдоль дворов двумя шеренгами выстроились молодые тополя. Беструдодневка отличалась от других улиц Холмогорской еще и тем, что здесь в домах были водопровод, канализация, даже газовые плиты (газ привозился в баллонах). В этих по-городскому благоустроенных домах проживали, как правило, люди молодые, ровесники Максима, и главным образом те, кто отделился от родителей. В конце улицы стояло приземистое, сделанное из кирпича и бетона, широкое, огороженное просторным двором здание с высокой трубой, похожее на фабрику, — это механические мастерские. За мастерскими, поближе к реке Кубани, находился завод по переработке молока. На нем готовили кефир, масло, сметану, сыры, и каждый день, на рассвете, по еще мокрому от росы асфальту катились грузовики под брезентами, увозя заводскую продукцию в Степновск. Те, кто работал в мастерских и на молочном заводе, уже давно не занимались сельским хозяйством, они наверняка позабыли, как и когда сеются пшеница или подсолнухи, в нагрудных карманах носили профсоюзные билеты, но все еще считались колхозниками.

В Беструдодневке выделялся двор Никиты Андронова своей теснотой и грязью. Весь двор был заставлен мелкими строениями. Тут и сапетки, сплетенные из хвороста, похожие на папахи — в них хранились кукурузные початки, — и сарайчики для коровы или дойной козы, и сажок для свиней, и клетки с кроликами, и в загородке — куры, гуси. Никита — шофер, на грузовике он мог в любое время и с любого места привезти все, что в хозяйстве требуется, и поэтому в его двора чего только не было. У него были даже две собаки: серый кобель с острым загривком и злыми глазами, имевший свою конуру и привязанный к проволоке, что протянута от ворот до коровника, и поджарая, с одним щенком сука, весь день лежавшая в своей будке и караулившая только крольчатники. Крольчатник у Андронова был высокий, занимал всю левую сторону двора, шестью этажами клеток, как стена, вставал перед верандой, белея пушистыми зверьками. Красной степной породы дойную корову жена Никиты Клава рано поутру провожала в стадо, а вечером встречала, и когда хозяйка выходила на улицу, кобель истошно выл — ему тоже хотелось выйти со двора. В особой загородке находились гуси, куры, откармливались два кабана разного возраста: одного готовили к Новому году, другого — к лету. Сами резали, осмаливали и свинину отвозили на степновский базар. Кроликов же Никита сдавал оптом — выгодно, потому что он не умел ни убивать их, ни снимать с них шкурку. Из Степновска на грузовом такси приезжал веселый, разбитной мужчина с молодцеватым парнем, наверное, сыном. Грузовик задом вкатывался во двор, за ним закрывались ворота, кобель с загривком и поджарую суку на это время закрывали в их собачьи хаты, чтоб не подавали голоса, и приступали к делу. Приезжие забирали клетки с кроликами, загружали ими такси, а взамен ставили свои, пустые, и это повторялось каждые три месяца. И перед тем, как набитому клетками грузовику покинуть двор, в доме Андронова расписали магарыч.

Как-то рано весной, желая позаимствовать разводной ключ, чтобы починить кран на кухне, Максим зашел к соседу. Никита покороче привязал собак, показывая этим, что он рад приходу Максима. Максим видел и двор, и все, что было во дворе. Смотрел и дивился: чем же Никита отличается от единоличника? И хотя разводного, нужного ему ключа у Никиты не оказалось, Максим не уходил, нарочно задержался, спросил:

— Обживаешься, Никита Андреевич?

— Помаленьку стараюсь...

— Не думал, что во дворе у тебя так тесно.

— Да, двор маловат и тесноват, черт!

У Никиты была привычка к месту и без места употреблять слово «черт». Он кулаком погрозил кобелю, рвавшемуся с цепи и лаявшему с хрипотой, потому что ошейник затянул горло.

— Замолкни, Серко! — крикнул он.— Ну чего злишься, черт! А загривок на нем, смотри, как вздыбился. Замолкни, поговорить не даешь! — И снова обратился к Максиму: — Планы, верно, мы получили малые, двенадцать соток, на них не развернешься. Тебе хватает, я знаю, а мне мало.

— Две собаки. Зачем? — спросил Максим.

— Как же без них! — удивился Никита. — Нужен надежный сторож, черт! Ко мне так, абы как, за здорово живешь, не войдешь. Без штанов останешься, черт! — Никита самодовольно рассмеялся, — Сперва надобно постучаться, спросить у хозяина дозволения. А как же? Иначе нельзя, черт! Вот ты, мой сосед, считай, свой, пришел ко мне. А что выделывает Серко? Пришлось цепь закрутить на столб, а Серко все одно злится, лает, черт!

— Никита Андреевич, — сказал Максим, улыбаясь, — ох, и распирает тебя хозяйство во все стороны!..

— Максим Васильевич, не подковыривай под ребро, не кидай каменюку в мой огород. — Никита снова погрозил кулаком кобелю. — Да хватит тебе надрывать глотку, черт!.. Нет, Максим, быть чистеньким, таким, как ты, иметь во дворе одни дорожки да цветочки и жить на одну зарплату я не буду, да и не хочу. Мы с тобой ровесники, оба станичники и не кинулись в город прохаживаться по асфальту, а осели на земле наших дедов и прадедов и потому обязаны прирасти к земле пуповиной, да так, чтоб никто нас не оторвал... Суть же, запомни Максим Васильевич, состоит в том, чтобы во всем был достаток, черт. Остальное — трын-трава!

— Ты же не частное лицо, а шофер колхозной автобазы.

— Ну и что? — Никита усмехнулся, облизал губы. — Человек к чему устремляется? К достатку. Есть во всем достаток, сказать, обеспеченность, — ну и ладно! Я сам себе голова и хозяин, черт!

— В этом-то и есть твоя беда!..

Пока Максим, идя к себе, курил и думал о соседе, тем временем пришла Анастасия. Она работала на молочном заводе мастером по сыроварению, и, когда возвращалась домой, от нее всегда пахло молоком. Со школы вернулись дети — Вася и Оля, и только семья Бегловых уселась ужинать, как вдруг возле двора засигналила машина.

— Кто-то к нам приехал, — сказала Анастасия.

Максим побежал к калитке, раскрыл ее и увидал выходившего из «Волги» брата Дмитрия.

— Митя! Какими судьбами?

— Заскочил проведать, — обнимая Максима и смеясь, весело говорил Дмитрий. — Мы же с тобой годами не видимся, а называемся братьями. Ну, как ты тут, в своей Беструдодневке? Так, кажется, именуется эта просторная улица?

— Заходи, Митя, заходи! — говорил Максим. — Как раз и обеду. Я так рад тебя видеть!

За столом Дмитрий держался по-домашнему, и это нравилось Максиму и Анастасии. Был он весел, рассказывал смешные истории и, как казалось, без причины смеялся своим раскатистым, басовитым смешком. Ни о холмах, где должна была начаться стройка, ни о том, по какому делу он приехал, ни о своем проекте Дмитрий не сказал ни слова.

— Удивительно, как выросли мои племянники! Не узнать! — воскликнул он. — А Настенька все цветет, — добавил, принимая из рук Анастасии чистую тарелку. — У тебя дети уже, считай, взрослые, а ты все такая же...

— Какая? Договаривай.

— На станичную девчушку похожа.

— Ну вот, придумал!

— Как успехи с проектом? — спросил Максим, желая перевести разговор на другую тему. — Скоро подступишься к холмам?

— Пока что согласовываем, утрясаем, обговариваем,— ответил Дмитрий и рассмеялся. — Бюрократическая карусель — штука надежная, вертится исправно.

— И все же, когда начнете строить?

— Думаю, к концу лета завихрится над холмами строительная пыль.

— Батько обижен, — с грустью в голосе сказал Максим. — Известно тебе об этом?

— Слыхал, слыхал, — нехотя ответил Дмитрий. — Батя наш без обиды жить не может. Он обижен и на тебя, и на меня, и на Степана, а теперь уже и на Гришу. Старик живет вчерашним днем, вот в чем его беда. Спрашивается, зачем ему эти холмы? — Ни с того, ни с сего Дмитрий хохотнул. — А дядя наш, Евдоким, случаем, на меня не обижен?

— Дядю Евдокима с батьком не равняй, — сказал Максим. — Ты виделся с батей, говорил с ним?

— Разве его застанешь дома?

— Поехал бы в степь. Разъяснил бы старику, что и как, поговорил бы, успокоил. Он же сознательный, поймет.

— Что еще разъяснять? Братуха, надобно не разъяснять, не вести пустые разговоры, а строить, вот в чем задача! И строить как можно быстрее. — На молодом лице Дмитрия вдруг появилась не свойственная ему строгость. — Максим, дружище, на жизнь мы обязаны смотреть реально и видеть ее такой, какая она есть. Холмогорская — это уже не та казачья станица, какой она была раньше. Вокруг Холмогорской выросли молочный завод, механические мастерские, на полях — автоматические тока, всюду техника, автоматика, скоро развернется строительство промышленного комплекса по производству мяса. Изменилась психология крестьянина, умерла душа собственника, и это должно всех нас радовать. Ты, Максим Беглов, — кто? Сын казака-крестьянина, стал токарем высшей квалификации. В бывшей казачьей станице родился свой рабочий класс — вот что главное! Анастасия — кто? Дочь холмогорского казака, стала мастером по сыроварению. Дело, Максим, идет к тому, что мелкой крестьянской психологии, в частности, не останется и в помине. Холмогорская преобразится в небольшой агрогород со всеми благами городской жизни, и проживать здесь будут люди, производящие сельскохозяйственные продукты. Так как же можно нашему бате обижаться на тебя, токаря, на меня, архитектора, и проливать слезы над какими-то холмами? Этого я понять не могу!

— Братовья, и чего заспорили? — Анастасия поставила на стол сковороду с жареным мясом и картошкой. — Всегда так было и всегда так будет — дети умнее своих родителей. Вот и наши подрастут и тоже не смогут нас понимать. — Она с улыбкой посмотрела сперва на сына и на дочь, а потом на братьев. — А что, не так?

Братья молчали. Дмитрий полагал, что все уже сказал и к сказанному уже ничего прибавить нельзя. И он начал накладывать в свою тарелку хорошо поджаренную картошку и мясо. Максим же считал, что он обязан был возразить, потому что не согласен с доводами брата, и он обдумывал, что и как ему сказать, чтобы было понятно и чтобы Дмитрий не обиделся.

— Максим, выпьем еще по рюмке. — Дмитрий налил коньяка в свою рюмку и в рюмку брата. — Настенька права, не о чем нам спорить, ибо все так ясно и очевидно.

— Выпей один. Ты же знаешь, больше одной рюмки я никогда не пью.

— Ну что ж, за здоровье твое и Настеньки!

Дмитрий выпил и начал закусывать.

— Спорить-то нужно, без этого, видно, не обойтись,— заговорил Максим, не притрагиваясь к еде. — Нравственность советского человека — вопрос непростой. Вот ты говорил о переменах в Холмогорской, о том, что вокруг станицы вырастают промышленные предприятия, о том, что со временем станица станет агрогородом. Все это у нас есть, и свой рабочий класс здесь имеется, правда, небольшой, но все же имеется. С этим я согласен.

— С чем же не согласен? — Дмитрий рассмеялся, кусая сплошными белыми зубами свежие перышки лука. — Говори, говори, я не обижусь.

— Не согласен я, Митя, насчет того, что душа собственника уже окончательно умерла, — продолжал Максим. — Тут ты на совсем прав. Живуча она еще!

— Да где же она живет? Говори конкретно. — Дмитрий все так же, без причины, рассмеялся.

— В людях она живет — где же ей еще жить?! — Максим нахмурил брови, с минуту подумал. — В Холмогорской ты бываешь наездом, твое дело проектировать, воздвигать строения. А ты поживи в станице да каждодневно приглядись к людям. Нужны примеры? Возьми моего соседа Никиту Андронова. Жадюга, жмот, каких свет не знал, его ничто не интересует, кроме выгодной продажи откормленных кабанов и кроликов. В душе у Андронова давно уже нет ничего святого, как говорится, ни чести, ни совести. Грузовик, на котором работает, превратил в свою собственность, привозит на нем все, что ему нужно, и где берет — не известно... Не могу понять, как и откуда пришли эти замашки?

— Что тут понимать? — Дмитрий весело смотрел на хмурое, рассерженное лицо брата.—Абсолютно все понятно! Эти дворы с живностью и собаками, мелкие страсти и наживе не устоят перед общественным производством, перед техникой, перед комплексами, которые мы строим. И люди в Холмогорской, их нравственные устои — запомни — постоянно изменяются к лучшему. Происходит это, разумеется, не быстро, но процесс изменения к лучшему необратим. Сегодня Максим Беглов и такие, как он, начали жить по-новому, завтра так начнут жить другие. И дело пойдет!

— А наш родной дядя? — спросил Максим, скривив в усмешке губы. — Сколько прошло лет, а он с мыслями о своих лошадях словно бы закостенел. Это, по-твоему, что?

— Дядя Евдоким — осколок от давно ушедшего времени. Смешон и жалок — и только! — Дмитрий рассмеялся. — Да, слов нет, дядя Евдоким — позор для Бегловых. Но что поделаешь? Не мы в этом повинны!

И тут, как бы услышав, что говорят о нем, в комнату, не постучав, вдруг вошел Евдоким—в кубанке и с башлыком за плечами, в своем грязном бешмете, затянутый, как горец, старинным кавказским ремешком с серебряной чеканкой. Он несмело переступил порог, с кудлатой головы стянул кубанку с красным, давно выгоревшим на солнце верхом, поклонился племянникам. Все так же заросший бурого оттенка бородой, в тех же самодельных, из сыромятной кожи, чобурах с соломенной подстилкой, с теми же нелюдимыми глазами, смотревшими из-под нависших бровей, Евдоким показался сейчас Дмитрию не смешным, а несчастным.

— Доброго здоровья, племяши, — сказал он глухим, с хрипотцой голосом и снова поклонился: — Поклон и тебе, Настасья, и вам, дети.

— Доброго и вам здоровья, — ответил Максим.

— Проходил тут по улице, узрел машину. Дай, думаю, загляну, может, Митрий приехал, — говорил Евдоким. — И как раз угадал. Вот ты какой, Митрий! Тебя, Максимушка, частенько вижу, а Митрия уже не помню, когда видал. Далече убег от нас...

— Дядя Евдоким, а ты легок на помине, — сказал Дмитрий. — Мы с Максимом только что о тебе говорили.

— Что про меня можно балакать? Так, какие-нибудь пустяки!

— К слову пришлось, вот и вспомнили, — ответил Максим. — Ну, станичный бродяга, садись к столу. Рюмку выпьешь?

— Могу и две... Не откажусь.

— Дядя, идите сюда, помойте руки. — Анастасия пригласила Евдокима к водопроводному крану. — Вот и полотенце. — Она подождала, пока Евдоким помыл руки. — Дядя, может, борща налить?

— Можно, можно... У тебя, Настасья, борщи вкусные.

Евдоким присел к столу, с особенным удовольствием выпил налитую ему рюмку, сам наполнил вторую и с таким же удовольствием выпил и ее и принялся за борщ.

Пока Евдоким ел, Максим и Дмитрий молчаливо, с грустью смотрели на него. Не хотели ему мешать.

С борщом Евдоким управился быстро. Когда перед ним появилась тарелка с картошкой и мясом, он налил еще рюмку, сказал: «За ваше здоровьице!» — и выпил. И сразу же заметно повеселел, припухшие глаза заблестели, обросшие бурой шерстью щеки зарумянились.

— Гляжу на тебя, Митрий, и диву даюсь: совсем, совсем ты не похож на Бегловых, — сказал он. — Истинно переродился! А почему? Жизнюшка у тебя не станичная, нет, не наш, ушел ты от Бегловых! А чего можно ждать от твоих детишек? Будут они похожи, допустим, на своего деда Василия? Нет, не будут... Жизня изменяет человека! — поднял руку, многозначительно заключил он. — И только один я, сирота разнесчастная, не изменяюсь, потому как залегла камнем в груди обида. — В его главах, до этого радостно блестевших, показались крупные слезы. — Кони мои, кони, где они?..

— Значит, дядя, по-твоему, выходит, что я не похож на Бегловых? — смеясь, спросил Дмитрий. — Это интересно! А ты похож? Своим поведением позоришь нашу фамилию! Наш отец, а твой брат, Василий — человек знатный, трудяга, каких поискать, а ты сорок лет плачешь о своих конях и бездельничаешь. Да разве в них, в твоих конях, счастье? Сам же увел их с колхозной конюшни, в банду подался. Да и когда это было? Мы с Максимом еще и на свет не появились. И вот с той поры влачишь смешную житуху. Бородой оброс, детишки тебя пугаются. А жизнь-то не стоит на месте, и те, кто родился уже после того, как ты разлучился со своими конями, построили в Холмогорской социализм! Как можно этого не видеть и не понимать?

— А ты, Митрий, не печалься, я все вижу и все понимаю, — сердито хмуря толстые стариковские брови, заговорил Евдоким. — И ежели ты сильно грамотный, то я скажу тебе так: крестьянское из крестьянина не уйдет!

— Э, дядюшка! Да ты, оказывается, неисправимый чудак! — язвительно сказал Дмитрий и налил в рюмку коньяку. — Выпей-ка еще и закуси. И послушай, что скажу тебе по-родственному: напрасно ты на протяжении многих лет отказываешься от работы, нищенствуешь, хочешь вызвать к себе жалость...

— Митя, не надо об этом, — сказал все время молчавший Максим. — Зачем ты?

— А что? — Дмитрий рассмеялся.

— Да перестань, Митя!

— Пусть дядюшка знает, что мы о нем думаем.

Евдоким злобно покосился на Дмитрия, отодвинул невыпитую рюмку и поднялся. С Анастасией попрощался за руку, поблагодарил за угощение. Остановился в дверях, косматый, с налитыми кровью глазами, страшный и чужой, сказал:

— Прощевайте покедова, родачки. Ить на разных языках ни до чего хорошего мы не дотолкуемся.

Примостил на кудлатой голове кубанку и, ссутулившись, вышел из дома.

«СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО: 13 МИЛЛИОНОВ ЗРИТЕЛЕЙ...»

Сегодня мы продолжаем дискуссию о «малом прокате» и массовой музыке, начатую на страницах «ЛГ» в прошлом году выступлениями С. Кулиша «Удачливый фильм?», Л. Шершнева «Дорога к экрану» («ЛГ», № 47) и статьей Л. Утесова «Эхо модных ритмов» («ЛГ», № 15).

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «ЛГ»

ПРЕДСТАВЬТЕ, что во библиотеке, магазине, с домашних книжных полок исчезли книги А. Толстого, М. Шолохова, Л. Леонова... Одним словом, все лучшее из советской классики. Бред, абсурд, нелепость? А между тем примерно такое положение существует в кино.

Недавно Т. (фамилию, пожалуй, не стоит называть — наш собеседник работает не один год), киноведческий критик, преподаватель киноинститута, рассказывал мне о своих студентах. Ребята, в основном, неплохие, с довольно широким кругом интересов. Но вот беда: книги они читают, а фильмы — не всегда. Вернее, не часто. Ведь в кинотеатрах, как правило, идут «Фантомас», «Фантомас разбушевался», «Фантомас против Скотланд-Ярда»... Ну, и, конечно, «Фантомас — Фантомасу».

Я слушал студентов и думал о том, что можно с математической точностью высчитать прокатную жизнь фильма, его инвариантность, количество зрителей, число кинопосещений в многое другое, что часто фигурирует в различных документах. Но никакие цифры, никакой бодрой отчетности не скрыть того положения, когда целые поколения молодых зрителей лишены возможности увидеть тот или иной фильм, прочно занимающий место в истории кино.

В какой-то степени этот пробел восполняет телевидение. Но редко, чересчур редко, как сказали студенты, «кастрюлю» не тот.

— Дом вам стал. Нет праздничного чувства, какого-то маленького праздника, волнения, рядом сидящего зрителя...

— Есть ли у вас фильмы, о которых говорили студенты? — обращаюсь к управляющему областной конторой по прокату кинофильмов Н. П. Крюковой.

Оказывается, тысячи художественных и кинопублицистических хранятся в фондах проката. Все, что душе угодно: «Броненосец «Потемкин», «Отец солдата», «Большая жизнь», «Сережа» и многие, многие другие.

Ничего себе, а? Один молодой человек может увидеть другие кинокартины, а другой — нет. Это, по-моему, ненормально. Вернее, абсурдно, нелепо. В наш век, век кино, такой порядок вещей просто недопустим.

Я не знаю, как можно изменить положение, но мне кажется, что в этом вопросе должны принять участие не только работники кинопроката, но и общественность. Ведь, в конце концов, кино — самое массовое из искусств, и его воспитательная роль в нашей жизни огромна.

Вот, например, такой вопрос. Сейчас в Перми, Вологде, Ярославле, Костроме, Архангельске, Мурманске, Петрозаводске, Сыктывкаре, Воркуте, Ухте, Инте, Печоре, Усинске, Нарьян-Маре, Воркуте, Апатитах, Кировске, Мончегорске, Кандалакше, Ковдоре, Полярных Зорях, Оленегорске, Североморске, Мурманске, Ревде, Кировске

СЕМЬ ДНЕЙ В ФЕВРАЛЕ...

ВЧЕРА—ДУБИНКА

СЕГОДНЯ — ЧЕРНЫЙ ЯЩИК

ЗАВТРА...

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

«ОСОБЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 115»

Опыты по «модификации поведения» в странах «свободного мира» не прошли мимо внимания прогрессивной общественности Западной Германии. После того как «Литературная газета» опубликовала серию материалов на эту тему, корреспондент АПН и «ЛГ» Н. Португалов побывал в редакции выходящего в Дюссельдорфе еженедельника «Дойче фольксайтунг», близкого к партии «Немецкий союз мира». Вот что рассказал один из редакторов еженедельника, Зигфрид ЛИРЕНФЕЛЬД:

— Наша газета за последние годы тоже не раз писала об этом. Мы убеждены, что репрессивному аппарату буржуазных государств современная практика «модификации поведения» дает гораздо более изощренные и эффективные приемы «усмирения непокорных» и «искоренения крамолы», чем «классические» полицейские методы вчерашнего дня. Психотехника калечит душу, вызывает стойкую деформацию личности, в иногда и полный распад. К тому же психотехнические истязания — сегодняшний вариант «промывания мозгов» — гораздо легче скрывать от общественности, чем, например, пытки и избиения в тюрьмах.

В прошлом году редакция «Дойче фольксайтунг» напечатала подробности о так называемом «особом эксперименте 115». Под таким названием, похожим скорее на условный шифр или код, группа психологов, психиатров и биохимиков вот уже в течение нескольких лет проводит в одной из университетских клиник Гамбурга серию опытов над людьми. Характерно, что один из руководителей «эксперимента 115» принимал участие в специальных симпозиумах НАТО. В ходе «эксперимента» подопытных помещают на длительный срок в звуконепроницаемые затемненные камеры, полностью изолированные от внешнего мира. Экспериментаторы наблюдают за их поведением по телевизору. Специальные датчики измеряют психосоматические параметры испытуемых. Конечная цель — изучение человеческих реакций в «непереносимых психологических ситуациях».

Роль подопытных кроликов в «эксперименте 115» играют... солдаты бундесвера, проходящие спецподготовку в отрядах рейнджеров. Крупные средства на проведение «эксперимента 115» поступают из фондов Немецкого научно-исследовательского общества, субсидируемого государством. В руки журналистов попала закрытая переписка научных работников с чинами министерства обороны. В ней говорилось о необходимости держать в секрете результаты опытов и «о той пользе, которую они могут принести командованию бундесвера, поскольку речь идет о разработке новых методов руководства людьми в исключительных ситуациях».

Эксперименты такого рода проводятся в ФРГ не только в научных лабораториях. В «психотехнические полигоны» превращены и западногерманские тюрьмы. Тут объектами «модификации» стали политические заключенные. В последнее время «пытки одиночеством» оказались в центре внимания в связи с делом левоэкстремистской группы Баадера—Майнхоф.

Решительно осуждая методы этой группы, призывающей к индивидуальному террору, вооруженным нападениям на банки и «гражданской войне» в городах, представители прогрессивной и либеральной общественности в то же время требуют от властей прекратить «пытки изоляцией», которым вот уже третий год подвергаются в одиночных камерах члены этой группы в ожидании судебного процесса. Речь идет о так называемых «коридорах безмолвия» в кёльнской тюрьме Оссендорф и других местах заключения в ФРГ. Изоляция узников в этих «коридорах», полное лишение их чувственных восприятий, каких-либо эмоциональных впечатлений и контактов преследуют цель деформировать личность и соответствующим образом «подготовить» их к процессу, намеченному на ближайшие месяцы. Время от времени степень изоляции изменяется, и это изображается администрацией как «облегчение» тюремного режима. Сопротивляясь психотехническому насилию, заключенные объявили в тюрьме голодовку. После этого тюремные психотехники «усовершенствовали» свой эксперимент: заключенные теперь подвергаются медикаментозной психотерапии под предлогом принудительного питания.

Характерно, что реакционная печать, и прежде всего газеты Шпрингера, полностью поддерживает бесчеловечные эксперименты над политическими заключенными.

Известный западногерманский писатель и общественный деятель Гюнтер Вальраф считает, что тюремная изоляция в том виде, как она применяется сейчас, является лишь пробным экспериментом по деформации личности политических противников, чтобы впоследствии реакционные круги смогли применять подобные методы в более широких масштабах. Вальраф подчеркивает, что тюремная психотехника даже страшнее и опаснее физического насилия над политическими заключенными. А он знает, о чем говорит: год назад Вальраф за участие в демонстрации протеста в Афинах подвергся зверским пыткам в застенках хунты, откуда вышел на свободу только после свержения режима черных полковников.

ВОНН

С МЕСТА СОБЫТИЯ

ГОЛОС ПИСАТЕЛЕЙ АЗИИ И АФРИКИ

В работе симпозиума писателей стран Азии и Африки на тему «Литература и подрастающее поколение», который проходил в Манила с 31 января по 3 февраля, приняли участие 55 делегатов из 23 стран, а также ряд наблюдателей из Европы и Америки.

Премии Лотос за 1974 год под аплодисменты всех собравшихся вручила лауреатам почетный председатель симпозиума, супруга президента госпожа Имельда Маркос. Среди награжденных — известный советский писатель и поэт Анатолий Софронов.

В ходе работы симпозиума мы попросили писателей [illegible] об этом форуме.

— Я хорошо помню недавнюю встречу писателей стран Азии и Африки, — сказал замечательный писатель Ваки Ахмед Багис. — Нас сближала тогда вместе взятые и благородная цель, то, что мы сделали с тех пор для объединения африканских и азиатских писателей, кажется сейчас тем лишь, это идея проявилась и в работе настоящего симпозиума.

Камалеш Кашу (Индия):

— Недавно наша страна обрела независимость. Перед нами стоит много сложных проблем. Задача писателей Бангладеш в том, чтобы помочь моему народу преодолеть эти трудности.

Президент ассоциации детской литературы Филиппин Серес Алабадо:

— Я очень рада, что симпозиум проходит на земле Филиппин. Мы получили хорошую возможность познакомиться с творчеством многих писателей двух континентов, о которых ранее не имели представления. Я особенно рада, что мне удалось познакомиться с советскими писателями.

Малийский поэт Гаусу Диавара:

— На этом симпозиуме обсуждались очень важные проблемы — роль литературы в воспитании молодежи. Эту тему мне предложила сама молодежь Африки, и я хотела бы дать некоторые советы, которые [illegible] бы реализовать.

Камерунский драматург Дональд Кумекпор:

— В нынешнем году мне стукнет сорок пять. Это переломный возраст. Мы должны быть на стороне тех, кто борется за освобождение и независимость. Долг писателя — находиться в рядах тех, кто борется за прогресс. Осознать это многим из нас помогает движение писателей стран Азии и Африки.

Американский писатель Уильям Сароян:

— Я очень рад, что меня пригласили участвовать в работе этого форума писателей-гуманистов в качестве его гостя. Ибо меня всегда волновала тема взаимоотношения народов. Я всегда ожидаю выхода новых книг советских писателей и читаю их сразу же, когда они появляются на английском языке.

Я убежден, что в СССР делается все для расцвета национальной культуры. В этой области вы являетесь примером для многих других стран. Я крепко жму руку всем читателям «Литературной газеты».

Участники форума писателей стран Азии и Африки проявили особый интерес к советской делегации, принявшей участие в работе симпозиума. С большим вниманием встретили они доклад главы советской делегации — А. Софронова и выступления других членов советской делегации. Участники симпозиума одобрили «Общее заявление», в котором подчеркивается роль литературы стран Азии и Африки в борьбе за мир, против империализма, колониализма и расизма, за национальное освобождение и социальный прогресс, за право народов афро-азиатских стран на самоопределение.

Альбертас ЛАУРИНЧЮКАС, спец. корр. «Литературной газеты»;
Феликс КОНОПИХИН, сев. корр. ТАСС
МАНИЛА. (По телеграфу)

АФИНЫ. Известная греческая актриса Мелина Меркури во главе демонстрации протеста против злодеяний чилийской хунты Фото из газеты «Гардиан» (АНГЛИЯ)

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

МРАЧНЫЕ ВРЕМЕНА ЧИЛИ

Мы перепечатываем с сокращениями статью, опубликованную в западногерманском журнале «Шпигель». В сегодняшней жизни Чили ярко раскрывает публикуемый ниже диалог в Сантьяго корреспондента этого журнала.

После 16-месячного пребывания у власти хунты политическая жизнь в Чили — некогда наиболее стабильной демократической стране Латинской Америки — почти полностью заглохла.

Даже такой убежденный противник Народного единства, как адвокат Эухенио Веласко Летелье, говорит о «возврате к мрачнейшим периодам мировой истории», поскольку «в Чили теперь не сохранилась даже элементарных возможностей для защиты свободы и человеческого достоинства».

Пять секретных служб арестовывают по собственному усмотрению кого угодно и когда угодно. Бывший председатель радикальной партии Аникето Суньга, только летом освобожденный из заключения, своей смерти попал за решетку. Христианский демократ Клаудио Хэпе, который в сентябре 1973 г. сражался в тюрьме за «посрамление власти» (он не дотянул до время правления национального гимна), в октябре был арестован вторично.

Аресты производятся по самым ничтожным поводам. Так, бригадный генерал Нило Флуди, директор школы Сан-Рита в Сантьяго, сообщил родителям своих воспитанников в циркулярном письме, что неявка на родительское собрание является «более чем достаточным основанием для немедленного ареста». Те, кто распространяет анекдоты или же распространяет какие-либо слухи о хунте, подлежит наказанию тем же, как и директор школы, который не ставит немедленно в известность военного коменданта о нерадивости или непослушании учащихся.

Чилийцы, нарушение которых не дает изменений для политических заключений, страдают от последствий экономической политики хунты. С октября 1973 по октябрь 1974 года цены на потребительские товары повысились на 611,4 процента. В прошлом году инфляция, согласно официальным данным, достигла 375,9 процента.

За последние три месяца 1974 года цена на хлеб увеличилась почти в два раза. Теперь рабочий, имеющий семью из трех человек и получающий минимальную зарплату в 65 000 эскудо, должен расходовать примерно одну четвертую этой суммы только лишь на покупку ежедневной буханки хлеба. Учителя, работающие в кварталах бедняков, сообщают о детях, падающих во время уроков в обморок от голода.

Недоступным по стоимости является для большинства чилийцев не только хлеб насущный, но и жилье. «В нашей стране, — вынужден был признать еженедельник «Эрсильо», — стоимость жилищного строительства в настоящее время вдвое выше, чем в любой другой латиноамериканской стране, и значительно выше, чем в США и многих европейских государствах».

Там, где не хватает денег на предметы первой необходимости, понижается интерес и ко всему остальному. В Чили терпят сейчас убытки все театры страны, так как публика не в состоянии уплатить за билеты. На широко разрекламированную премьеру новой пьесы в знаменитом театре «Монеда» не явился ни один человек, на спектакль в театре «Эль Анхель» было продано лишь 20 билетов, и хозяйка объявила о его закрытии...

Закрылось или свернуло производство и огромное количество мелких и средних предприятий. Оставшиеся в результате не у дел чилийцы пополнили армию безработных, выброшенных после путча на улицу по политическим мотивам. Общее число безработных в Чили составляет в настоящее время более 11 процентов.

В стране заметно усиливается сопротивление. Впервые со времени путча в последние месяцы состоялось несколько кровавых столкновений между полицией в подпольщиками.

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

ВНОВЬ «ДИПЛОМАТИЯ КАНОНЕРОК»

В последнее время Соединенные Штаты предпринимают интенсивные попытки, направленные на расширение военного присутствия в Индийском океане и зоне, прилегающей к Персидскому заливу. Недавно стало известно о том, что США, которые уже имеют военную базу на Бахрейне, ведут переговоры с правительствами Омана и Великобритании, добиваясь разрешения на использование английской военно-воздушной базы на острове Масира в Аравийском море. Остров находится в стратегически важном районе — на подступах к Персидскому заливу, в непосредственной близости от берегов Аравийского полуострова, на котором расположены многие нефтедобывающие государства.

Вот что пишет об этом зарубежная печать.

...Пентагон разрабатывает планы оккупации прибрежных районов Аравийского полуострова от Кувейта до Катара, которые дают 70 процентов всей добываемой государствами—членами ОПЕК нефти.

«Роз аль-Юсеф» (АРЕ)

Решение об использовании военной базы на острове Масира непосредственно связано с угрозами государственного секретаря США Киссинджера в адрес нефтедобывающих стран.

Все это — пример стратегии империализма, стремящегося установить контроль над Персидским заливом и всем Аравийским полуостровом...

Из заявления МИД Народно-Демократической Республики Йемен

Стремление Америки использовать английскую авиабазу на оманском острове Масира может вызвать новую опасность конфликта в районе залива, богатого нефтью.

Специалисты делают вывод, что Соединенные Штаты могут прибегнуть так к атомной «дипломатии канонерок».

Франс Пресс

...Возникла реальная угроза высадки американского военного десанта на оманском острове Масира. Использование вооруженными силами США английских военных баз в этом районе в конечном счете направлено на то, чтобы задушить революционное движение народа Омана, а также внести еще большую напряженность в обстановку в районе Персидского залива.

Читая эти высказывания, вспоминаешь о другом аналогичном факте недавнего прошлого. Как известно, США приняли решение о модернизации военной базы на острове Диего-Гарсия в Индийском океане. Теперь же осуществление военных планов в отношении Омана, подчеркивает газета «Вашингтон пост», «добавило бы еще одно звено в цепи военно-воздушных и военно-морских перевалочных пунктов в Персидском заливе и Индийском океане, создаваемых Соединенными Штатами».

Подобные планы встречают решительный отпор народов независимых государств Азии и Ближнего Востока. Они вызывают серьезное недовольство и у здравомыслящих американских политических деятелей...

СУДИТЕ САМИ

РЕДКОЕ ЕДИНОДУШИЕ

Для начала приведем два коротких высказывания. Первое из них принадлежит Честеру Боулсу. В газете «Нью-Йорк таймс» он писал о том, что планы расширения военных баз США (имеется в виду база Диего-Гарсия в Индийском океане) символизируют «новый пример беспричинного вмешательства Америки в дела Азии». Боулс далее призывал американцев «хорошенько подумать о своем прошлом опыте, который мы приобрели в связи с подобными мероприятиями...».

Второе высказывание — Даниэла Мойнихэна — прозвучало в интервью корреспонденту агентства ЮПИ. Мойнихэн, в частности, сказал: «Никогда еще за всю свою историю Соединенные Штаты не оскорбляли столь многих и столь сильно... Государствам на берегу Индийского океана мы даже не пытались объяснить, почему мы хотим быть тем или что нам нужно... Мы просто не пытались это сделать, и в конце концов даже Австралия была вынуждена высказаться против проекта, касающегося острова Диего-Гарсия».

У авторов этих двух заявлений много общего. Оба они дипломаты, авторы ряда книг по вопросам внешней политики США. Наконец, оба были послами своей страны... в Индии. А главное — и Честер Боулс, и Даниэл Мойнихэн выступают против решения правительства США расширять и модернизировать военную базу на острове Диего-Гарсия.

А им, вам говорится, видне...

В. БОРОВОЙ

ВЕРНИСАЖ «ЛГ»

ИЩИТЕ АНОМАЛИИ

Во французских журналах для детей распространена игра, которая называется «Ищите аномалии». Правила ее несложны: на рисунке с каким-нибудь забавным сюжетом предлагается найти несколько «аномалий», невероятностей, отступлений от естественного порядка вещей. Если подойти с такими критериями к карикатуре художника Пизма, опубликованной в одном из последних номеров «Фигаро», то таких аномалий можно насчитать очень немного, вот разве только что у похитителя картин при перезаключении его на холст на белой руне пропал мизинец. Зато вся статья-анкета, которую иллюстрирует талантливая карикатура, почти целиком состоит из фантов, мажущихся «невероятными». Вот некоторые из «аномалий», о которых пишет ее автор Ги Ла Больер.

В 1970 году во Франции была похищена 1261 картина. В 1971-м — 1824. В 1972-м — 2712. В 1973-м — 3700. «Война семи тысяч полотен учреждено в 1974 году».

«Похитители начинают разбираться в возможной коммерческой стоимости картин не хуже диспутов». Нередки случаи, когда воры в тюремном заключении занимаются повышением своей квалификации, изучая литературу по тому или иному периоду в истории живописи. Обрисовывается постепенно специализация некоторых крупных городов: в Брюсселе осуществляется перепродажа вещей, похищенных в церквах и храмах, в Мюнхене торгуют египетскими и римскими древностями, в Женеве и Лондоне — украденными картинами. «Но говорят все чаще и чаще о Японии, как о месте, где совершаются все большее число перепродаж». В Италии на охрану музеев и национальных памятников искусства ежегодно затрачивается 40 миллиардов лир. Деньги эти следует считать выброшенными на ветер, так как все принимаемые меры «настолько неэффективны, что похищенные сокровища прошлого чуть ли не открыто продаются с аукциона».

Есть ли какая-нибудь надежда на то, что число похищений уменьшится?

Это более чем сомнительно. «Периоды галопирующей инфляции и экономического маразма способствуют деятельности злоумышленников...»

Статья Ги Ла Больера сопровождена «Странной индустрия» и напечатана под рубрикой «Анкета». Этот удобный жанр позволяет высыпать на голову читателей груду «аномалий», не сделав в общем-таки выводов. На плечи Больера приходит на память, когда в одном из следующих номеров «Фигаро» читатель, что напечатано все больше и больше откровенных статей от ценителей, на которых основывается «нынешнее общество», и начинает понимать, что «отравление среды» — это не только материальное и физическое загрязнение.

Действительно, весьма загрязнена атмосфера в обществе, где число похищенных картин становится чем-то вроде температуры, свидетельствующей об экономической дихорадке, а зарегистрированное количество краж того или другого шедевра грозит стать основным показателем его ценности и средством привлечения к нему внимания.

Н. ВЛАДИМИРОВ

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЯ

«ПОРЯДОК И ТРАДИЦИЯ» — НАЦИСТСКИЕ

Итальянский патруль задержал на границе трех нарушителей, тайно пробиравшихся из Франции. Документы их оказались фальшивыми, а найденные при обыске бумаги свидетельствовали о принадлежности к правым экстремистам. Пограничники направили нарушителей в Рим, к судье Виолзите, ведущему следствие по делу нелегальных подрывных организаций.

Виоланте без особого труда установил, что задержанные на границе нарушители — члены неофашистских организаций и что возвращались они с тайного международного слета своих единомышленников, проходившего где-то во Франции.

Так начала распутываться нить, приведшая к фашистскому сборищу, которое состоялось в Лионе.

Ставшие известными некоторые итоги следствия, а также сообщения различных информационных агентств и печати, позволяют восстановить подробную картину этой встречи.

Выяснилось, что 28 и 29 декабря прошлого года в скрытом от глаз посетителей зале одной из лионских пивных состоялось тайное заседание международного неофашистского центра, который его организаторы окрестили «Новым европейским порядком». В Лион прибыло около 80 человек, представлявших неофашистские организации по меньшей мере 11 стран, в числе которых — ФРГ, Италия, Испания, Бельгия, Люксембург, Швейцария, Франция, Канада.

Обсуждались вопросы «глобального» масштаба. Так, например, речь шла о свержении существующих правительств в странах Западной Европы и создании на европейском континенте единого фашистского государства, эмблемой которого стала бы свастика.

Кроме того, «делегаты» лионского слета обсуждали и практические задачи: координацию террористической деятельности в странах Западной Европы, обеспечение «боевых групп» оружием, боеприпасами, взрывчаткой, объединение усилий для пропаганды фашистской идеологии.

Названия международного центра, заимствованное из гитлеровской терминологии, и цели его не оригинальны. Настораживает другое: сборища такого рода в западноевропейских странах перестают быть случайностью и проходят в то время, когда неофашисты стремятся активизироваться.

Особенно нагло действуют они сейчас в Италии, где под разными вывесками орудуют десятки организаций чернорубашечников. Более 100 правоэкстремистских организаций и групп существует, по официальным данным, в ФРГ, немало их в Англии. По сведениям, опубликованным в книге французского историка Франсуа Дюпре «Крайне правые движения во Франции начиная с 1944 года», здесь за период с 1944 по 1972 год насчитывалось 107 организаций подобного толка.

Французские неофашисты заметно активизировались за последнее время. Два года назад правительство распустило организацию «Ордр нуво» («Новый порядок»). На его месте сейчас уже действуют новые группы — «Жен пасьон» («Молодая нация»), «Оксидан» («Запад»), «Груп Аксьон Женесс» («Группа действий молодежи») и некоторые другие. Они малочисленны, по оценкам французской печати, но в них действуют отпетые «ультра», прошедшие школу колониальных войн в Алжире в Индокитае, имеющие «богатый» опыт террористической деятельности в рядах путчистов на тайной организации ОАС.

Именно из этих рядов вышел Ральф Герен-Серак, которого некоторые французские газеты называют лидером международного неонацистского центра «Новый европейский порядок». Трудно утверждать с уверенностью, что именно этот господин является руководителем «черного интернационала». Достоверно известно одно: он присутствовал на лионском сборище и принимал в нем самое активное участие.

Кто же такой Ральф Герен-Серак, которого французская полиция разыскивает за совершенные им преступления? Бывший капитан действовавшего в Алжире «ударного батальона», активный деятель организации ОАС. После провала планов французских путчистов он бежит из страны. Год назад его обнаружили в Португалии. После свержения фашистской диктатуры Каэтану демократические власти установили, что действовавшее в Лиссабоне мелкое агентство печати «Ажинтер» являлось, по сути дела, прикрытием для международной фашистской организации «Ордр в традисьон» («Порядок в традиции»). Агентство имело филиалы в Бонне, Буэнос-Айресе, Женеве, Сайгоне, Риме, Вашингтоне, Стокгольме. У него был также филиал во французском городе Дьеп, где печатался специальный информационный бюллетень. Так вот, директором агентства «Ажинтер» был Ральф Герен-Серак.

После того как фашистам пришлось ретироваться из Португалии, немало деятелей ультраправых организаций обосновалось, по сообщениям парижской печати, во Франции. Газета «Франс суар» приводит заявление итальянского юриста, бывшего министра М. Тавиани, который утверждает, что «центр международной неофашистской организации, деятельность которой направляют могущественные личности, составившие широкий план свержения политических институтов в ряде стран, видимо, находится в Париже...»

«Исторический опыт показывает,—пишет газета «Юманите», — что экономические кризисы являются благодатной почвой для расцвета фашистских группировок. Если они не таят сегодня непосредственной угрозы, то представят собой при «благоприятном стечении обстоятельств потенциальную основу для возникновения более широкого движения».

Фашизм, подчеркивает «Юманите», всегда был ударной силой капитализма и продолжает оставаться его резервом.

О. ШИРОКОВ, соб. корр. ТАСС — специально для «ЛГ»

ПАРИЖ

СООБЩАЕМ С ПОЗИЦИЙ СИЛЫ

ПУСТАЯ ЗАТЕЯ

«Нейтронная пыль»

Прошло уже полтора недели после окончания визита председателя партии Христианско-социальный союз Франца Йозефа Штрауса в Китай. Однако мировая печать продолжает комментировать этот визит.

Австрийская газета «Курир» [illegible] дни писала: «Политики из Бонна и Пекина [illegible] (видимо, с китайскими политиками, действия которых точно так же трудно предугадать) того, что вокруг его визита в Федеративной Республике поднялась [illegible] пыль». Мнения относительно [illegible] разделились [illegible] только для ФРГ, но и [illegible] Европы для Китая. Оценивая [illegible] и тенденции [illegible] политики, [illegible] сообщения ТАСС на одну доску с [illegible] Мао, «Жэньминь [illegible] для иностранцев [illegible] на ряде [illegible] шений.

В чем причина столь [illegible] внимания? «Штраус отвечает на этот вопрос просто: — это держава, которая занимает по коренным вопросам мировой политики ту же самую позицию, что и Штраус». И уточняет: «Штраус стремится к политике силы и отрицает политику сближения».

«Сильный человек» в действии

В самом деле, именно эту «политику силы» Штраус проповедовал как раз накануне своего китайского вояжа со страниц новогоднего номера газеты «Байернкурир». «Для нас существует два кардинально различных вида мира: «мир бессилия» и «мир силы», — писал он в своей статье. — Мир бессилия — это тот мир, к которому стремятся наши политики, проповедующие разрядку напряженности, а также лауреаты Нобелевской премии мире (намек на В. Брандта. — В. К.) вместе с нашими левыми радикалами... О безопасности в этом случае не может быть и речи! Безопасность принесет нам только лишь мир силы». Тут же он дешев рекомендациями своим [illegible] руководителям, отмечая [illegible] прежде всего усиление Китая». Недавно газета «Унзере цайт» опубликовала выдержки из высказываний Штрауса за несколько лет, на которых видно, что он ратовал за оснащение бундесвера «наисовременнейшим оружием» (то ость ядерным), поскольку армия — это «могучий инструмент в руках политика».

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-Й СТР.

МАСТЕР — ОРГАНИЗАТОР СОРЕВНОВАНИЯ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС ПРИЗЫВАЕТ РАБОЧИХ КОЛХОЗНИКОВ СПЕЦИАЛИСТОВ, УЧЕНЫХ ВСЕХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ШИРОКО РАЗВЕРНУТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ И ПЕРЕВЫПОЛНЕНИЕ ПЛАНОВЫХ ЗАДАНИЙ 1975 ГОДА, ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА, ЗА УСПЕШНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ ПЯТИЛЕТКИ, ДЕВИЗОМ [illegible] ДАТЬ ПРОДУКЦИИ БОЛЬШЕ, ЛУЧШЕГО КАЧЕСТВА С МЕНЬШИМИ ЗАТРАТАМИ [illegible] СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО [illegible] И РИТМ РАБОТЫ КАЖД[illegible] ЛОВ, ФАБРИК, ШАХТ [illegible] ЗОР, ПРЕДПРИЯТИЙ ТРАНСПОРТА [illegible] УЧРЕЖДЕНИЙ НАУКИ И [illegible]

(Из Обращения Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу)

ПЯТИЛЕТКА: ГОД ЗАВЕРШАЮЩИЙ

Кому, или из мастеру, видны тянущиеся в производства резервы! Если не человек, которому доверен этот ответственейший пост, начинал свою трудовую биографию в соревновании строителей нового завода за право работать в его цехах, а потом, соревнуясь в овладении новыми профессиями, стал металлистом-универсалом, если он отдал родному предприятию четыре десятилетия, пройдя самую стойкую идейную закалку — самому рабочему коллективу, то лучшего организатора движения за успешное выполнение производственных заданий девятой пятилетки трудно себе представить. Завидная эта судьба принадлежит мастеру механического цеха Московского станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе, коммунисту Михаилу Антоновичу Доминому. «Темпы и качество» — под таким девизом трудится сейчас рабочие шлифовального участка во главе со своим мастером М. Доминым.

Фотоочерк А. ГУЩИНА и А. ТЕРЕХОВА

Галина СОРОКИНА, специальный корреспондент «ЛГ»

СОВЕТНИК ДИРЕКТОРА

Коллегия Министерства высшего и среднего специального образования СССР постановила: начать впервые в стране подготовку кадров нового профиля. В дипломе об окончании вуза у молодых специалистов появится никогда и ни у кого не существовавшая прежде запись: «Организатор управления (специальности №№ 1745—1751)». К 1980 году профессия эта станет массовой... Что же стоит за пределами этого факта?

Мы воспринимаем появление новых профессий как одно из естественных явлений жизни. Поэтому почти не задумываемся, что очередная из них может означать восхождение народного хозяйства на качественно новый уровень развития. Вспомним предысторию. Сначала мы всячески приучали (да и продолжаем приучать) хозяйственников, руководителей разных рангов к тому, что профессионал-управленец с фундаментальной подготовкой нужен сегодня в такой же мере, как профессионал-конструктор, профессионал-технолог, профессионал-энергетик. Немало поработали тут публицисты. «Литературная газета», например, писала об этом несколько лет подряд, «заходя на тему» с разных сторон, внушая своим читателям мысль: профессионализация управленцев — требование века.

Теперь, похоже, наступает следующий этап. Через три-четыре года фигура, которой придается столько значения, появится на многих предприятиях страны. А первая тысяча дипломов новой специальности защитит дипломы уже в 1978 году.

Готовит управленцев Московский ордена Трудового Красного Знамени инженерно-экономический институт имени Серго Орджоникидзе (МИЭИ). Кстати, ожидается и соответствующее переименование МИЭИ.

Жизнь его сейчас движут колеса реорганизации. И ходкие, и необкатанные колеса — реорганизация идет параллельно с текущим учебным процессом!.. А в то же время... Впрочем, *лучше — из первых уст.*

Ректор, Олимпиада Васильевна Козлова:

— ...А в то же время, вот, как и вам, все еще приходится отвечать на вопрос. Его задают непременно и те, кто обращается к нам, и те, к кому нам приходится обращаться: «Что же, значит, из мальчишек и девчонок вы собираетесь готовить директоров?» Нет, говорим. Не исключено, разумеется, что «мальчишка или девчонка» с дипломом организатора управления, как и другой специалист, будут выдвинуты на директорскую должность или на иной какой-либо руководящий пост. Но вообще-то управленец — совсем другая специальность...

А какая? Кто же он такой — человек, кого мы станем называть управленцем?

Декан факультета экономической кибернетики Владимир Сергеевич Румянцев, самый молодой в МИЭИ из 56 преподающих здесь докторов наук (в институте работают еще два члена-корреспондента и двести кандидатов наук):

— Нигде в мире со школьной скамьи не готовят директоров. Руководитель любого уровня — это совсем другой разговор. Тут нет даже почвы для путаницы. Мы объясняем будущим управленцам: предмет их труда — не машины, не материалы, а информация. Технология ее создания и технология обработки. Цель и продукт труда — регулярные, непрерывающиеся рекомендации руководителю: какие благоприятные меры, на каком участке, какими средствами и силами нужно предпринять. Управленец обязан извлекать дополнительные ресурсы не только из машин, технологических процессов, но и из опыта, квалификации, профессионализма, знаний других специалистов. Потенциальные возможности и реальная отдача людей, коллективов — предмет его особой заботы. В сущности, это штатный консультант, собственный эксперт предприятия по управлению, а потому и незаменимый советник директора. Но грош цена эксперту, не овладевшему новейшими идеями управления! И, оказывается, внушать все эти идеи студенту легче, чем устоявшемуся инженеру другого профиля, чью квалификацию повышают на факультете организации производства. От нуля воспитывать нашу молодую естественней. Да плюс энтузиазм от сознания нового дела. Знаете, какой энтузиазм?

За несколько дней до начала конкурсных экзаменов абитуриентам объявили: вводится новая специальность. Что началось! И «стажники», понюхавшие заводского пороху, и десятиклассники, тоже ныне народ понятливый и дальновидный, повалили в приемную комиссию — переписывать заявления. Второкурсники, поступавшие в прошлом году на традиционные для МИЭИ факультеты, узнав, что им предлагается новая профессионализация, только что не кричали хором «ура». Даже преддипломники одолевали деканат: разрешите переквалифицироваться. Пришлось отказывать...

Заместитель председателя Госплана СССР Михаил Евгеньевич Рановский:

— До определенного времени считалось так: чтобы создавать ценности, достаточны и необходимы четыре составляющих — люди, материалы, машины, энергия. В эпоху НТР необходима и пятая составляющая — информация. Значит, нужны соответствующие специалисты. Одновременно нужно повышать требования и ко всем другим инженерам и техникам, выходящим из высшей и средней школы. Им всем придется понимать язык пятой составляющей...

Мы говорили об этом с профессорами Олегом Васильевичем Мамонтовым, Василием Ивановичем Дудориным, Георгием Анатольевичем Брянским, с заместителем заведующего кафедрой управления Александром Ивановичем Ивановым... Да, производственникам придется понимать язык пятой составляющей. Понимать так, чтобы объясниться с управленцем, передать ему данные, имеющие управленческую ценность... Одни создают и обрабатывают информацию, другие поставляют ее элементы и пользуются результатами обработки. Так пятая составляющая материализуется в реальный ресурс.

Коллектив института охотно взвалил на себя бремя. Сам все эти месяцы интенсивно ищет ответы на десятки вопросов, главный из которых: как учить? Как учить в стенах вуза? Как учить вне его стен, во время практики?

Несколько месяцев назад в разные министерства и на крупнейшие предприятия пошли из института письма: «Какими знаниями, какими навыками должен обладать новый специалист?» Запросы, понятно, не носили обязательного характера, да и на обязательные-то запросы, по правде сказать, отвечаем мы не всегда. А в этом случае ответов пришло множество. Откликнулись руководители предприятий, научных учреждений, отраслей. Прислали свое «добро» директора столичного завода имени Владимира Ильича В. Михайлов, «Ростсельмаша» И. Котенок, Уральского вагоностроительного Н. Крутяков, директор ВНИИОчермета В. Мининко, заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР Н. Тарасов... Одиннадцать министерств высказали советы, пожелания, одновременно гарантировали спрос на будущих специалистов.

МИЭИ выделяет для себя главное в этих письмах: поддержку и спрос. И очень соблазнительно, уважив трудности становления, согласиться: чего ж еще? Есть общий интерес, почти неограниченная потребность. А что сложится дальше — жизнь покажет.

Соблазнительно, но — нельзя. Проявляется «несправедливость» жизнеустройства — инициатива наказуема! Вузу, взявшемуся «за гуж», первому взвалившему на свои плечи груз новой проблемы, теперь предстоит продумать ее до конца. До самой последней точки. А где она, эта точка? Решенные вопросы порождают вопросы новые. И сегодня уместно сказать: проблема решена — проблема остается!

В ближайшем будущем управленцы не обеспечены гарантированным благополучием: входить в производство им предстоит небезболезненно, небесконфликтно. Будут они вторгаться в него, сталкиваясь с тем, что устоялось, отживает медленно. В этом нет ничего страшного, если об этом помнить, если заранее сделать так, чтобы каждому из обладателей нового диплома в отдельности не пришлось доказывать... свою надобность. А дело может свестись и к столь печальной ситуации.

Почему возникает такое опасение? Почему представляется, что в нынешние хорошие намерения, связанные с введением новой специальности, может попасть ошибка?

Удивляет: ничего определенно, увы, до сих пор не известно о положении, о статусе будущего управленца. Строго говоря, не знаем мы, и... какой управленец нам нужен.

Приведу мнение директора завода «Красный экскаватор» К. Урусова из его письма в МИЭИ: «...Следовало бы ввести новую категорию инженеров — инженер по управлению. Звание инженера-экономиста по определенной отрасли производства служит обычно основой для работы управленцем по управлению и придает одинаковый экономический уклон в их обучении и, значит, дальнейшей работе. Мы полагаем, что специалист по управлению не должен готовиться для определенной отрасли, так как основные принципы управления везде одинаковы» (выделено мной. — Г. С.). Заметим, что мнение это высказано до того, как был издан приказ министра высшего и среднего специального образования СССР... Новую специальность в институте формулируют следующим образом: инженер-экономист по организации управления в химической промышленности (в строительстве, в машиностроении и т. д.). Как видим, название каждой из семи новых специальностей состоит из трех частей. Первая — инженер-экономист; вторая — организатор управления; третья часть содержит отраслевую привязку. Иначе говоря, «запрограммировано» как раз то, чего опасается директор завода К. Урусов.

— Прав Урусов? — спрашивала я в институте.

— Прав, — говорят, — но частично. Знать отрасль необходимо. А вот первая часть названия — инженер-экономист — дань инерции.

— А если из-за этой инерции попадет он в плановый отдел, в бухгалтерию, в другое традиционное подразделение экономической службы? И «размоется» там, будет полностью зависеть от службы, в какую попал? Станет на одного экономиста больше... Зачем тогда огород городить?

Говорят: может, конечно, попасть и в бухгалтерию, но не должен, не имеет морального права. Морального? Да, отвечают мне, его же не этому учили, значит, должен сознавать свой долг, свое назначение и не допускать использования себя не в соответствии с дипломом...

Содержание новой специальности стыдливо заключено словно бы в скобки, вернее, стиснуто первой и третьей частями длинного названия ее, как бы запрятано между ними. Значит, выпускник может попасть в производственный отдел, например, комбайнового завода. Уже на первых порах будет разбираться в болтах и гайках, спустя пару лет станет квалифицированным добытчиком комплектующих... А на химическом комбинате он сумеет сразу же отличить наполнитель от основного сырья... Это ли важно для управленца?

Говорят: может, конечно, попасть и на роль толкача. Но зачем утрировать? Сейчас почти на каждом заводе есть служба НОТ и управления. Понимайте в виду — и управления! В области НОТ многие энтузиасты стали уже профессионалами. Конечно, пока эти службы представляют собой мозаику весьма неясных организаций, у них еще мало авторитета. Но именно потому, что там нет профессионалов по управлению! Когда профессионалы появятся и начнут приносить пользу, в них поверят, их захотят иметь на большинстве заводов. На первые три-пять лет мы гарантированы спросом. Дальше виднее будет. Процесс пошел. Становление растянется лет через двадцать — тридцать.

Служба НОТ подчинена (по нынешним административным структурам), как правило, главному инженеру. Вот вторая иерархическая ступень. А наставники будущих специалистов [illegible] рассудили иначе, что, по своей логике, специфике управления, по самим его законам, управленцы должны подчиняться непосредственно первому руководителю, представляющему пик пирамиды. Как быть с этим противоречием? Спишу в ответ: умный руководитель так и сделает, подчинит новых специалистов себе...

Применительно к науке управления — довольно-таки странное выглядит [illegible] на то, что когда-нибудь и как-нибудь все само собой образуется... В МИЭИ сейчас предпочитают не обсуждать спорных взглядов на то, каким быть управленцу, его статусу, профилю, а значит, и как его учить. А когда их обсуждать? После того, как нынешняя формулировка профиля будет записана в государственный план? Или через десять лет? И почему не сейчас, если другая точка зрения существует не только у директора «Красного экскаватора» — она существует даже в самом Министерстве высшего и среднего специального образования, в комиссии по научной организации управления — в самом, так сказать, методическом сердце минвуза.

— Старый спор, а не решен, — сказал мне профессор С. Е. Каменицер, который возглавляет эту комиссию, — узкий профиль — широкий профиль. Против узкого, отраслевого, есть несколько убедительных возражений...

По мнению профессора Каменицера, организатор управления для отрасли — иллюзия. Химия сегодня — и нефтепереработка, и газ, и лаки-краски, и пластмассы, и еще бог весть что; легкая промышленность — шерсть, шелк, отделка; пищевая — хлеб, [illegible] сахар, кондитерские изделия. И все производства внутри одной отрасли — разные. Чтобы готовить управленцев-отраслевиков, вузу нужно иметь в виду триста — четыреста специализаций. Смешно считать, что это реально. А применительно к управленцам это неправильно по существу. Управленец мыслит системно, его интересуют связи, соотношения между производствами. Он не обязан знать, что делается на отдельном стане.

Системный подход к обучению новых специалистов выразится, видимо, не только в том, чтобы повернуть преподавание основных предметов лицом к новой дисциплине — управлению, и не в том, чтобы программу иностранного языка насытить соответствующей тематикой, лексикой, терминологией, и не в том даже, чтобы каждое традиционное педагогическое действие нацелить на формирование самостоятельности, организаторских способностей. Перечисленные элементы, скорее, представляют собой сумму нужных, но все-таки периферийных приемов. Главное же — с максимальной приближенностью представить цельный образ нового специалиста. Образ этот (или модель?) должен быть создан с учетом и самой дальней перспективы развития народного хозяйства, доступной для осмысления, поскольку это — один из образов специалиста будущего...

Как видим, немало вопросов возникает, как только речь заходит об инженере, какого никогда не готовили наши вузы. В практике его подготовки высшая школа пока имеет нуль достижений и нуль ошибок. Наверное, новым специальностям начнут обучать и в других вузах. И я перу дорошенько подумать, чтобы введение в специальность не затянулось на годы.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Капитан Клюев погиб в 1933 году во время жестокого шторма в Варенцевом море.

Капитан Клюев погиб так, как подобает настоящим капитанам. Долг свой он выполнил. До конца.

«Его именем можно было назвать большой корабль. Тысяч на десять водоизмещением». И такой, чтоб он был высшего класса. И еще — ледового класса. Чтоб были на нем мощнейшие машины, все удобства для экипажа... Но в тридцать третьем году, когда погиб капитан Клюев, таких кораблей Страна Советов еще не строила. Рабочие «Красной кузницы» назвали его именем моторный катер. Ваз малого сорок лет этот катер бегает по Двине, развозит грузы и пассажиров, учит морской службе и мудрости жизни. Капитан Клюев — маленький корабли и большой человек.

Но легендарный капитан не единственный герой новой книги писателя Евгения Добровольского «Кузнец, сын кузнеца». У героя много имен, много профессий. Он живет в Воркуте и плавает по Енисею, работает в городе Набережные Челны на Хрустальном заводе и в Свердловске на «Уралмаше».

Разные люди с разными судьбами. Их встречал писатель в далеких и близких уголках страны. Он собрал их вместе, чтобы сами они или друзья на рассказали о главном: о времени, о себе, о множестве больших и огромных событий в жизни Отечества.

Спешу огово[illegible]: новая книга не сборник путевых очерков, хотя читатель, возможно, и встречал кое-что из напечатанного на страницах периодики под рубрикой «Очерки». Судьбы человеческие сплавились воедино. Из мозаики получилась картина — «рисунок времени». Там, кстати, называлась предыдущая книга Е. Добровольского о «великом автомобильном директоре Иване Алексеевиче Лихачеве». И в этой повести, и в «Кузнеце, сыне кузнеца» автор стремится постичь своих героев. Рассматривает на «ее времени», а они, «проявляясь» в нем, открывают истоки своей гражданской значительности, неразрывно связанные с заботами и достижениями страны.

То, что рассказывает писатель, можно назвать историями. История о том, как Феласта Шарунова на уральской деревне с лихим названием Шайтанка стала первой в мире женщиной горновой, варила чугун для брони танков. История о «дяде Васе Ветрениннове» — авиаторе из Воркуты, которого знают от Сыктывкара до Шпицбергена. Помимо основной, у «дяди Васи» есть и вторая «профессия» — помогать людям. История капитана Клюева...

Наш современник разговаривает с читателем со страниц этой книги. Он учится и учит, размышляет и действует, ищет и находит дело по душе. «Отношение к жизни передается не по наследству, а — по знакомству, от хорошего человека», — записал автор услышанный разговор и примерами жизни доказывает эту истину.

«Все мы дяди, всем нам для счастья нужен любимый человек и любимая работа, — говорят одни на героев книги, — ...работу нужно выбрать, понять, разобраться, найти для себя скрытую от многих ее значимость, и получается, что на пятьдесят процентов человеку счастье гарантировано. Главное — найти себя!»

Не каждый справится с этой задачей в одиночку. И тогда на помощь придут учитель, тот, кто для себя эту задачу уже решил и принял и достаточно давно работает творчески. «Учитель, воспитай ученика!»

Когда твое дело — смысл твоей жизни, ты не можешь не оставить наследника. Так мыслит и действует, впрочем, не формулируя всех этих положений, кузнец Иван Лихтенвич Куренков, называющий себя «скульптором по металлу».

Обыкновенные люди сплавились в Главного героя новой книги Евгения Добровольского, но, знакомясь с ними, узнаешь подробности их судеб, еще раз убеждаешься: «обыкновенных» людей нет. Наш современник — человек вполне необыкновенный. Он Главный герой книги. И главное действующее лицо нашего времени.

Сергей СЕРОВ

Е. Добровольский. «Кузнец, сын кузнеца». Госполитиздат. 1974.

ДЕЛОВИТОСТЬ: ВСЕГДА, ВЕЗДЕ, ВО ВСЕМ!

Под этой рубрикой «ЛГ» систематически публикует статьи о повышении ответственности, упрочении государственной дисциплины, совершенствовании стиля работы. Судя по откликам, читателям запоминались выступления газеты против всячейской имитации деятельности — бесплодной и пустой траты служебного времени, излишней бюрократической опеки, неоправданной текучести должностных лиц и другие материалы.

В начале, публикуемых ниже, читатели продолжают разговор, спорят, высказывают свои предложения.

«ПРИЕМ ОТ И ДО...

В СТАТЬЕ «Прием по средам» («ЛГ» от 2 октября 1974 г.) Лев Лондон поднял очень важный вопрос.

Пробиться на прием в ту или иную организацию стало не так-то легко. Увы, не всегда принимают в указанные часы и дни приема, преспокойно могут сказать: зайдите или позвоните в следующий раз. Как будто человеку ничего не стоит снова прийти, словно ему доставляет удовольствие вновь и вновь ходить по учреждениям. Совет позвонить еще раз тоже нелегко выполнить, ибо телефоны в учреждениях редко бывают свободными.

И решившись вновь зайти, человек опять видит секретаря начальника. Не всем удается пройти через эту преграду. Как правило, секретарь решает, кого пропустить, а кого задержать.

Возникает вопрос: не злоупотребляет ли руководитель себя полезной информации, целиком доверившись своему секретарю? Ведь немало секретарей видят свою главную заботу в ограждении начальства от беспокойных посетителей. Конечно, при желании секретарь мог бы расспросить каждого посетителя и доложить своему патрону. Даже при отсутствии начальника он должен бы записать его просьбу и передать по назначению, а потом уведомить заявителя. К сожалению, не везде это делается.

А разве самому руководителю не полезно будет узнать, по каким вопросам больше всего к нему ходят, разобраться в причинах такого явления, выяснить, в каких звеньях руководимого им аппарата задерживаются просьбы трудящихся, и принять надлежащие меры?

Иногда придешь на прием и ждешь, когда руководитель освободится. То и дело заходят сотрудники, суют бумаги на подпись, сам он уткнулся в стол, беспрерывно звонит телефон, и не поймешь — слушает он тебя или нет. При всей многогранности отдельных руководителей с трудом верится, что все они могут одновременно заниматься несколькими делами. Самое обидное в подобных случаях, что некоторые руководители начисто забывают о своих обещаниях сразу после твоего ухода. Приведу случай, рассказанный мне пенсионером преклонных лет. Он просил улучшить его квартирные условия. Все ему отвечали: сделаем при первой возможности. И больной, престарелый человек ждал этой возможности долгих три года.

Другой человек, которого я знаю, — рационализатор. Ряд его предложений внедрен в производство. Но с каким трудом приходится продвигать ему свои новые предложения! Он инвалид труда, лишился зрения, и можно представить, каково ему. Все как будто сочувствуют ему, охотно дают положительные отзывы, скрепленные печатями и подписями. Но как только коснется практического выполнения, дело не двигается с места.

Могут возразить, что значительно возрос поток посетителей, что некоторые лица без серьезного повода беспокоят занятых людей. И такое встречается. Но большинство посетителей идут с наболевшими вопросами, которые нельзя оставлять без внимания.

За последнее время немало сделано по упорядочению приема граждан. Устраиваются специальные встречи руководителей, депутатов с трудящимися, созданы общественные приемные. Все это вызвано самой жизнью. Но возможности улучшения этого дела не исчерпаны. Почему бы не устраивать приемы граждан по выходным дням, в крайнем случае передвинуть время приема на нерабочие часы? Можно бы также выделить ответственных лиц, принимающих по тем или иным вопросам, широко известив об этом население. И вдобавок необходима систематическая проверка того, как ведется прием трудящихся в том или ином учреждении.

Ив. ИВАНОВ,
заслуженный работник культуры РСФСР

ЧЕБОКСАРЫ

МНЕНИЯ

Мы принадлежим к профессии, которая целиком порождена ошибками. Ошибками проектантов, монтажников, изготовителей электрооборудования. Мы — так называемые электроналадчики. Специальность нашу можно назвать антиработой, «симуляцией деятельности», хотя мы работаем много и честно. Среди наших коллег преимущественно люди с высшим и средним специальным образованием, и главная наша беда состоит в том, чтобы в ходе строительства, уже на площадке, переделывать и исправлять проект, а также распутывать то, что напутают монтажники. Тяжелая и неблагодарная у нас работа.

Деньги, которые выплачивают заказчики пусконаладочным организациям (мы работаем в одной из них), не входят в сметную стоимость объекта. И естественно — какие же проектанты будут закладывать в смету исправление собственных грехов! Поэтому расходы относят на стоимость будущей продукции: на запланированное никем удорожание. А деньги немалые...

Проектанты не несут никакой ответственности за ошибки и просчеты, выявленные нами-не пустые. И вот получается, что мы, наладчики, с одной стороны, выполняем полезную работу, без которой пока нельзя обойтись, а с другой — мы не более чем «чистильщики», подчищаем чужие грехи. Но не слишком ли накладно для народного хозяйства иметь многие тысячи таких «чистильщиков»? Мы любим свою работу, но на можем не сознавать, что наша специальность — результат плохой работы других.

М. ЛИНДЕР,
В. ОСЕЙ,
инженеры

МОСКВА

Хочу поделиться некоторыми соображениями по поводу антиработы, на которую справедливо ополчилась «ЛГ». Эта тема выглядит пока еще свежо на страницах газет. В кулуарах же и курилках она надоела — одна из популярнейших. Существует даже обильный кулуарный фольклор о такой «деловитости». Кстати, хорошим синонимом понятия «симуляция деятельности» — «система ИНД» (имитация инициативной деятельности).

Если задуматься всерьез, то «питательной средой» для безответственности во многих случаях служит отсутствие ощутимой связи между результатами работы (на временем работы, не количеством затраченной энергии, а именно результатами!) и вознаграждением. Но общеизвестно, что в этой области многое пока еще далеко от совершенства, хотя поиски, эксперименты осуществляются и есть удачные решения.

Мне кажется, сейчас надо сосредоточить внимание на обсуждении, если так можно выразиться, «позитивной программы борьбы с антиработой». Хороших предложений в этом смысле пока опубликовано не много.

Видимо, проблема повышения ответственности и деловитости имеет самое прямое отношение и вопросу о выдвижении, повышении, перемещении руководителей, и различным аспектам «деловой карьеры». Не секрет, что есть люди, стремящиеся «наверх» не ради того, чтобы взять на себя большой груз, а из примитивного желания пересесть в более щедрой «кормушке». Однако нам до винтика, чтобы на соответствующих местах во всех звеньях управления экономикой работали только абсолютно компетентные люди? Очевидно, есть лишь один путь резко повысить требования к компетентности и качеству управления (чтобы лишь самым одаренным оно было под силу) и, с другой стороны, всячески поощрение давать только за дело и в сочетании со строжайшей требовательностью!

На мой взгляд, принцип демократического централизма пронизывающий хозяйственную жизнь, должен включать в себя возможность на только служебного роста, но при необходимости и понижения, причем такого, чтобы при этом человек не был морально раздавлен.

А. РОГОВ,
инженер

КАЛИНИНГРАД

ПОЖАР

Владилен ТРАВИНСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Сегодня мы публикуем вторую статью нашего товарища, специального корреспондента «Литературной газеты» Владилена Травинского, оставшуюся после кончины автора. Репортаж «Крылья» был напечатан в № 2 «ЛГ» от 8 января с. г.

I

Дансинг в Гренобле. Мальчики и девочки, в обнимку или держась за руки, культурно проводят досуг, «откалываются» па, принятые в этих местах. Им, наверное, хорошо, французским мальчикам и девочкам, в уютном зале, красиво отделанном цветным пластиком, под лучами трав прожекторов, медленно бродящими по лицам. Прожекторами с небольшой антрасольки управляет владелец дансинга. Белые рубашки парней, белые кофточки девушек — в Гренобле ходят на танцы в светлом... Был поздний вечер, как указано в полицейском протоколе.

Такова первая фотография — случайная, любительская.

Вторая — профессиональна. Это видно хотя бы на того, что объектив умело запечатлел сразу все 145 гробов. Живым из дансинга не вышел почти никто. Точно установить не удалось, какой именно юноша уронил сигарету на поролоновое сиденье стула... Стул вспыхнул, вслед за ним мгновенно загорелся крайний, цветной, модерный пластик пола, потолка и стен. Давка у дверей продолжалась недолго: там расплавленный пластик стекал сверху прямо на головы, ядовитый дым разъедал легкие и глаза. Спичка сгорает немногим быстрее, чем допылал дансинг в Гренобле. И вот — 145 гробов, понурые родственники ходят между рядами... Пунктирная линия указывает на гроб хозяина, не успевшего спуститься с антресоли...

Редкостная, трагическая случайность? Да, трагическая. Но случайность ли? Об этом чуть позже. И уже отнюдь не редкостная. Увы! В хронике убийственных бедствий последних лет за рубежом сокрушительные пожары прочно заняли место рядом с автомобильными катастрофами.

Вот — наугад — некоторые последние, «редкостные»:

Брюссель, Бельгия. Универмаг «Инновасьон», крупнейший магазин страны. Пожар возник в торговом зале второго этажа: вспыхнул пластик стен. Погибло около 400 человек.

Сеул, Южная Корея. Двадцатидвухэтажная гостиница «Дафинан». Взорвался газовый баллон, и опять тотчас же занялся пластик. 164 смерти, 50 ранений.

Сан-Паулу, Бразилия. Двадцатидвухэтажная банковская контора «Жозэлма». Причина пожара неизвестна. Огонь отрезал все выходы. Многочисленные пожарные ничего не смогли спасти с верхних этажей. Оттуда выпрыгивали горящие люди и разбивались о мостовую. 179 погибших, 450 получивших ожоги.

На недавнем международном симпозиуме в Цюрихе (в нем участвовала и делегация СССР) отмечалось, что пожары превращаются в одну из главных опасностей для человечества. Не мудрено: только в 1972 году в США, например, в двух с половиной миллионах пожаров погибло около двенадцати тысяч человек, ранено около трехсот тысяч, общий ущерб (с учетом косвенных потерь) достиг одиннадцати миллиардов долларов!

А у нас? У нас тоже пожары... Меньше, чем в США, не с такими потерями, как за рубежом, но пожары есть пожары...

Впрочем, и чему тревога? В конце концов, испокон веков начались блики пожаров по небесам над человеческими поселениями — тем паче на Руси. Сколько раз горела Москва — *слоловами* словно бы переполнены русские летописи! Выгорали «на корню» Псков и Новгород, Казань и Рязань, лишь белесый туловище церквей да кремлей угрюмо сутулились, бывало, над сплошными пепелищами городов. «Красный петух» был вечным проклятием и российской деревни; столетиями на папертях рядом с нищими вымаливали копеечку и погорельцы, будто бы непреходящее сословие русского общества, бесперечь пополняемое несчастливцами. Страна деревянных изб и домов, топимых зачастую почерному, то есть с искрами на пол и под потолок, явно томилась в предчувствии пожаров.

Перед революцией ориентировочно считалось, что убытки от пожаров в России составляют 500—700 миллионов золотых рублей в год. И тогда уже российские пожарные славились мужеством и сноровкой, но много ли сделаешь, если вооружен багром, ведром, или топором — против стены огня, вставшей над городом? К 1917 году, например, имелось у пожарных по Руси всего 10 автомобилей. Последним, что ли, аккордом в этой непроходимой ситуации была катастрофа 1917 года в Барнаула: там выгорело сразу 60 кварталов, около 700 домов...

Однако, скажут мне, при чем тут исторические реминисценции? Много или мало пожаров у нас, в СССР, в высокоразвитом индустриальном государстве, с отлично поставленными наукой и техникой, противопожарной службой, каменными градами и селами, с воденым, газовым или электрическим отоплением? Много или мало! Увы! Статистика пожарного прошлого плохо известна, здесь трудно сравнивать, но известна «статистика будущего», иначе говоря, число пожаров, которое, по прикидке специалистов, можно было бы считать нормальным «в высокоразвитом индустриальном государстве, с отлично поставленной наукой и техникой, противопожарной службой...» Это число далеко превзойдено во всех высокоразвитых странах. Да как превзойдено! Яснее ясного: когда жертвы исчисляются десятками тысяч, а убытки — мчлиардами, то получается, что потери вполне сравнимы с так называемыми «малыми войнами» XX века. Но малые войны начинаются и кончаются, а пожарные потери ежегодны — здакая непрерывная «малая война» с огнем!

Почему так? Да потому, что возросли не только возможности общества в борьбе с огнем, но и «возможности огня» в борьбе с обществом. Причина тривиальная: наши беды явились продолжением наших же успехов.

II

Оглянитесь вокруг себя. Наше бытие пронизано огнем — открытым или запрятанным. Годы научно-технической революции сделали нас повелителями могущественных сил мертвой материи, сил благодетельных, когда мы их твердо держим в руках, — слепых и разрушительных, когда они вырываются из-под нашей власти. А при колоссальных масштабах хозяйства, созданного людьми, контроль становится все сложней, затруднительней...

Теперь ни у кого, по-видимому, не вызывает сомнений, что научно-технический прогресс — причина не только позитивных, но и негативных процессов в биосфере, окружающей среде. Загрязнение воды, опасные изменения атмосферы, климате, сокрушительная эрозия почв, нарушение биоценозов, резкое оскудение живой природы и т. д. и т. п. — обо всем этом написано немало книг и статей, в том числе и в «Литературной газете». Тревоге экологов в последние годы передалась широким массам, перешагнула пороги парламентов и правительственных кабинетов. Забота об охране и рациональном использовании природных ресурсов сделалась одной из важнейших забот современности, стала темой — наряду с прочими — переговоров на высшем правительственном уровне.

Но ведь, кроме природы естественной, есть еще и искусственная, та самая «вторая природа», о которой писал Маркс: человеческая цивилизация. НТР родилась и протекает в основном внутри именно «второй природы», однако, как и в первой, творит здесь не только добро, но и зло. Экологи толкуют об угрозе природным ресурсам со стороны НТР — аналогом, даже, может быть, эквивалентом во «второй природе» являются пожары. Они неожиданное, стихийное и оттого еще более досадное дитя НТР: если хотите, ее внебрачное дитя.

Это очень важно запомнить: нагнетание пожарной опасности — закономерное последствие технического прогресса, его обжигающее изнанка.

Мир просто стал горючим — в самом прямом смысле слова!

Безобидные парфюмерные изделия... Элегантные тюбики женской косметики... Почти все они горючи. Вот выдержка из официального документа: «В результате проведенных испытаний по оценке пожарной опасности сырья, продуктов и полупродуктов производства душистых веществ было установлено, что все они по температуре вспышки паров относятся к горючим жидкостям с температурой вспышки 45 градусов Цельсия и выше». А ведь 45 градусов — это горячая ванна...

Есть такой предметный по оттенку отделочный материал: инсулак. Летом 1972 года ремонтировали универмаг в городе Петушки Владимирской области: на втором этаже поставили вдоль стен панель из деревянных реек, а выше — до потолка — покрыли стены инсулаком. Красоты ради не постояли, как говорится, за расходами. В ночь на 7 февраля 1973 года, уходя, продавцы забыли выключить в зале электролампочку. Тепла от нее оказалось достаточно, чтобы к утру инсулак вспыхнул. Универмаг запылал... Вслед за тем инсулак погубил кафе «Медвежонок» в Москве. Где-то еще объявит себя инсулак? А ведь он — одно из многих тысяч веществ, выбрасываемых на рынок бурно развивающейся химической промышленностью, — несть им числа, и несть числа пожарам от них!

Даже давно известные и вроде бы «спокойные» вещества в условиях заводского концентрированного производства и потребления наоживленно тоже делаются нашими врагами:

цилиндр самовозгорается,
бром самовозгорается,
барий самовозгорается,
нафталин самовозгорается,
камфара самовозгорается,
алюминиевая пыль горит,
пыль пирамидона горит и взрывается,
сахарная пыль взрывается,
пыль льна, хлопка, пеньки, джута, нафара взрывается и так далее...

Не самое, пожалуй, тревожное — это повышенная и все возрастающая горючесть новых строительных материалов, широко внедряемых в производство.

III

Передо мной сводка: «Справочные данные о пожарной опасности новых строительных материалов». Перечислены 20 тепло- и звукоизолирующих, 11 облицовочных, 18 пленочных, 4 стеклопластика — всего 53 материала. Из них 24 легко горючих, еще 28 просто горючих, не горит один-единственный!

Пластик, пластик... Без него ныне не возводится ни один строительный объект. Сколько достоинств у пластика, в том числе и таких убедительное, как дешевизна! Квартиры в городке ученых — и типовые школы; металлургические комбинаты — и детские сады; коридоры в административном здании — и раздевалки шахтеров — всюду пластик, дешевый, изящный. И всюду он угрожает пожаром. Правда, есть, разработан и в технических рекомендациях, в лабораториях трудновоспламеняемый, трудногорючий пластик, но его промышленное производство потребует новых затрат, а значит, лишит пластик основного достоинства — дешевизны.

А ведь он не только горит, вспыхивая порой, как порох. Сгорая, он порождает ядовитый дым — десятки видов токсичных веществ насчитывают в его дыму специалисты. Даже опытные пожарные бойцы могут проникать сквозь этот дым лишь в противогазах. На погибель людскую зачастую начинают «работать» самые-рассамые невинные устройства; например, системе вентиляции и различные коммуникации внутри горящего здания всасывают, распространяют смертельный дым по квартирам или цехам...

Такой дым характерен не для одного пластика — для многих современных химических изделий.

Однажды возник пожар в магазине «Бытовая химия» на проспекте Мира, в Москве. Магазин располагался на первом этаже двух спаренных 14-этажных зданий. Через десять минут после вспышки огонь разрушил стеклянные окна-стены и пошел вдоль фасада. Стоял май, тепло, форточки на всех четырнадцати этажах были открыты. Дым повалил в квартиры. В магазине была оборудована — как раз на такой случай — мощная противопожарная вытяжка, должная выбрасывать дым прямо на чердак. Она и выбрасывала. Но... трубы вытяжки, идущие внутри перекрытий, были плохо изолированы — обычная история... Поэтому раскаленные продукты горения проникали на этажи.

Не этом примере становится понятен ответ на недоуменный вопрос дилетанта: как же так, почему возникают пожары в каменных и железобетонных зданиях?

Как мне объяснили в Главном управлении пожарной охраны МВД СССР, тонкие карнизы проложены, выстелены, буквально битком набиты современными горючими материалами. Пламя, возникнув, легко «пробивает» преграды, разогревает их, оушит. Да разве вам не приходилось видеть, как ведут себя строительные конструкции при пожарах? Стальные балки, толщиной в человеческую талию, страдальчески перекрученные кривыми петлями, сплюснутые в бугристую лепешку, разодранные, раскоряченные огчем... Металл при пожаре становится ненадежным, он плохо сопротивляется огню, мягчает, деформируется, он уже не опора; в самую трудную, самую необходимую минуту зданию вдруг не на чем стоять...

В чем же дело! Если все заранее известно, если очевидно, что «начиненное горючими материалами» здание огнеопасно, неужели нет возможности предотвратить пожар «на корню»?..

Сейчас я возвращусь к истории двухлетней давности, к истории пожара на Бухарском хлопчатобумажном комбинате, которая в своем роде может быть признана классической.

Почти два года назад Геннадий Бочаров на страницах «Комсомольской правды» провел журналистское расследование обстоятельств этого пожара.

Коротко перескажу. Пожар за сорок минут целиком уничтожил прядильно-ткацкую фабрику: «произошло обрушение металлических конструкций на площади свыше 44 тысяч квадратных метров». Оказалось, что строительство велось крайне халатно, с нарушением противопожарных правил. Однако халатность халатностью, но что это за металлические конструкции, которые рушатся по тысяче квадратных метров в минуту при первом же пожаре? Обратившись к автору проекта, журналист выяснил, что в проекте «были сделаны ощутимые нормативные послабления в отношении огнеустойчивости металлических конструкций. ...Перекрытие фабрики было выполнено в виде слоевого пирога... в конструкцию были заложены горючие материалы... пенополистирол, три слоя рубероида, фольгоизол, полиэтиленовая пленка и т. д. Еще сказал главный инженер: «Мы обязаны стремиться к удешевлению строительства...»

Оговоримся и тут. Пусть иному читателю не покажутся нелепыми или неуместными ссылки на дешевизну проекта. Дешевизна, как и темпы — два опорных столба, на которых стоит любое массовое строительство. «Строить быстро, строить дешево» — это не красивые обязательства, а необходимость, без которой строительство утратит свое основное достоинство. Поэтому — я хочу подчеркнуть это особо — речь идет не о чьей-то беспечности или технической неграмотности, а о той знакомой всем нам ситуации, когда по соображениям сиюминутной выгоды, сиюминутной целесообразности кажется возможным не задумываться о далеких последствиях...

Те самые «послабления» в проекте, о которых шла речь выше и которые в итоге обернулись пожаром, при строгом юридическом подходе нельзя отнести к правонарушениям. Фабрика проектировалась согласно установленным и утвержденным Госстроем СССР нормам, и все конструктивные и планировочные решения в проекте находились в пределах, допустимых этими нормами.

Но вся суть в том, что как раз нормы и на выверены с точки зрения противопожарной безопасности и не во всех частях одобрены пожарным надзором, хотя любая инстанция, обладающая правом нормирования в строительстве, должна консультироваться в своих решениях с противопожарной службой.

Международная практика определила, что основное — обеспечить безопасность еще в нормативах, строго соблюдать их при проектировании объекта и при его строительстве. О безопасности нужно думать еще до того, как разработана та или иная конструкция, до того, как создано то или иное вещество. Нельзя удешевлять здания, вещества, материалы за счет безопасности. Ни модернизация, ни техническая эстетика не могут служить оправданием нарушений противопожарной безопасности. У этих красивых причин подчас бывают слишком страшные последствия...

IV

— Пугаете, пугаете, а мне не страшно, — скажет благовоспитанный обыватель. — Ну, бывает, ну, горит тут-там, но ведь не так, чтобы — сплошное море огня, все рушится, все гибнет, не так!

Да, не так. Мы все привыкли: в случае пожара звоните 01. Пожарная часть не заставляет себя ждать, она ныне — самая скорая, выезжает через 35—45 секунд после вызова.

Мы все привыкли: примчится сверкающая красная машина, быстрые люди в брезентовой форме проложат рукав, и вот уже взлетела лестница, и вот уже взбирается по ней, поражая профессиональной ловкостью, смельчак со стволом в руке, и вот уже сильная струя воды рассекает дымовую завесу.

Однако... однако как же быть, если пожар на двадцатом этаже, а пожарная лестница достигает только седьмого! Как же быть, если лестничная клетка вся задымлена, непригодна для спасения людей? Как же быть, если... если еще десяток разных ситуаций, при которых ни ловкость, ни смелость, ни мастерство пожарных ровным счетом ничего не значат — настолько несоизмеримы возможности человека в сравнении с грянувшей бедой!

Смешно, скажут мне, в наш век электроники уповать на руки человека, на багор, ведро и лопату. Конечно, смешно. Тем более, что на вооружении у пожарных есть и автоматика, и системы сигнализации и предупреждения пожаров. НТР, она ведь не только грозит пожарами, она дает и возможность высокоэффективной борьбы с огнем, противостояния ему.

— Так в чем же дело? — спросит рассерженный читатель. — Чего же тогда нам бояться?

В том-то и дело, дорогой читатель, что все это и есть, и всего этого вроде бы и нет. Разве можно считать, что приборы противопожарной сигнализации есть, если ни один директор магазина не может свободно приобрести их и установить? Разве можно надеяться на автоматическую систему тушение огня, если оно при проектировании промышленных объектов зачастую не планируется, не попадает в смету и, значит, не устанавливается?

Уже самим номером телефона — 01 — подчеркнуто: пожар — самая первая, самая главная опасность. На борьбу с ним, казалось бы, должны быть брошены все силы. Но нет! Темпы научно-исследовательских работ и промышленного производства предметов противопожарной обороны отстают от потребностей, от темпов самой научно-технической революции.

В системе МВД СССР есть один научно-исследовательский институт, занимающийся вопросами пожарной безопасности. Но возможности его более чем скромные. Да и один в поле не воин — еще в каком поле!

К сожалению, этими проблемами в должной мере не заинтересовались другие организации и ведомства. Справедливости ради, однако, следует вспомнить, что в 1971 году был составлен координационный план по небольшому кругу научно-исследовательских работ в области противопожарной защиты, а при Научно-техническом совете по охране труда при ГКНТ и ВЦСПС создана секция «пожары и взрывы». Но ведь это — капля в море...

Так не пора ли ведомствам удочерить, наконец, проблему пожаров (и взрывов!), не пора ли составить единый координационный план научных работ и промышленного производства средств предупреждения и тушение пожаров и выполнять его под строгим, контролирующим взором Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике?

Не пора ли? Пожары множатся... положение становится все сложней. Отдав должное возвышенному благородству пожарных, я тем не менее вынужден не то чтобы открыть тайну, а просто высказать мнение многих специалистов, с которыми согласен: противопожарная служба, оставаясь главной нашей опорой, сама по себе не в силах и не будет в силах победить огонь, как бы она ни была хорошо обучена, оснащена, сколько бы храбрости, таланта и энергии она ни расходовала! Проблема вышла за пределы частных, прагматических, узковедомственных решений.

Необходимо осознание истинных размеров и глубинных причин бедствия, включение противопожарных правил в самые поры общественного сознания всеобщее, всенародное и в то же время сугубо личное — каждым на своем месте — ощущение ответственности за происходящее. Без этого нам не обойтись. Нормы безопасности должны стать нормами морали и, уж конечно, промышленными и строительными нормами — не только во отношению к пожарам, но и пожарам в особенности!

Мы знаем, как воспитывается чувство ответственности — убеждением и принуждением. По-видимому, пришла пора рационализировать и убеждение, и принуждение, возвысить их до масштабов и уровня пожарной ситуации. Кто из родителей не читал плакат: «Не разрешайте детям играть с огнем»? Ну а как насчет взрослых? Что говорить: коробке спичек в руках ребенке — опасная игрушка. Ну, в миллионы тонн горючих веществ и материалов а руках людей, лишенных чувства ответственности? Не пора ли юристам точнее и справедливее сформулировать нормы правовой ответственности за пожар?

Впрочем, законы и инструкции — это всего лишь слова, напечатанные на бумаге. Когда говорят о законности, а первую очередь имеют в виду не законы, а их применение на практике, их реализацию. Например, дело охраны природы не сдвинулось с места до тех пор, пока идея не овладела массами, пока чувство ответственности за охрану природы не внедрилось в умы и сердца, и только тогда началось быстрое возведение очистных сооружений, профилактическая работа...

Мероприятия по охране природы имеют сходство с противопожарными еще и в том, что последние не самом деле прямых, сиюминутных выгод не приносят. К тому же они, как и природоохранительные, не дешевы. Но совершенно ясно, что эти своеобразные «амортизационные общественные расходы необходимы — и будут все более необходимы по мере углубления и расширения научно-технического прогресса.

Название Всесоюзного научно-исследовательского института противопожарной обороны правильно отражает прошлое отношение к делу: мы действительно обороняемся от огня, как от стихийного бедствия. Как от стихийного бедствия, доныне страхует от огня и Госстрах. А ведь это неверно, принципиально неверно! Большую, главную часть пожаров XX века ни в коем случае нельзя сравнивать с ураганом, тайфуном, цунами, землетрясением или извержением вулкана. В отличие от них, сегодняшние пожары (почти все!) подконтрольны людям, мы можем, мы умеем, мы должны ими руководить! Они суть не стихия природы, а стихия человеческого поведения, то есть следствия психологических или социальных причин, — а не этом фронте мы обязаны не только обороняться, но и наступать...

Однако — стоп! В одной статье не исчерпать вопросов и проблем, накопившихся за долгие годы, когда пожарная тематика не удостаивалась серьезного разговора на страницах газет и журналов. Говорить надо — неотложно:

о проблеме высотных зданий — рост числа этажей не всегда состыкован с противопожарной безопасностью;

об обучении населения двадцать с лишним миллионов квартиросъемщиков СССР не знакомы часто со способами предупреждения и борьбы с огнем;

о несовершенстве противопожарной техники и препонах на пути ее развития;

о сельских пожарах, особенно тех, что ежегодно грозят урожаю и скоту;

о пожарах, возникающих на почве пьянства: около половины всех случаев гибели совершеннолетних людей на пожарах — следствие злоупотребления алкоголем;

наконец, о несомненных успехах, удачах, достижениях в деле борьбы с огнем на всех фронтах, а они тоже есть, и немалые;

и так далее, и тому подобное!

Эта статья — для зачина.

Публикация
Т. ТРАВИНСКОЙ

Снимки фотокорреспондента «Литературной газеты» Анатолия ХРУПОВА комментирует писатель, автор повести «Деревенский детектив».

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ. КТО ОН?

КАПИТАН милиции... Участковый. Всматриваюсь в фотографию еще и еще раз и не могу отделаться от ощущения, что когда-то встречал этого человека. Лицо знакомо, взгляд помню...

А если встречал, то где? Скорее всего, в глухой, заваленной зимними снегами сибирской деревне. А может быть, на оживленном сибирском тракте, у чайной, рядом с «увлекшимся» мотоциклистом; или во время беседы с подростком в детской комнате милиции; или в здании сельсовета, когда он поздравлял молодоженов...

Меня часто спрашивают, есть ли такие люди, как Федор Анискин. Конечно, есть. Разные, они схожи в одном, в главном: они достойно выполняют свой долг перед народом. Они неравнодушны и беспокойны, им всегда и до всего есть дело, каждый чувствует себя гражданином, хозяином. Один из них — капитан милиции Шинкевич. Коренной сибиряк, Александр Григорьевич двадцать восемь лет работает участковым уполномоченным в Комсомольском районе Томской области. Большие сибирские пространства, тут немало хлопот. Порой приходится вставать на лыжи, чтобы настигнуть браконьера, или, закутавшись в тулуп, ехать в поселения в самую отдаленную деревню — на участке Шинкевича 18 населенных пунктов...

Но вот заканчивается многотрудный день. Возвращается из школы жена — Александра Афанасьевна, заслуженный учитель школы РСФСР. Приводят дети. Все трое. Как и мать, они педагоги. Почему так случилось? Семь Александр Григорьевич разводит руками: что поделаешь — призвание. Не он настаивал, не обижен, у него прекрасная смена — шестнадцать выпускников Ювелинской средней школы работают в милиции.

...До позднего вечера светится окно в доме, где живет участковый инспектор...

Виль ЛИПАТОВ

Александр БОРИН, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ГРОМКОЕ ДЕЛО

О ханжестве иных ретивых моралистов, о бестактности некоторых неумных педагогов не раз писали газеты. Но тут, в этой истории, разговор пойдет не просто о ханжестве и не только о бестактности.

30 СЕНТЯБРЯ вечерним поездом студенческий отряд, несколько сот человек, отправился в совхоз «Красная звезда» на уборку урожая. Ехали в общих, переполненных вагонах, ни одного свободного места. Пили чай с домашними припасами, играли в домино...

Девочка семнадцати лет, месяц всего, как поступила в институт, уютно устроилась с приятелем на нижней полке. Разговаривали. О чем? Если бы тогда, заранее, знать, что это окажется таким важным, что придется опровергать глупое подозрение! Кто-то в вагоне запел «Парня в красной рубашоночке», и она, кажется, сказала, что нельзя так безбожно рвать у гитары струны. Потом, помнится, говорила, как училась в музыкальной школе, за два года окончила четыре класса, особенно любит Бетховена и Моцарта. Еще девочка сказала, что в совхоз едет с большой охотой: «Очень хочется романтики!»

Подняв ребят старший по вагону инженер Н. Садыбеков (в институте — временный работник на кафедре гидравлики, на уборку вызвался в качестве завхоза). Поднял, крикнул девочке: «Почему режим в пути нарушаешь?» Та не поняла: «Что, простите?» — «Почему с парнем спишь?»

С полок свесились взъерошенные головы: как интересно!

Интеллигентная девочка, до сих пор привыкла отпор давать только маме с папой, ответила ледяным тоном: «Попрошу не вмешиваться в чужие дела!» «Я тебе покажу «не вмешиваться»!» — сказал завхоз.

ДОКЛАДНАЯ. Командиру отделения студенческого отряда. Довожу до вашего сведения, что студентка (имя, фамилия) после субботы была мною замечена на полке с парнем. Сделанное замечание оставила без внимания. Считаю поведение (имя, фамилия) аморальным, недостойным для советской студентки.

Нелепость, курьез. Все бы, наверное, обошлось. Но тут новый инцидент...

По состоянию здоровья девочку определили работать не в поле, а на кухне. В первый день вымыла фляги, начистила картошку, добела отдраила столы и скамейки. Студент, назначенный шеф-поваром, приказал: «Иди чаны мыть». Она вспылила: «Я кручусь, кручусь, а сам чего бездельничаешь?» Он поставил ногу на лавку, которую она только что отдраивала: «Я кому говорю?!» «Ах, так? — возмутилась. — Да я вообще уйду...» И ушла.

РАПОРТ. Командиру отделения студенческого отряда... Студентка (имя, фамилия) недобросовестно отнеслась к обязанностям повара на кухне, куда она была назначена по собственному желанию... Р. Таукелев, куратор строительного факультета.

Куратор Таукелев вызвал к себе девочку и сказал: «Не справляешься на кухне — иди в поле». «Хорошо», — согласилась она.

День проработала девочка в поле, а на другой — сердечный приступ. Закололо сердце, онемела рука, бросило в пот. Ребята сбегались, отнесли в тень. Куратор Таукелев выделил студента — проводить девочку до лагеря. А через час, возвращаясь с поля, Таукелев видит: девочка и студент спокойно себе идут, улыбаются. Больной на тюфяке полагалось лежать, а она, понимаете, разгуливает. Спросил: «Почему ты здесь?» Ответила: «В помещении мне хуже, душно». Ах, душно? Ладно, пусть врач разбирается.

Сегодня, по прошествии известного времени, прикомандированный в отряду хирург Е. Кадырбаев объясняет мне: «Она привезла бумажку из поликлиники, что страдает ревмокардитом, но освобождения по всей форме у нее не было». — «И что же вы сказали преподавателям?» — «Раз у нее нет освобождения по всей форме, сказал, что симулянтка».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ШТАБА ОТДЕЛЕНИЯ ОТРЯДА. 1. За аморальное поведение, индивидуальную несовместимость и систематическое невыполнение плана (месяц? На поле полтора дня работала) студентку (имя, фамилия) исключить из студенческого отряда. 2. Ходатайствовать перед главным штабом об исключении (имя, фамилия) из института.

Вот и все. Вся история. Это потом так развернутся события, что криком захочется кричать. А пока: с парнем на полке сидела — раз, чай в вузе не мыла — два, врач не поверил справке из поликлиники — три. Отряд прибыл в совхоз первого октября. Исключением из института девочке пригрозили вечером шестого. Чтобы обеспечить человека, не понадобилось даже недели. Хватило пяти дней.

КУРАТОР строительного факультета Р. Таукелев постановление штаба отделения об исключении студентки все-таки не подписал: нет оснований. Однако командир отделения, кандидат технических наук, доцент А. Ахметов был непреклонен. Приказал утром не созвать отделение на чрезвычайную линейку.

Студенты построились. Шестьсот человек. Полная площадь народа.

Ахметов велел девочке выйти на строя. «Еще, еще, так, чтобы все тебе видели». Объявил: «Вот, поглядите, перед вами паршивая овца, которая все стадо портит»...

Сегодня товарищ Ахметов вспоминает: «Ложь. Я на линейке не говорил, что в вагоне она стала недосягаемой. Просто оповестил о случившемся, и у студентов, вероятно, возникла логическая ассоциация». Такая возникла ассоциация, что никто из шестисот глаз от земли не мог поднять.

Девочка крикнула: «Неправда!» «Молчи, — сказал доцент Ахметов. — К тому же ты злостная симулянтка. Сердечницей притворилась. Я тоже, если захочу, могу притвориться — хоть хромым, хоть припадочным...»

Обиду, унижение, протест девочка испытала уже потом, после линейки. А тут было одно-единственное чувство: беспомощность.

В тот день она сказала подруге: «Хочу повеситься».

Вечером студенты собрали группу. Сами. Стихийно. Ребята, выросшие в наше время, воспитанные в наших семьях и в наших школах, искренне, чистосердечно не могли взять в толк, зачем устраивать над человеком экзекуцию, прогонять его сквозь строй, когда можно просто поговорить по душам.

ПРОТОКОЛ СОБРАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ ГРУППЫ. Присутствовали 18 человек. Отсутствовали по уважительной причине 8 человек. Слушали: вопрос об исключении студентки (имя, фамилия). Выступили: Абдиразов, Язан, Воронцова, Ибрагимова, Бенирес, Минибаева, Каланчина, Исмоилова, Тастанов.

Записи выступлений нет. Я попросил ребят снова сейчас собраться и вспомнить, о чем тогда шла речь. Они собрались. Вспомнили: «О недостатках девочки тоже, конечно, мы говорили». — «О каких же?» — «О разных. Нельзя было бросать кухню, задерживать ужин. Мало ли, что с поваром поссорилась! И вообще, беспечная она, несерьезная... Что значит — на романтической поехала? Работать она поехала. Верно?» — «Пожалуй, верно. — «Но ведь это не давало оснований уничтожать человека». — «Уничтожать?» — «А вы как думаете? На той линейке у каждого от ужаса горло перехватывало. Хотелось крикнуть: «Немедленно перестаньте издеваться! Почему вы такие жестокие?!»

Своим педагогам хотелось это крикнуть. Воспитателям своим.

Собрание решило: просить не исключать девочку из отряда, дать ей недельный испытательный срок.

Назавтра вместе со всеми девочка вышла в поле. Глядит — всадники на лошади. «Ахметов велел не допускать тебя до работы». — «Но за меня группа поручилась!» — «Ничего не знаю. Собирай вещи».

Мне объясняют сегодня: «Преподавателем надо было сохранить свое лицо». Не понимаю. «Таким вот способом? А если ребята в другой раз уже не проявят инициативу, не захотят выступить в защиту товарища?» «Послушайте, — говорят мне. — А у вас вообще есть бумага, что именно этим делом приехали заниматься? Вы не самозванец, случайно?»

ИТАК, в работе девочку не допустили. Командир отделения Ахметов отослал ее в главный штаб отряда. Здесь дознанием занялись педагоги Сергей Иванович Демидов и Тимур Абдуханович Таджибаев.

Против девочки выдвинуто было, как мы помните, три обвинения. Во-первых, «злостная симулянтка». Что тут долго выяснять? Запросить поликлинику, выдавшую справку, и все станет ясно. Этого, однако, товарищи Демидов и Таджибаев не сделали. Второе обвинение — вплоть до вуза. Они и вправду заслуживали серьезного разговора. Ребята на собрании верно сказали: фыркнуть, взбрыкнуть, оставить товарищей без ужина — безобразие! Но чем могло окончиться обсуждение эпизода на кухне? Внушением девочке (а заодно и шеф-повару)? Строгим предупреждением? Пусть даже выговором? Слабо, мало. Громкого дела не получалось. Не выходило барабанного воспитательного мероприятия. И Демидов с Таджибаевым избрали третье обвинение. Самое страшное, самое ужасающее. Случай в вагоне. Ох, как можно было тут разгуляться, как засучив рукава встать на защиту девичьей чести, высокой морали!

Товарищ Таджибаев повел допрос девочки. Каков повод, лично он со своей законной женой такого бы в вагоне никогда не допустил! Девочка плакала: «Неправда, неправда. Ничего не было». Ах, неправда? Тогда, конечно, другое дело. Согласна она, чтобы врач ее освидетельствовал?

«Согласна, согласна!» Она вообще уже ничего не понимала. Она на всё была согласна.

Второй врач [illegible] тина Васильевна рассказывает: «Меня [illegible] ли в штаб и предложили освидетельствовать девочку. Я отказалась: этим занимается судебный медэксперт. Мне велели выписать к нему направление. Я понимала, что поступаю неправильно. Но ведь так далеко зашли!.. Хотелось как-угодно, но покончить с этой историей».

Девочка взяла направление, пошла в районный центр. Пошла доказывать...

Судмедэксперт Р. А. Хашимов прочел направление и глазам своим не поверил. «Ни-кто, — сказал он, — до сих пор, наверное, с ума тем посходили». Девочка попросила: «Пожалуйста, проверьте меня. А то из института исключат. Мама не переживет». «Нельзя, — сказал эксперт. — Без прокурора не имею права». «Тогда напишите, что нельзя». Нет, настаивает и прокурора. Теперь она сама, сама [illegible] чтобы освидетельствовали дочь.

У меня [illegible] все это выслушивать... Мать кипятится, говорит устало: «Осуждаете? Понимаю. Только вам, простите, легко рассуждать. Приехали и уедете. А девочка здесь жить... Единственное, в чем ее конкретно обвинили: «стала медведушкой». Остальное все туман, фата. Никаких фактов. Не с чем спорить. Значит, здесь это надо было опровергнуть. А как же? Бросить правду в лицо».

Прокурор, естественно, отказал ей. Но мать пришла опять. И опять. Она не помнит, сколько раз ходила. Ходила бы еще столько же. Прокурор [illegible] уступил, велел выписать направление.

Передо мной — акт экспертизы. Заключение: невинна. И в верхнем правом углу фотографии: испуганное детское [illegible] припухшие губы, в глазах обида и горькое недоумение.

Мы молчим. Мать говорит: «Знаю, осуждаете... Да если бы я могла, я бы этот акт на дверях института прибила! Да! Пусть все видят, как оклеветали ребенка. Другого оружия против них у меня не было».

Что мне сказать ей? Что нельзя никогда терять голову? Нельзя от жестокости дочь свою защищать жестокостью? Кому это сказать? Матери?.. Хорошо не терять голову, когда у тебя есть почва под ногами. А когда эту почву выбивают у тебя из-под ног? Как тогда?

Да и что там — мать! А я сам, журналист, пишущий эти строки, разве не испытываю сейчас мелкого удовлетворения: глядите, чиста девочка, чиста, вы, ее гонители, просчитались?! Не выкладываю ли этот заключение эксперта вам серьезный аргумент, как довод в споре? Но постойте, товарищи! Это же ужасно. А если бы заключение эксперта оказалось иным? Разве тогда кто-нибудь имел право ее унижать, преследовать, в угоду святой педагогике ворота мазать черным детям? Почему я мать, я и следуем логике этих людей, опровергаем их мотивы? Почему известия и жестокость еще умеют порой повелевать нам своим правилам игры, в отместку того чтобы во всем отвергнуть, мы ведем с ними деликатную дискуссию? О чем дискутировать-то? О том, что никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя унижать человека, растаптывать его человеческое достоинство? Это что, всерьез надо кому-нибудь доказывать?

ОДНАКО выясняется, что работников института никогда и не занимал моральный облик девочки. Мне говорят: «Что вы! Ничего подобного». Случай в поезде, оказывается, их совсем не трогал. Абсолютно! Даже задачи у них такой не было: бороться за чистоту нравов. Линейка, расправа над девочкой диктовались, как я сейчас узнаю, совершенно иными целями и причинами, гораздо более важными, серьезными.

Какими?

Пожалуйста. Район, куда выехал отряд, один из самых отстающих, совхоз — отстающий в районе. План вместе с тем очень напряженный. Чтобы справиться с ним, в совхоз прибыло восемь тысяч студентов, только из их института — полторы тысячи. Хорошо, сила немалая. Но сколько сразу же возникает сложностей, проблем!

Что всего необходимее в таких условиях? Дисциплина. Железная, суровая дисциплина. Беспрекословная. Одинаковая для всех. Это потом — дома, в городе, каждый пускай опять заживет на свой манер. А здесь, временно, один месяц — подъем, работа, отбой. Все, как один, и один, как все. Иначе каждая, знаете, захочет с парнем устроиться на полке, бросит кухню, запасется бумажкой на поликлиники... Задача: не допустить этого, пресечь. Любым, каким угодно способом. Сотрудник института, причастный к этой истории, крикнул мне: «Лес рубят — щепки летят. Не слышали никогда?»

Видите: тут не просто о ханжестве и бестактности разговор, тут разговор сложнее.

Получается: не подверглись этим педагогам пикантная история про вагонную полку — в назидание ребятам раздули бы, вероятно, что-то другое, попроще. Скажем, случай на кухне. Или тот же сердечный приступ в поле. А как же? Раз сами педагоги настаивают, что без громкого дела, без публичной проработки и устрашения они не сумели бы обеспечить порядка, выполнить работу, управлять людьми, то правильно, ничего другого не оставалось, как лес не щепки изводить. Ребята, с которыми я беседовал, в один голос вспоминают: «Как что, нам сразу же в глаза тыкали: «Хотите, чтобы с вами, как с той девочкой было?»

Нет, все-таки не в ханжеском морализаторстве самая страшная беда этого случая... Гораздо страшнее то, что педагоги, руководители действовали наперекор всем нравственным нормам, сложившимся сегодня в нашем обществе, наперекор здоровому его моральному климату и свои действия при этом оправдывали... интересами общества. Вот что опасно. Вот о чем никак нельзя промолчать.

НЕСКОЛЬКО лет назад здесь, в институте, тоже случилась история. Только участвовали в ней, к счастью, совсем другие люди.

Студенческий строительный отряд на месяц раньше срока, и восьмому августа, выполнив план, построил два дома. Ребята выложились до нитки, устали, как черти, и собрались в дорогу. Однако порядок есть порядок. Работать отряду полагалось еще весь август. Досрочно справились с заданием? Прекрасно. Теперь надо помочь соседям, они в прорыве.

В отряд явился представитель штаба преподаватель Срым Рамизанович Бумейханов.

Встретили его угрюмым молчанием. Ожидали, очевидно, приказов, окрика, нотаций... Но Бумейханов сказал: «Ребята, вот вам деньги, билеты, уважайте — слова не скажу. И обещаю: никто в институте вас не попрекнет. Но по-человечески прошу: кто может, останьтесь, помогите соседям». Тишина. Молчание. Один встает, «Я не могу. Понимаете?». Бумейханов говорит: «Конечно, понимаю. Не можешь — значит, не можешь. Я тебе верю. Спасибо за хорошую работу. Вот билет, деньги». Опять все молчат. О чем-то думают. Наконец другой поднимается: «Ладно, молодой пусть едет. Устал, наверное, с непривычки. Уедешь ты, у тебя нога болит. И ты, наверное... Ну а мы как, ребята, останемся?»

Осталось большинство. Они отлично работали еще весь месяц.

Мы сидим сейчас с членом парткома института С. Р. Букейхановым и вспоминаем ту давнюю историю. Если бы он тогда настоял, поднажал, потребовал, все двадцать пять, возможно, и остались бы. Только выиграло б в результате дело? Нет, не выиграло. Работали бы формально, скучно, без души... Но главное, самое главное: те, которые слабому поверили, слабого отпустили, за слабого поработали, они же наутро просыпались с ощущением: «Мы благородные люди!» Ох, как многого это стоит, как многого!.. «Планируется только работа, — говорит мне Букейханов. — А хамство, бесчеловечность, жестокость никем и никогда не планируются. Это самодеятельность плохих работников и очень плохих педагогов...».

НО ДОСКАЖУ историю девочки.

Помните просьбу группы — дать ей недельный испытательный срок? В тот раз мнением студентов руководители отряда пренебрегли. Теперь, узнав о «нежелательном» заключении экспертизы, педагоги решили, наоборот, прибегнуть в общественному мнению. Вот как это происходило.

Вечером, прямо с поля, пять студенток другой группы, в которую девочку только-только перевели, вызвали в штаб. Спросили: «Знаете, за что такую-то выгоняли из отряда?» Нет, толком они ничего не знали, только слухи ходят... «Она испорченная, — объяснили педагоги. — Над ней был товарищеский суд». Да ну! «Берите перо и пишите свое мнение, что она неисправимая».

Пять студенток очень мило, очень простодушно, очень охотно мне рассказывают: «Мы сели и тут же написали свое мнение. А теперь, говорят нам, соберите под заявлением как можно больше подписей».

РАПОРТ. Доводим до вашего сведения, что направленная к нам на исправление студентка (имя, фамилия) не оправдала доверия: 1) продолжала нарушать распорядок дня... 2) в своих разговорах напоминала о спиртных напитках, 3) часто в паре с мальчиками уходила с поля нашего зрения...

Странный слог? Так с непривычки же, за полчаса, под убедительным оком своих руководителей.

Рапорт этот попал в руки работника института Салибаева, которого накануне только прислали на института для укрепления руководства отряда. Он вызвал к себе девочку и сказал: «Все! Надоело! Слишком долго здесь без меня чикались с тобой. Убирайся в двадцать четыре часа».

Вечером девочка вышла пешком в районный центр. В шесть утра местные жители привели ее к матери. (К счастью, не успела еще уехать.)

Тут, однако, вмешались местные партийные и советские органы. Мать рассказывает: «Заместитель председателя исполкома кричал Салибаеву в трубку: «Вы мне головой за нее ответите! Головой!»

В тот же день за девочкой прислали из отряда машину...

КАК ОБСТОЯТ дела сегодня?

А прекрасно! Все в порядке. Из института девочку не исключили, даже взыскания ей на объявили. Правда, здоровье ее резко ухудшилось. Пришлось брать академический отпуск.

Товарищи Ахметов, Демидов, Таджибаев и Салибаев (кто он крикнул мне про лес и про щепки, которые летят) одного не могут понять: почему вдруг тех, встревожившихся, вспомнившихся «Литературную газету», пригласили разбираться делом девочки? Что, в сущности, произошло? Что случилось?.. Товарищ Таджибаев говорит, что его это сильно нервирует, а товарищ Салибаев советует дать девочке в руки метлу, лопату — «все болезни, увидите, как рукой снимет».

Взаимопонимания мы не достигли. Каждый остался при своем мнении...

Фамилии, которые я привел здесь, разумеется, подлинные. Но город и институт не называю. Ради девочки. Ей тут жить и учиться. Несмотря ни на что, жить и учиться...

Московский книжный магазин «Дружба» ИМЕЕТ В ПРОДАЖЕ
и высылает наложенным платежом
АЛЬБОМЫ ПО ИСКУССТВУ и ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, изданные в странах социализма:

Кемарнеску П. ЦУКУШИСКУ. В альбоме 66 цветных и черно-белых иллюстраций. Текст на румынском языка. Бухарест, «Мериданаа», 1974. Ц. 3 р.

Масловский М. Петр МИХАЙЛОВСКИЙ. В альбоме 12 цветных и 4 черно-белых репродукции. Текст на польском языке. Варшава, «Аркады», 1974. Ц. 1 р. 80 к.

Фелер Ж. и Пегель Г. ВЕНГЕРСКАЯ ЖИВОПИСЬ XX ВЕКА. В альбоме включено 48 цветных репродукций лучших полотен, созданных венгерскими художниками за семь десятилетий нашего века. Текст на русском языке. Будапешт, «Корвина», 1974. Ц. 10 р. 50 к.

Андрич И. ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ. Избранные произведения. Белград, «Просвета». Москва, «Художественная литература», 1974. Ц. 1 р. 80 к.

Броневский В. В МАЗОВЕЦКИХ ОТКРЫТЫХ ПРОСТОРАХ. Стихи Владислава Броневского, фотографии Хенрика Хермановича. «Аркады», 1973. Ц. 2 р. 50 к.

Адрес магазина: 103784, Москва ГСП-3, ул. Горького, 16

Ада БАСКИНА

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

ПРОСТО ПОГОВОРИТЬ

ДРУЖЕСКИЕ ВСТРЕЧИ НЕРЕДКО ПРЕВРАЩАЮТСЯ В ОБЫЧНОЕ ЗАСТОЛЬЕ — НЕ ОТТОГО ЛИ НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ НАСТОЯЩЕГО, ГЛУБОКОГО РАЗГОВОРА? ПОДЛИННУЮ РАДОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ МОГУТ ДАТЬ МАЛЕНЬКИЕ КЛУБЫ, КОТОРЫЕ СОБЕРУТ ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОДИНАКОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ, СЧИТАЕТ АВТОР.

В МОСКВЕ, на Пушкинской улице есть закусочная «Северная». Обычная точка общепита. И слева от нее, и справа — еще несколько кафе, закусочных, столовых нисколько не хуже. Тем не менее именно около вышеназванной «точки» тянется порой вереница машин с зеленым глазком — от Столешникова чуть не до самого Театра оперетты: водители такси предпочитают обедать здесь. Почему? «Так ведь там всегда своего брата, шофера, встретишь, словом перемолвишься, новости узнаешь. А то мы все в разлете, все в разных сменах. Общаться-то надо». Так сказал мне один знакомый таксист.

Общение как проблема все больше занимает умы наших современников. Ничего не поделаешь: век НТР... Мы за многое ему признательны, но все-таки именно он препятствует нашим дружеским встречам и контактам. Урбанизация: города с их огромными территориями, с их многоэтажными домами, где сосед соседа не всегда и в лицо-то знает. Миграция: тысячи новых поселенцев, не связанных ни общими детскими воспоминаниями, ни общей родней, ни общей школой. А резкий рост культуры и образованности!.. Л. Гордон и Э. Клопов в книге «Человек после работы», описывая социологический «портрет друга», замечают: большинство людей ценят в друзьях по преимуществу душевные качества — искренность, честность, отзывчивость. Но более высоко образованные в добавление к этим свойствам (отнюдь не исключая их) выбирают себе друзей еще и по их духовным достоинствам — острому уму, культурности, начитанности. Сколько препятствий у дружбы!..

Но вот что говорят социологические исследования тех же авторов. Более 60 процентов опрошенных горожан имеют общих друзей со стажем в пределе девяти лет. И это при том, что они живут чаще всего в разных концах города. Не только молодежь — незамужние девушки, неженатые юноши (для них-то это вполне естественно), но и люди семейные регулярно встречаются с друзьями и знакомыми (47 процентов), с товарищами по работе (23 процента). Нет, не гаснет интерес человека к человеку! Не исчезает потребность поговорить, обсудить, поспорить, поделиться, понять... Это не только естественная потребность, но и форма досуга.

Как же организуется этот досуг? Где встречаются эти уже не абстрактно социологические, а реальные, живые друзья, знакомые, товарищи по работе? О молодежи сейчас говорить не будем, а люди семейные чаще всего предпочитают ходить в гости и принимать гостей дома. Как проходит такой прием? Ну, конечно, с застольем. И, конечно, с огромной затратой сил на то, чтобы это застолье достойным образом сотворить, квартиру прибрать, посуду перемыть. Так что на самое-то общение — беседу по душам, о жизненно важном, не спеша — у хозяев сил и не остается. От этого неловко гостям, и беседа идет по верхам. Мельтешит хозяйка из комнаты в кухню. Отвлекает внимание мерцающий в углу телевизор. А за ним и магнитофонная музыка. Анекдоты... Несерьезный тон принят очень часто как единственно хороший. А может, поверхностность, неосновательность общения оттого, что случайны, поверхностны сами интересы, которые объединяют «друзей и знакомых»?

Тогда задача, пожалуй, посложнее — как же углубить интересы, как сделать содержательнее встречи? И, наконец, еще одна — хоть и далеко не последняя — составляющая проблемы: как вообще обрести друга?

Какие бы варианты ответов ни приходили вам сейчас в голову, вряд ли кому покажется уместным вспомнить тут о клубах. В самом деле, клуб — «общественная организация культурно-просветительного, политического, спортивного или иного характера» — пожалуй, не самое удобное место для дружеской беседы, для глубоких контактов. Другого определения современный «Словарь русского языка» не дает, потому что это полностью исчерпывает содержание клубной работы в наше время. Но откроем-ка «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля, изданный около века назад. Там мы увидим нечто другое: «Клуб (клоб)... — собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении для беседы и увеселений... Клубист — член клуба».

Почему мы почти забыли об этой форме общения людей, связанных между собой общими интересами, вкусами, склонностями? Я говорю «почти», потому что забыли об этом не везде. В Эстонской ССР, например, помнят хорошо. Чуть ли не в каждом городе — и в столице, Таллине, и в маленьком Вильянди — есть по нескольку клубов именно в том понимании слова, которое донес до нас Даль. Вот я и хочу рассказать о клубах одного города, не большого и не малого, а среднего города — Тарту.

НА МЯГКИХ диванах и в креслах лицом друг к другу сидят люди. Перед каждым — чашечка кофе. Ровно в семь вечера поднимается председатель и объявляет: заседание клуба ученых «Бит» открыто.

Начинается «информационный круг». Первый, кто сидит в этом произвольном круге слева от председателя, рассказывает, что интересного он узнал за прошедший месяц. Прочел ли редкую книгу, побывал ли в путешествии, на экскурсии, познакомился ли со статьей о новой научной гипотезе, А может быть, что-нибудь значительное произошло в его лаборатории (тут ведь много научных сотрудников из разных НИИ и учебных заведений)?

Эта маленькая информация каждого «клубиста», всего на несколько минут, — лишь небольшая пристрелка к предстоящему разговору. Сам разговор начнется с рассказа основного выступающего, тема которого и есть тема встречи.

В тот вечер, когда я была удостоена чести побывать на заседании клуба «Бит» (я это вовсе не просто, если ты не официальный его член), выступал профессор Тартуского университета и рассказывал о некоторых новых концепциях историков. Выступление профессора мало походило на лекцию: это была скорее доверительная беседа с друзьями. Что-то неясно еще ему самому. Что-то он предлагает принять как гипотезу. Он говорит тихо, неспешно, покуривает, отпивает кофе. И так же неспешно, тихими голосами члены «Бита» задают вопросы, обсуждают услышанное. Кто-то вспоминает, как он был недавно в одном греческом музее и там нашел подтверждение высказанной концепции. Кто-то возражает: у него другие источники информации. Все это не совсем экспромт: ведь тема заседания известна заранее, к ней можно успеть подготовиться...

Разговор развивается. Беседа перекидывается на этнографию, на проблемы современной демографии. Никто никого не регламентирует. Наступают паузы, их никто не боится, никто на спрашивает: «Кто следующий?» Никто не говорит: «Товарищи, минуточку, мы отвлеклись от темы». Отвлеклись — значит, так и надо, значит, таков естественный ход дружеской беседы.

Стиль этот сохраняется на каждом заседании. Темы их, разумеется, разные: «Философия, биология и человек», «Проблемы современной эстетики», «Что такое научный образ мышления?», «Оптимизм и пессимизм», «Резервы умственного труда». Каждый рабочий год (после летних каникул) начинается с беседы «Главные задачи идеологической работы в нынешнем году», ее проводят представители городского или республиканского комитета партии. Между прочим, сам «Бит» насчитывает десять лет назад как клуб комсомольских активистов. Его первым председателем был секретарь комитета комсомола Института физики и астрономии Ааре Пурга. Теперь он министр высшего и среднего специального образования Эстонии. А комсомольским вожаком университетской молодежи в то время была Сиина Леник, ныне преподаватель кафедры истории партии Тартуского университета и до нынешнего года президент клуба. Сейчас «Бит» возглавляет их третий товарищ по клубу — Велло Малкен, старший преподаватель Эстонской сельскохозяйственной академии, а в ту пору комсорг совхоза, где он работал агрономом.

— Какие задачи ставит перед собой клуб? — повторяет мой вопрос Велло Малкен. — Первое — получить как можно больше научной информации, ведь «бит» — единица информации. Второе — глубже разобраться в тех проблемах, о которых мы имеем поверхностные суждения, например в области социологии, психологии, эстетики, педагогики.

— А главное, — подхватывает Сиина Леник, — сделать так, чтобы не застоялись мозги, давать им постоянную интеллектуальную тренировку. Мы любим повторять слова Эпикюра: человеческое общение — самая большая роскошь. Но ведь роскошь не всякое общение, а только такое, когда чувствуешь — тебя хорошо понимают. Вот и мы, встречаясь тут раз в месяц, очалиниваясь в спорах, участвуя в беседах, лучше учимся тем самым понимать друг друга. Обычно мы засиживаемся далеко за полночь. Кстати, мы никогда не объявляем день встречи, все его и так хорошо помнят: каждый второй вторник месяца. Созваниваемся только, если решили провести заседание где-нибудь за городом. Тогда в перерывах между разговорами мы плаваем, играем в мяч или бадминтон...

ЕСЛИ вы живете в Тарту и решили стать «клубистом», вам непременно найдете себе «собрание, постоянное общество», которое будет соответствовать вашим устремлениям. Это будет клуб «Мастер» или «Новатор», клубы молодоженов или ветеранов спорта... Может быть клуб по профессии — биологов, учителей, а может — по любительским увлечениям: для автомобилистов — «Автом», для кинолюбителей — «Астра».

Самое солидное, хорошо организованное, с многими традициями «собрание» в городе «Сигма» — клуб инженеров (недавно он переименован в Дом инженера). С первого дня основания руководит клубом Велло Тедер, главный инженер Тартуского опытного автотреморемонтного завода. Здесь регулярно работают 8 секций — от «экономики и планирования» до «отдыха и спорта». Многие заседания клуба идут прямо на предприятиях — там лучше увидишь те технические новшества, которые интересуют членов «Сигмы». Кстати, как в любой хорошо налаженной организации, здесь проанализирован и точно подсчитан профессиональный состав «клубистов»: инженеров-механиков и электриков — сорок процентов, физиков, химиков — десять, экономистов — шесть, научных работников — двенадцать, строителей пять.

А самые юные «клубисты» города — школьники старших классов, их клуб называется «Сириус». Тут всегда ярко, празднично, всегда гремит веселая музыка, мелькают маски, красочные костюмы — в воздухе пахнет карнавалом. Здесь много танцуют, особенно когда приходят в гости ребята из университета. Много поют, то и дело конкурс — кто больше знает песен, кто лучше их исполняет, много шутят, играют (ведь самому старшему члену клуба — 17 лет).

Самая веселая игра — ритуал посвящения. Претенденты в члены совета клуба отбираются из наиболее активных ребят, хороших организаторов. Их вывозят на автобусах в Тыренере, под Тарту, где есть обсерватория и через телескоп можно увидеть самую яркую в зимнем небе звезду — Сириус. Там они дают забавную клятву. Но за весельем, шутками, смехом опять-таки напряженный интерес к общению. Это особенно заметно, когда идет спор вокруг популярного поэта, или обсуждаются события международной жизни, или устраиваются встречи с молодыми художниками...

Формы работы клубов разные, смысл — один: люди хотят превратить общение в содержательный вид досуга. Хотят глубоких, устойчивых контактов. Ждут от этих контактов обогащения — духовного и эмоционального. Ждут не только встреч со старыми друзьями, но и приобретения друзей новых. Очень жаль, что такие клубы — явление довольно редкое.

МНЕ, КОНЕЧНО, могут возразить: у нас же создаются десятками клубы — молодежи, женщин, молодых семей. Но чаще всего они вскоре превращаются в обыкновенные лектории. Приходит писатель, или знаменитый футболист, или ученый. Выступает со сцены, его слушают из зала. Потом — фильм или концерт. В зале сидят малознакомые люди. Заседание закрывается — они так и расходятся, не узнав друг друга больше ни на йоту.

Говорят: клуб трудно организовать, нет помещения. Но ведь в Тарту, городе, где чрезвычайно остро стоит жилищная проблема, находят же для этого возможности. Клуб «Бит» арендует комнату в Доме писателей, «Сириус» — зал в Доме культуры профсоюзов. Клуб молодоженов — во Дворце культуры молодежи...

В нашей стране 134 тысячи клубов, домов и дворцов культуры. Все они ведут чрезвычайно важную массовую, спортивную и политико-просветительную деятельность. Но, я думаю, этой деятельности нисколько не помешало бы, если бы раз в месяц тут собирались «клубисты» — просто поговорить, поспорить, обменяться мнениями. Может быть, тогда и на Пушкинской улице, у закусочной, поредеет вереница зеленых огоньков: таксисты будут встречаться не только в своем большом клубе, похожем на все другие — с залом, мероприятиями, лекциями, а более интимном. И будут сидеть не рядами в сторону сцены, а лицом к лицу, как сидят собеседники, друзья. Общение с друзьями обретет ценность само по себе — как прекрасная, содержательная и социально значимая форма досуга.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПЬЯНИЦЫ В БОЛЬНИЧНЫХ ПИЖАМАХ

Черед ранние сумерки времени об землю хлопались бутылки. Мой сосед по палате удовлетворенно нарушение в привычной высоте тона и пробормотал, не отрываясь от фантастического романа: «Опять, черти, пили одеколон...»

Шел обычный вечер в «Захарьине», московской туберкулезной больнице № 3: домино, телевизор, беседы в курилке (на ступенях «черного хода»), ожидание в бесконечной очереди у телефона-автомата. Выпившие больные тоже включались в круговорот: иные вели себя тихо, другие, напротив, затевали ссоры с руганью и рукоприкладством. Раскаяние наступало утром, когда происходили очередные выписки. Домой? Иногда за бывшими пациентами приезжали милицейские машины с зарешеченной дверцей, мотоцикл с коляской...

Третья «туббольница» находится в Химкинском районе, в селе Куркино. Когда тысяча с лишним ее обитателей выходит прогуляться в парк, то можно и не заметить, что кое-кто не обращает внимания на надпись «Выход больным за территорию категорически запрещен». Среди пренебрегающих запретной надписью немало тех, кто отправился за спиртным.

Где купить спиртное? Словно в насмешку над здравым смыслом и вопреки известному постановлению, запрещающему продажу спиртного возле школ и больниц, до ближайшей распивочной — триста метров. «Точка» с размахом: мебель, стекло — не чета избушкам, вместившим куркинский клуб, амбулаторию. Приветливая продавщица, добровольно ставшая и официанткой, шустро наливает под стойкой. Искать третьего, клянчить стакан не нужно — плати лишь рубль двадцать.

Зато тех, кто берет целительное молоко, здесь называют в глаза «молочными душами» и всласть глумятся над ними, скромно приносящими в обмен посуду.

ТУБЕРКУЛЕЗ легких — болезнь нешуточная.

Да, прошли те времена, когда чахотка косила в расцвете лет едва ли не каждого третьего, как об этом докладывал коллегам в 1882 году Роберт Кох. Но и сейчас в промышленно развитых странах смертность от ТВЦ стоит не третьем месте, уступая лишь печальной статистике сердечно-сосудистых и раковых заболеваний. И еще — после нескольких десятилетий блестящих побед над «палочкой» Коха, вследствие постоянного применения антибиотиков, бациллы отчасти «приспособились» к ним, научились сопротивляться: ситуация стабилизировалась, враг перестал отступать и окопался в обороне. Поэтому для борьбы с туберкулезом повсеместно предпринимаются огромные усилия.

У нас врачам разрешено держать людей не больничном листе чуть не по году, да с полной выплатой заработка, многомесячное пребывание больных туберкулезом в санаториях бесплатное...

Алкоголь на больничной койке — серьезный противник любого лечащего врача. Но особую опасность он создает при ТВЦ: организм (и прежде всего печень) с большим напряжением переносит массированное наступление на бактерии и предельные дозы лекарств. Наносить при этом мощные «удары» по печени алкоголем — это самоубийство, членовредительство...

Как это обычно начинается?

Узнав о своей болезни, человек переживает психологический шок. Ему, пребывающему в распространенной убежденности, что с чахоткой — этим наследием прошлого — покончено навсегда, нелегко бывает услышать вдруг, что впереди — месяцы заточения в палате, возможно, опасная операция, новые рецидивы, что его будут сторониться, что он потенциально опасен для окружающих... А ведь болезнь ждет и юных, незрелых. И когда новый, растерянный пациент переступает порог больницы с ее устойчивой атмосферой карболки и горестей, он легко становится жертвой бывалых пьяниц, лечащихся лет по десять — пятнадцать. Начинается классическая «обработка»:

— Ну, что пригорюнился? Сейчас от чахотки не умирают. Хотя и не выздоравливают: вишь, сколько я слоняюсь по койкам. Надо только знать, что и чему. Главное: выбрось лекарства! От них только хуже будет!..

Наслушавшись бесов, пациент получает пригоршню резвых лекарств (иногда импортных, новых, дорогих) и отправляет их в унитаз, в умывальник, в окно. Совершив этот установленный обряд, он чувствует себя приобщившимся к местным порядкам и не таким одиноким. При уборке территории в «Захарьине» метлы собирают килограммы препаратов, о которых веками мечтало человечество, без которых умерли Шопен и Чехов. Затем «паршивая овца» вовлекает поникшего сотоварища в круг пьянства. Это происходит в первые месяцы — в самый ответственный для больного момент, когда при грубом насилии над режимом так легко на всю жизнь остаться хроником.

Пьяница поучает: «Зиму я провожу в больнице. Тепло, телевизор, картишки, кормят. По весне — в санаторий. Работа? Не волк... Чуть потрублю — беру бюллетень снова. Жену приучил, без пузырька ко мне не приезжает...»

Бедные захарьинские врачи! Как им выписать больного при злостном нарушении порядка, при пьянстве? Как решиться? Ведь он — разносчик инфекции! Едва сполоснутая кружка с пивом ларька, общий стакан «на троих» в подворотне, глоток газированной воды или кваса в жаркий день — сколько бацилл повадает при этом в чужой, здоровый организм!

Вот что рассказывает А. Ермаков, заведующий отделением в захарьинской больнице:

«Некто Веников поступал к нам пять раз, и каждый раз мы его выписывали за пьянство. Появился он в шестой раз с подозрениями на пневмонию. Умереть недолго, мы и взяли, а у него — белая горячка. К вечеру самовольно сбежал. Снова звонок из диспансера: «Возьмете Веников?» — «А он усидит?» Больше не присылали. Куда дели? Да, наверное, в другой больнице, куда же еще его деть».

«Лет восемь назад решили мы лечить пьяниц своими силами. Выделили небольшой корпус, пригласили психиатра, он нас подготовил. Кто желающий? Принудительно лечить ведь не имеем права! Есть первый охотник. Мы ему сначала спиртное, затем — лекарство, чтобы выработать тошнотный рефлекс на алкоголь. Работа такая, что пить больше не захочешь. Больной исправно поглощает и то, и другое. — и хоть бы что. Начинается с нашей помощью! Горелся эксперимент. А только когда этого больного выписывали, он похвастался: «Я лекарство-то не проглатывал, за щеку, а в туалете выплевывал». На том наша антиалкогольная затея и кончилась...»

«За прошедший год через наше отделение в 85 коек прошло 207 больных, в том числе 87 первичных и 220 хронических. За грубые нарушения мы выписали 83 человека. Направ отказались лечиться от алкоголизма 38 человек. Процент можете подсчитать сами».

«Запись в больничном листе о нарушениях режима не помогает бороться с пьянством. На работе, как правило, жалеют семью: за что, дескать, дети должны страдать? Иной раз местком вообще игнорирует нашу запись, иной раз вычтут за день, а колесо все вертится...»

Можно сказать и так: не от хорошей жизни пьют — очень тоскливо и скверно проводить месяцы, годы в больнице. Разбиваются семьи, рвутся привычные связи, гнетет вынужденное безделье. И вот кое-кто на алкоголе ищет и находит простое средство забыть обо всем. Но понять — не значит простить, что-то надо делать с «пьяницами в пижамах». А что? Лечить отдельно, подвергая принудительной больничной изоляции? Перестать оплачивать сто процентов по больничному листу, поставив эту цифру в зависимость от «хорошего поведения»? Придумать что-то другое?..

В заключение — выписка из письма Гриши Г., моего одноталатника. После операции его послали в Крым, в санаторий имени Семашко в Симеизе:

«Вино в Крыму льется рекой. Все для отдыхающих! В тридцати метрах от нашего забора — шашлычная. В санатории «Красный маяк» вино продается в розлив, от нас это рядом, палатка напротив — только перейти дорогу. У самого забора есть еще и продмаг с отделом «Вино — пиво — соки». Правда, пьют у нас не в стельку и выписывают за пьянку мало (по сравнению с «Захарьином». — Авт.). За последние два недели из нашего корпуса отправили домой только двоих, а вообще при мне — с десяток...»

П. ХРИСТИН

***

P. S. П. Христин — это мой псевдоним: в честь моей маленькой дочери — Христины. Сообщаю — только для сведения редакции! — мою настоящую фамилию. Вы можете выяснить обо мне в «Захарьине»: я там долго лечился и написал обо всем, как свидетель. Думаю, что редакция поймет, почему я подписываюсь псевдонимом. И не осудит...

ПЕРЕСМЕШНИК

КАК УБЕРЕЧЬСЯ ОТ...

(СОВЕТЫ ВРАЧА)

Всем известно, что... Каждый на себе испытал. Но, к сожалению, не все еще выполняют.

Что не полезно — то вредно.

Бывает так. Однако бывает и так. Все можно, но при этом не следует забывать, чего нельзя. А так как всего не упомнить, перечислять не станем. Ограничимся основной рекомендацией: кому показано — тому не противопоказано. Это очень важно для правильного питания.

Не лучше посоветоваться с врачом.

Соблюдайте. На еду, если даже очень хочется. Хотя некоторых иногда подташнивает. Все зависит от аппетита и часто. Лучше реже, чем чаще. Лучше меньше, чем больше. Лучше раньше, чем позже.

Предохраняйте стоит посоветоваться с врачом.

У некоторых возникают сомнения. Сомнения — продукт деятельности коры головного мозга. Чем больше извилин, тем больше сомнений. И наоборот. С этим медицина тоже привыкла считаться. Особенно в амбулаторных условиях.

Важную роль играют симптомы. Без симптомов человеку легче. Но врачу труднее. Рассчитывать на самолечение, а также на родственников, соседей и гомеопатов не имеет смысла. Статистика утверждает, что... Впрочем, доверять ей надо с осторожностью. Были случаи...

Лучше посоветоваться с врачом.

Не нарушайте. Воздерживайтесь. Не перегревайтесь. Не переохлаждайтесь. Бойтесь. Помните. Проветривайте. Принимайте своевременно. Имейте в виду. Не увлекайтесь. Не употребляйте. Не допускайте. Берегите — это залог здоровья...

Медицинская наука ничего не навязывает, не потом может быть уже поздно.

Микроб не дремлет. Антибиотики тоже. Кортикоиды — и подавно...

Надейтесь, но семи не плошайте. Чему быть — того не миновать!

Чего уж там!..

Будьте здоровы!

Не лучше посоветоваться с врачом.

Главный медик «Клуба ДСо»
Леонид НАУМОВ

ЗАКАТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В последнее время «Литературная газета» неоднократно обращалась к проблемам «общества потребления». Публикацией статьи Г. Герасимова мы продолжаем разговор о социальных конфликтах буржуазного общества. В жизни небольшого американского городка Санкт-Петербург, как в капле воды, отражаются некоторые мрачные стороны американской действительности: неравенство, всеобщее равнодушие, жестокое отношение к старикам...

АМЕРИКАНСКИЙ Санкт-Петербург привольно раскинулся на островах и полуострове Пинеллас. Ландшафт здесь примерно такой же, как у дореволюционного русского глэзки. Жизнь городу дала железнодорожная ветка, проведенная в 1888 году русским инженером и промышленником Петром Алексеевичем Дементьевым, который попал на чужбину из-за своих антимонархических взглядов. Поселку, выникшему при станции, дали название в честь родного города Дементьева.

Теперь железнодорожная ветка дышит на ладан. Зато автострада, пересекающая залив, открыла город автотуристам, которых бывает миллиона два в год. Можно прилетать и самолетом. Кстати, местные жители гордятся тем, что именно их город открыл первую в мире регулярную пассажирскую авиалинию — это произошло 1 января 1914 года. Расстояние в 30 километров до Тампы тогдашние аэропланы покрывали за 23 минуты.

Называют Санкт-Петербург еще и «городом солнца». У местных газет «Таймс» и «Иввинг индепендент» существует правило: не брать денег за номера, выходящие в день, следующий за пасмурным. В такой день газеты действительно бесплатно раздают всем желающим. Но дней пасмурных бывает не больше трех в году, так что убыток вполне покрывается рекламой здешнего климата.

Здесь много достопримечательностей: тропические сады с ручными попугаями; дельфинарий — конечно, «самый большой в мире»; музей восковых фигур — филиал лондонского заведения мадам Тюссо; колесный пароход «Том Сойер» — копия посудины, ходившей по Миссисипи в начале века; исторический музей, открывающийся некрологом из «Нью-Йорк таймс» памяти Петра Дементьева, скончавшегося в 1919 году... Но отдыхающие предпочитают проводить время на пляжах, стремясь увезти побольше загара в сумрачные северные штаты.

Что касается местных жителей, то их сто тысяч, причем более трети — люди старше 65 лет. Журнал «Роулинг стоун» даже назвал как-то Санкт-Петербург «отставной столицей мира».

Морщинистое лицо города с особой остротой ставит перед муниципалитетом извечную американскую проблему социального неравенства и жестокого отношения к старикам.

Для скромного достатка в старости, по американским стандартам, рекомендуется иметь в банке не менее 100 тысяч долларов и жить на проценты с них. Подавляющее большинство из 20 миллионов американцев старше 65 лет таких накоплений не имеет.

Пенсионеров, переселившихся в Санкт-Петербург, уже сам факт переезда выделяет в категорию «относительно благополучных». Все-таки нашлись средства сняться с насиженного места. По прибытии один покупают домик и доживают век в тихом одиночестве, другие снимают комнатку в приюте для престарелых.

— Я просто не могу, — жалуется репортер Тимоти Фэллс, — смотреть на эти сгорбленные фигуры.

В городе встречается много, слишком много людей с отсутствующим взором, не замечающих ничего вокруг, думающих о чем-то своем; людей, заполняющих скамейки в парках, на весь день занимающих кресла в вестибюлях отелей. Возможно, они всю жизнь работали и так и не научились отдыхать. Возможно, они окончательно выбились из сил. Наконец, возможно, им просто негде взять 8 долларов, чтобы сделать ежегодный взнос в Центр для престарелых.

Дети в Америке живут отдельно от стариков-родителей и зачастую им не помогают. Многие старики попадают в богадельни и дома для престарелых. Год назад местная «Таймс» опубликовала серию статей о плачевном положении в домах для престарелых, после чего многие штаты ввели систему разовых проверок без предупреждений. Но и инспекторы не помогли. Без какой выход сделала недавно сотрудница газеты Джейн Доберти: «Пересажи к лучшему нет. Престарелых продолжают жить в грязи, среди тараканов и крыс, без должного ухода по причине недостаточности обслуживающем персонале».

Никакой сенсации. Просто в Санкт-Петербурге, как в капле воды, отразилось общее положение с домами для престарелых по всей стране. Специальная подкомиссия сената недавно предала гласности скандальный факт: половина всех домов для престарелых не отвечает предъявляемым требованиям.

Причина заключается в том, что эти дома «работают» не ради прибыли, что вступает в противоречие с финансовым состоянием большинства пенсионеров. Подход виден уже в самом термине: «индустрия богаделен». Миллионеры доживают свой век на виллах, в личных поместьях и в богадельнях не нуждаются. То же, кто откладывал на черный день из трудовых заработков, составляют, с точки зрения бизнеса, «неадекватный рынок».

Недавно закрылся еще один из таких домов. Его хозяин Брэдли Диксток объяснил, что он закрыли, потому что он не приносил прибыли.

Сбережения, накопленные с таким трудом на протяжении всей жизни, теперь съедает инфляция. И старикам страшит перспектива — вдруг сбережения кончатся раньше, чем жизнь?

— Я живу здесь с 1947 года, — рассказывает Рассел Миллер. — Тогда можно было перебиться не несколько долларов в неделю. Теперь же никто нигде не проживет на одну лишь пенсию по социальному обеспечению. Мне же так хочется обрести под конец жизни спокойствие, жить и не думать, где поесть в следующий раз, куда деться на ночь...

— Я плачу за комнату 85 долларов в неделю, — рассказывает 73-летняя Глэдис Бекки. — На еду у меня остается 2 доллара в день. Поэтому я питаюсь всего раз в день. Но меня волнует другое: день ото дня прогрессирует глухота. Не что же мне купить слуховой аппарат? Деньги мои тают. Скоро я окажусь на улице. Придется пойти в парк с оловянной кружкой в руке...

Есть в Санкт-Петербурге и русские... Престарелые эмигранты. Собираясь их тут тысячи полторы. Одни из них объяснил, по каким причинам возникли тут русские поселения. Две выселки.

— Во-первых, [redacted] — здешнее [redacted] прогревает ст[redacted]. Во-вторых, жизнь [redacted] ки немного дешевле, [redacted] на Севере. В-третьих, здесь много русских. Лично меня привлекло и русское название города...

Живут эмигранты недружно, постоянно в спорах и сварах по проблемам давно минувших дней. (Не желая вносить в санкт-петербургское общество дополнительный разлад, я дальше буду пользоваться инициалами.)

— У нас тут 25 партий, — говорит И. В., покинувший Киев еще мальчишкой в семнадцатом году. — Но я ни в какой партии не состою. Хочу дожить жизнь спокойно. Выписываю только журнал «Здоровье». Тут ведь если случится болезнь, то крышка для тех, кто не застрахован...

Эмигранты группируются вокруг двух соперничающих церквей, участвуют в хорах — все-таки предлог увидеться. Недавно собрались в Русско-американском клубе отметить юбилей А. С. Пушкина.

— Милостивые государыни, — начал докладчик А. Н.,—Пушкин родился в царствование императора Павла I...

Потом читали стихи Пушкина, заводили через дребезжащий динамик пластинки: арии Ленского, арии Руслана, арии Лизы. В завершение клуб любезно предложил по чашке чая с пирожками.

Публике в зале была самая разномастная. У большинства единственно общим-то и остался лишь русский язык.

По-разному складывалась жизнь этих людей, оказавшихся далеко от родины, во Флориде ком Санкт-Петербурга. Кое-кто преуспел и доживает свой век в достатке. Большинство мается. Этим последним принадлежат объявления в русской газете «Старик ищет приюте и добрых людей», «Пожилая пара хочет поселиться в квартире в русской семье, чтобы не идти в дом для престарелых».

Всех их объединяет тоска по родине.

Новый М. Д. открыл магазинчик: две полки советских книг, пластинки Людмилы Зыкиной, бутылки водки «Столичная», рыбные консервы «Сайра в томате». Знает о магазинчике даже в далеком Санкт-Петербурге, просит знакомых привезти с собой «что-нибудь русское».

К. И. исполнилось 75 лет. По случаю дня рождения собрались гости. Пили по-американски—отдельно от закуски, не утешенье хозяйка гостила, заглянув в дореволюционную кулинарную книгу. После трапезы пели — и не только «Вечерний звон», но и «Подмосковные вечера».

Да, действительно грустно...

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (штат Флорида)

ЗАКЛИНАТЕЛИ ДЬЯВОЛА

Д. УМАНСКИЙ

В КАНУН тридцатилетия разгрома гитлеровского фашизма реакционные элементы на Западе, в частности в ФРГ, развили кипучую деятельность. Им представляется, что тридцать лет — срок достаточный, чтобы «реабилитировать» нацизм.

Не так давно в Западной Германии, например, появился картографический альбом «Черкасский котел». Его составители взялись за явно неблагодарное дело: попытаться, так сказать, перелицевать в победу поражение, постигшее крупную группировку вермахта в конце 1943 года. Картам предпосланы напутствия двух генералов — Гилле и Либа.

«Пройдет еще много времени, — пишет Либ, — прежде чем немцам удастся достойно, по заслугам оценить дела солдат Германии во второй мировой войне». По мнению генерала Либа, «подобная задача под силу разве лишь новому Шекспиру. Вот кто смог бы воспеть мужество и преданность солдата!»

ЧЕРНАЯ «ГВАРДИЯ»

За неимением Шекспира воспеванием вермахта занимаются фальсификаторы прошлого. В их книгах и статьях преступные дела нацистской военщины изображаются подвигами рыцарей без страха и упрека.

Таков, к примеру, вышедший двумя изданиями труд П. Штрасснера «Танковая дивизия СС «Викинг» — восторженный панегирик эсэсовцам, вторгшимся на советскую землю и действовавшим в районе Северного Кавказа. Правда, в заключительных главах восторги отсутствуют: под сокрушительными ударами Советской Армии потрепанные нацистские «викинги» откатились на Запад.

Весьма одобрительно также отзывается о действиях дивизии «Викинг» автор книги «Кавказ и нефть» В. Тике. Он расхваливает ее «участие в походе за кавказской нефтью для рейха». Она создала, пишет Тике, трамплин для прыжка в Азию. Войска эсэсовцев «завоевали славу новой гвардии», утверждает известный западногерманский историк В. Гёрлиц. Что же касается приговора Международного военного трибунала, признавшего черную «гвардию» Гитлера преступной организацией, то это, по его мнению, было не более чем жестоким упрощенчеством.

Очевидно, таким же «упрощенчеством» считает оценку преступных действий полицейской танковой дивизии СС Хуземан, сочинивший двухтомный опус «Те, кто верил». «Мы, — заявляет Хуземан, — принадлежали к великой германской армии... выполняли свой долг перед отечеством» (участвуя, к примеру, в блокаде Ленинграда).

Панегирики в адрес эсэсовской «гвардии» призваны, как подчеркивает орган союза ветеранов СС «Дер Фрайвиллиге» («Доброволец»), «разоблачить искажение истинной картины». Вот и происходит «разоблачение»: и в уже упомянутых нами книгах, и в трехтомнике «Дивизия «Дас Райх», в «Истории войск СС», в книгах «Дивизии СС в сводках верховного командования вермахта» и «Дивизия СС «Гец фон Берлихинген», и в ряде других реваншистских публикаций.

Реакционные круги в ФРГ стараются пересмотреть причины поражения нацизма, выгородить милитаристскую касту.

Задача не из легких. Ведь за последние несколько лет необратимость политического развития послевоенной Европы стала очевидной для широких слоев населения. Автор книги «Генералы и Гитлер» К. Зиверт жалуется: «Былые успехи германской армии не находят у людей должного признания (!), а имена ведущих военачальников прошлого не вызывают более восторженных чувств». И вот сконструирована целая система «доводов» и «доказательств», чтобы оправдать генералитет «третьего рейха». Эта «разъяснительная аргументация» соткана из противоречий, фальсификаций и намеренных умолчаний.

ГИТЛЕР И ГЕНЕРАЛЫ

Как утверждает К. Зиверт, «генералов-нацистов можно было пересчитать по пальцам». «Генералы не были во власти аморальных идей Гитлера» и, следовательно, не несут ответственности за вторжение в чужие страны, их оккупацию и порабощение.

Строго говоря, не так уж важно, стоял ли тот или иной генерал ближе к нацизму или дальше от него. Важно другое, то, что никаких принципиальных разногласий между нацистской верхушкой и германским генералитетом не было.

А между тем, по словам военно-теоретического журнала «Веркунде». «у большей части генералитета не было никаких агрессивных замыслов». Более того: Г. Грейнер, автор книги «Верховное командование вермахта», уверяет, будто решение о разработке плана «Барбаросса» вызвало смятение в офицерском корпусе. Словом, вторжение в нашу страну показалось приближенным фюрера чуть ли не громом среди ясного неба.

На этом настаивает, к примеру, Р. Йордан в своих воспоминаниях «Перемитое и выстраданное». Путь гауляйтера от Мюнхена до Москвы» (в Москве он оказался не по своей воле, а в качестве военного преступника). И он, и которому Гитлер «относился с отеческим вниманием», якобы тоже ничего не знал о предстоящем вторжении в Советский Союз.

По Йордану выходит, что вся беда была в «...дезинформаторах из абвера, который возглавлялся адмиралом Канарисом, противником Гитлера». Повинен, настаивает он, и бывший военно-воздушный атташе в Москве генерал Ашенбреннер, которого в Берлине считали таким знатоком СССР, что даже прозвали его «большевиком». «И этот «большевик», — возмущается Йордан, — в доверительной беседе со мной утверждал, будто Красная Армия подготовлена ниже среднего, что знания советского генерала соответствуют примерно уровню немецкого лейтенанта, что военный потенциал СССР незначителен». Словом, заявляет нацистский гауляйтер, военные, в особенности их высокопоставленные специалисты - информаторы, заверившие, что оборону Советского Союза можно было якобы сокрушить за три-четыре месяца, — вот на кого падает львиная доля вины за понесенное рейхом поражение.

Но и защитники генералитета тут как тут. «Генералы предельно выполнили свой солдатский долг», — категорически заявляет, например, К. Зиверт в своей уже цитированной книге.

Под подобным утверждением охотно подписываются все те, кто и поныне не перестает твердить: вермахт вторгся в СССР, так сказать, «по необходимости», чтобы упредить якобы ожидавшееся советское нападение на Германию.

Правда, эта выдумка все чаще разоблачается в научных трудах тех западногерманских авторов, которые считаются с историческими фактами. Но если версия о «вынужденном» характере нападения на Советский Союз отпадает, не утрачивают ли вермахт и его генералитет свое, так сказать, благопристойное реноме?

Поэтому в запасе имеется еще и такое «разъяснение»: генералы стояли перед неразрешимой задачей — вести войну, к которой не стремились и которой не хотели, короче говоря, если и действовали, то наперекор своей воле, прямо-таки из-под палки. Ведь, по словам Э. Бухрукера, автора книги «Честь солдата», «...германский офицерский корпус никогда не был милитаристски настроен». Поистине, читаешь и глазам своим не веришь!

Для более взыскательных читателей фальсификаторами заготовлен и такой довод: война была продиктована необходимостью расширить «жизненное пространство». А раз так, то генералитет, вермахт, ну и заодно, разумеется, и сам фюрер действовали в «национальных интересах».

Генерал фон Штюльпнагель писал в 1944 году, в канун разгрома Германии:

«Поражение — хороший урок, который, конечно, надо учесть, чтобы нанести более сильный удар. И все-таки наше поражение — лишь злополучная случайность на победоносном пути Германии к мировому могуществу. Через 25 лет мы сможем начать снова, в обстановке более благоприятной, чем в 1939 году».

Так планировал не только фон Штюльпнагель, но, очевидно, и кое-кто из числа наиболее приближенных к Гитлеру лиц.

Сегодня за имперские традиции пытается цепляться тени прошлого.

Когда недавно в ФРГ сменился Г. Зюндерман, неонацистский журнал «Национ Зуропа» помянул его как своего лучшего друга. Еще бы! Бывший заместитель пресс-шефа гитлеровского рейха, он и в послевоенные годы развил бурную деятельность — организовал издательство по выпуску милитаристской, реваншистской литературы, выступал с соответствующими речами, писал книги, которые порадовали бы и самого Геббельса.

Наиболее красноречиво Зюндерман изложил свои взгляды в «Завещании», приложенном к его книге «Немецкие записки». Он призывает своих соотечественников бороться за восстановление рейха в границах 1938 года. И это его программа минимум.

Открытое восхваление прошлого, в частности в милитаристской публицистике, о которой мы вели речь, прославление вермахта, «новой гвардии», генералитета и сетование на провал агрессии — все это звенья в пропагандистской кампании, призванной внушить жителям ФРГ, что нацизм не только не совершал преступлений, но выражал «дух нации», как его ныне выражают реваншисты.

Южно-Африканская Республика. Коренные жители этой страны — 75 процентов населения — низведены до положения рабов. По законам ЮАР каждый африканец может быть при малейшем подозрении брошен за решетку. Около тысячи человек попадают ежедневно в форстеровские застенки. В этом году правительство ЮАР намеревается увеличить расходы на аппарат подавления, проходящие по статье «оборона», на 50 процентов и довести их до 774 миллионов долларов.

На снимке сверху: один из концентрационных лагерей, созданных расистами на территории Намибии, незаконно оккупированной ЮАР. В нем под охраной полицейских содержится более 20 000 человек, среди них — дети. Снимок внизу: за решеткой южно-африканского ветто проходит детство этих ребят.

Фото из журнала «Штерн» (ФРГ)

ПУСТАЯ ЗАТЕЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 8-Я СТР.

Штраус испытывает органическую ненависть к политике сближения, политике разрядки напряженности. «Во время своего визита в Китай, — пишет та же «Фурхе»,— Штраус получил возможность продемонстрировать свою крайне непреклонную позицию в отношении политики разрядки». Он говорил на том же языке, что и пекинские лидеры. Вот почему, пишет «Нойе Рейн-цайтунг», «Штраус приобрел в Китае значительный авторитет как один из наиболее видных противников западноевропейской политики разрядки. С точки зрения Пекина, он, таким образом, является союзником».

Общая платформа

Маоисты готовы, как образно заметила газета «Орор», «вступить в союз хоть с самим дьяволом». «Ведь в борьбе против Советского Союза и против настоятельных призывов к разрядке, — замечает «Рур-нахрихтен», — для Пекина явно хороши все средства и все партнеры». «Руководство Китая объединяется с самыми реакционными элементами мира», — подчеркивает финская газета «Кансан текто».

Наблюдатели обратили внимание, что незадолго до визита Штрауса выходящий в Западной Германии неонацистский листок «Национальцайтунг» поместил на своих страницах портрет Мао Цзэдуна и выписанные иероглифами антисоветские лозунги, а также призывы издателя листка к своим неонацистским единоверцам — упрочить «тесные и дружественные связи» с маоистами, ибо у тех и у других «жизненно важные интересы близко смыкаются». Неофашисты не скрывают надежд, которые они возлагают на этот союз с Пекином: под броскими лозунгами вроде «Китай спасет Европу» они пишут о возможном «возвращении восточных земель», о «воссоединении немцев», точнее — поглощении ГДР.

«В Пекине, — подчеркивает финская «Кансан уутисэт», — Штраус получил полное одобрение своим взглядам». Сам Штраус, вернувшись из поездки, заявил мюнхенскому еженедельнику «Квик», что представители Китая очень настойчиво говорят о «единстве немецкой нации». Добиться такого «единства», «воссоединения» и «возвращения», по уверениям маоистов, будет нетрудно: ведь не за горами, убеждали они своего гостя, «неизбежное третье мировая война», которая разразится «в самое ближайшее время», что позволит «пересмотреть» карту Европы. В этой связи гамбургская «Вельт» обращает внимание на «необычный пункт» программы минувшего визита — на встречу Штрауса с заместителем начальника генштаба китайской армии Ли Да (стоит также отметить его переговоры с Дан Сяо-Пином, который ныне стал начальником генштаба). Пекинские руководители, как явствует из сообщения агентства ДПА, информировали гостя о своих военных концепциях и показали ему оборонительные сооружения, построенные «на случай войны». Он побывал и в частях НОАК, у китайских солдат, которые «следуют призыву председателя Мао готовиться к войне». Не желая отставать от хозяев, Штраус, по словам корреспондента агентства Рейтер, заверил их, что «Западная Европа стремится достичь боеготовности, которая убедила бы ее врагов (!) в том, что она настроена серьезно...»

Словом, даже самому неискушенному читателю становится ясно, что Пекин пытается сколотить нечто вроде единого фронта сил, заинтересованных в ревизии, «пересмотре» итогов второй мировой войны. Но это путей затея. «Ошибаются реакционные круги ФРГ, — пишет «Кансан уутисэт», — если они надеются с помощью Пекина осуществить вынашиваемые ими реваншистские планы по изменению карты Европы, поглощению ГДР и т. д. Эти планы так же далеки от осуществления, как и 20 лет назад...» «Новая атмосфера, которая складывается на европейском континенте, — пишет газета «Руде прасс», — не отвечает концепциям «холодной войны».

Некоторые наблюдатели задаются вопросом: подталкивая других к пересмотру итогов второй мировой войны, не забывает ли Пекин, что документы, в которых зафиксировано послевоенное устройство, затрагивают также вопросы, непосредственно относящиеся к Китаю?..

Политика о двух концах

Итак, «оба стороны» состоявшихся в Пекине встреч перед всем миром вновь обнажили сущность своей политики. Укрепляет ли это их позиции? Наблюдатели, которые задаются таким вопросом, дают отрицательный ответ. Они считают, например, что одобрение Пекином наличия американских военных баз в Европе, о чем говорил Штраус по возвращении в ФРГ, никак не служит повышению авторитета маоистской политики в глазах «третьего мира», лидером которого объявляет себя Пекин. Ведь в своих выступлениях в ООН китайские дипломаты требуют «немедленной ликвидации американских баз» где бы то ни было. Какова же цена подобным декларациям?

Глубокое разочарование охватило и «верных друзей Китая» в Европе, европейских маоистов. «Молодые маоисты Европы, — пишет венская газета «Курир», — находятся в состоянии глубокого кризиса доверия: именно баварский председатель ХСС — самый страшный враг так называемых «новых левых» — вежливо представлен руководству Китая. Визит Штрауса «доказывает, что Пекин не причисляет пуританскую политическую мораль к числу своих достоинств». Смятение, как сообщают, охватило маоистов не только в ФРГ, но и в других странах Европы.

Когда немного улеглась «неимоверная пыль», поднятая визитером и китайскими хозяевами, вдруг стало ясно, что и Штраус приобрел не столь уж весомый капитал в результате своего вояжа. Как единодушно считает печать, целью председателя ХСС было нанести удар по восточной политике социал-демократов и свободных демократов и — в предвидении грядущих выборов — повысить свой авторитет как внутри страны, так и на международной арене. «Представляется, однако, — пишет та же «Фурхе», — что во всех уголках Федеративной Республики не возникло особой радости в связи с триумфом Штрауса в Пекине. Господствуют скорее беспокойство».

Обозреватели, не забывшие уроков истории, напоминают о прежних попытках сколотить всевозможные «оси» и о том, чем эти попытки кончились. Число тех, кто ратует за некую «ось Бонн—Пекин», заметно поубавилось. Печать, если не считать неонацистских листков, да, пожалуй, «Байернкурир», сдержанно, а подчас иронически пишет и о блоке с Пекином, и о «баварце в Китае». Не случайно и сам Штраус, вернувшись в ФРГ, почувствовал, пишет «Франкфуртер альгемайне», что в Пекине «его понимают лучше, чем дома». На пресс-конференции в Мюнхене он был вынужден отхрещиваться от идеи «создания оси Бонн—Берлин», признав тем самым бесперспективность вынашиваемых правыми надежд.

Не удивительно, что даже деятели западногерманской оппозиции, учитывая реакцию общественного мнения, вынуждены публично отмежевываться от высказываний Штрауса в Пекине. Журнал «Шпигель», ссылаясь на окружение председателя ХДС Г. Коля, утверждает, что Штраусу «крайне повредили те слова, за которую он получил доступ к руководителю Китая». «Шпигель» говорит, что один высокопоставленный деятель ХДС задается вопросом: думал ли Штраус вообще в Пекине о том, что теперь в предвыборной борьбе аргументы СДПГ станут убедительнее, чем прежде!

Представитель Свободной демократической партии подчеркнул в своем заявлении, что высказывание председателя ХСС в Пекине «полностью противоречат политике разрядки международной напряженности. Они, возможно, нравятся пекинским руководителям, но наносят ущерб политике обеспечения мира в Европе». Федеральный канцлер Г. Шмидт, выступая на днях в земле Рейнланд-Пфальц, отверг требование Штрауса перенести акцент в восточной политике ФРГ на Китай. «Мы стремимся, — сказал Г. Шмидт, — к нормальным отношениям с КНР... Но мы не хотим подвергать опасности процесс нормализации отношений с Советским Союзом необдуманными разговорами. Никто в ФРГ не должен поддаваться искушению, находясь в одной большой стране, разжигать воинственные настроения и призыву против другой страны».

Мнение прогрессивных сил Западной Германии выражено в заявлении члена президиума правления ГКП К. Бахмана, в выступлениях прогрессивных органов печати. «Маневры Штрауса и его сторонников не могут остановить процесс разрядки», — говорит К. Бахман. — Разрядка остается главной тенденцией международной жизни благодаря мощи Советского Союза и других социалистических стран, благодаря борьбе, которую ведут народы».

Борис [redacted]

Мастера культуры социалистических стран

С. МАШИНСКИЙ

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ИЗВЕСТНОГО БОЛГАРСКОГО ПИСАТЕЛЯ ЭМИЛИЯНА СТАНЕВА

На этой фотографии изображен Эмилиян Станев, крупнейший современный писатель Болгарии. Он сидит в своем небольшом рабочем кабинете, расположенном в доме на одной из тихих, боковых улиц Софии. Волевое, энергичное лицо. Он кажется явно моложе своих шестидесяти восьми. Очки в золотой оправе, плотно сидящие на тонкой переносице, придают этому человеку некоторую суровость и делают его чем-то похожим на ученого-профессора, возможно — естествоиспытателя.

Это впечатление усиливается, когда окидываешь взглядом его кабинет, в котором царит строгий порядок и нет ничего лишнего; кажется, что все здесь подчинено велениям науки. На двух стенах — рога оленя и несколько призовых медалей. Э. Станев очень гордится своими охотничьими трофеями, коллекцией ружей, а еще больше — наградами и с видимым удовольствием вспоминает историю каждой из них.

У Станева немало рассказов о природе, о животных и птицах. Эти сочинения отдают первозданной свежестью и неподдельной поэзией. В них много света и тепла. Мы с увлечением следим за поведением разных там бенасов, селезней и других пернатых героев Станева.

Но интерес Станева к живой природе носит и особый, я бы сказал, «человековедческий» характер. Охота дает возможность раскрыться каким-то важным граням человеческой души. В охотничьих рассказах Станева слышится очень близкая сердцу русского читателя интонация, знакомая ему от Аксакова и Пришвина. Он говорит:

— В изображении птиц и животных я ищу выражение мудрости природы и в конце концов пытаюсь постигнуть душу и разум человека, его отношение к миру природы, ищу выражение мудрости жизни.

Эмилиян Станев вспоминает первые свои шаги в литературе. Они относятся к началу тридцатых годов. За четыре с лишним десятилетия он выпустил много книг — кажется, во всех мыслимых жанрах прозы: крохотная новелла соседствует с повестью и обширным эпическим романом. С равной силой в этих произведениях раскрывается большое и самобытное дарование художника.

Излюбленным героем молодого Станева был «маленький человек» старой болгарской провинции. Заботам и тревогам этого героя писатель очень сочувствовал, видел в нем воплощение сокровенных свойств народного характера. В тех же рассказах порой звучал и сатирический мотив, обличавший мещанство и то искажение человечности, которое было порождением собственнического мира старой Болгарии.

Э. Станев — писатель острой социальной мысли. Она пробивалась уже вполне отчетливо в довоенных его произведениях. Со временем она становилась все более глубокой и зрелой. Значительным рубежом в духовном развитии Станева явился сентябрь 1944 года.

— Сентябрьская революция, — вспоминает он, — внесла такие перемены в общественное бытие и сознание моего народа, что заставила меня, как и многих других писателей, совершенно по-новому взглянуть на жизнь, на прошлое и настоящее моей страны. Решительно возобладал интерес к явлениям общественным и проблемам социально-философским. Революция дала мне крылья и вооружила новым отношением к миру.

В самом творчестве Станева результаты этого процесса дали себя знать не сразу. Вернее сказать так: крупные свершения на этом пути явились несколько позднее. Одно из них — роман «Иван Кондарев».

Это большое художественное полотно, в котором изображена жизнь Болгарии в годы после первой мировой войны, а также трагических событий антифашистского сентябрьского восстания 1923 года переплетено с философическими раздумьями о судьбах людей, о сложных и прихотливых перепутьях истории. В центре романа — образ Ивана Кондарева, человека большого сердца и мужества, страстно ищущего правду на земле и обретающего ее в самоотверженной борьбе за счастье народа.

Роман получил всеобщее признание в Болгарии и обрел всесветную известность.

* * *

Э. Станев долго и увлеченно рассуждает о природе исторического романа. Самое главное, замечает он, состоит в том, чтобы художник продолжал оставаться современно мыслящим человеком, в какое бы стародавнее прошлое ни погружалось его перо. Для писателя важно уметь перевоплотиться в своих героев, проникнуться их сознанием, овладеть их языком и вместе с тем не утратить живой связи со своим временем. Но боже упаси поддаваться соблазнам поверхностных аллюзий или того, что Пушкин называл «применениями». Они противопоказаны реалистическому искусству, любому искусству вообще.

Связь прошлого с настоящим истинный художник осуществляет в формах более тонких и действенных. Я говорю Станеву, что в его «Легенде о Сибине», хотя эта повесть посвящена событиям самивековой давности, угадываются интонации, близкие к «Кондареву» да и к некоторым произведениям писателя о сегодняшней Болгарии.

— Все мои сочинения взаимосвязаны. Вы знаете, — продолжает он, — иногда мне кажется, что все они — части одной большой книги, которую я всю свою жизнь пишу. И еще скажу вам: писатель от себя никуда уйти не может, его гражданское самосознание и отношение к миру всегда при нем — на каком бы материале, современном или историческом, ни строилось его сочинение.

Своеобразие «Легенды о Сибине» — в обостренном восприятии нравственно-философских проблем. Сам автор говорит, что эта повесть написана в форме, отчасти напоминающей древние жития, и представляет собой философское размышление о некоторых проблемах жизни.

— Мне самому, — замечает Э. Станев, — трудно определить жанр своей повести. Да это и не дело писателя. Пусть разбираются в том критики и литературоведы. Но, возможно, моя давняя антипатия к западно-модернистским изыскам стихийно утверждала меня в привязанности к старой, житийной структуре повествования — синтетичной, ясной, простой и вполне совместимой с современным взглядом на мир.

«Легенда о Сибине» привлекает широтой и емкостью своего содержания. Борьба бога и дьявола, света и тьмы, добра и зла олицетворяет в этой повести непримиримый конфликт между человечностью и выступающей в разнообразном обличье несправедливостью. Ощущение неустроенности и нравственного разлома мира выражено в «Легенде о Сибине» с пронзительной и трагической силой.

В известном смысле примыкает к «Легенде о Сибине» и повесть «Антихрист», так же как и предшествующая, добротно переведенная на русский язык М. Михелевич.

События в этой повести развертываются в XIV веке на фоне яростного противоборства сторонников христианства и еретиков. В центре повествования — драматическая судьба монаха Теофила, историй его нравственных и физических испытаний. Поэт и вольнодумец, грешник и святой, Теофил вступает в неизбежный конфликт со своим веком, ратуя всем горьким опытом своей жизни за новые, более справедливые отношения между людьми.

История духовных скитаний бывшего монаха Теофила становится исследованием глубинных пластов народной жизни.

В разговоре с Эмилияном Таневым выясняется, что «Антихрист» — одна ли не самое любимое его сочинение. Суровый эпический план сюжета включен в общую лирическую атмосферу повествования, в которой временами довольно отчетливо слышится голос автора, его открытая симпатия к своему герою и его собственные раздумья о разнообразных явлениях современной действительности.

И снова беседа наша как-то сама собою возвращается к теме, чрезвычайно близкой Станеву, — своеобразию и специфике исторической прозы. Как же современность проглядывает в двух его исторических повестях?

— О, это непростой вопрос. В лоб на него ответить невозможно. Когда обе книги писались, я воспринимал их, как исторические; когда же они были завершены, я думаю о них так, точно они созданы на современном материала. История здесь — экран, на котором как бы сами собой проецируются современные проблемы.

* * *

Творчество Станева отличается ярким национальным своеобразием. В его произведениях, по словам болгарского критика Бояна Ничева, болгарин и болгарская природа оживают в своих пластичных и неповторимых формах. Сам Станев говорит, что его как художника заботит, в сущности, один главный вопрос — в чем состоит тайна человеке.

— В историческом романе или повести, — продолжает он, — меня занимают не исторический антураж, не внешние приметы быта, а прежде всего характер человека, его душа. Вот феномен, который всегда будоражит воображение и мучает художника. Внутренний мир людей прошлых эпох создает для него дополнительные трудности. Не надо только думать, что эти люди были в духовном отношении беднее нас. Они были другими. Какими же? Вот на этот вопрос и обязан ответить писатель. Ваш Достоевский, помнится, нередко повторял, что человек есть самая сокровенная тайна, и проникнуть в нее — высший долг художника.

Я спрашиваю Станева: к художественному опыту каких писателей прошлого он особенно восприимчив, кто из них оказал на него наиболее ощутимое влияние?

— Писатель, — отвечает мой собеседник, — наделен особо чувствительным душевным аппаратом. Ни одна встреча с кем бы то ни было не проходит для него бесследно, тем более — встреча с крупным явлением искусства. Он, как губка, все впитывает в себя. Но я не могу отдать себе ясного отчета, кому из великих художников прошлого я должен быть обязан больше других. Я могу лишь сказать, что из русских писателей мне особенно интересно бывает общение с Достоевским и Толстым, умевшими глубже и тоньше других заглядывать в душу человека.

— Какое место занимает поиск формы в процессе работы над новой книгой?

— Каждый новый роман властно требует иной структуры, иного построения сюжета, иных принципов выявления характера. Я не могу сесть за новое сочинение, если его форма не овладела мною, если я не нашел соответствующих его содержанию и философии манеры повествования, образной ткани, тона, музыки слова. Когда я писал, например, «Антихриста», то с большим трудом вживался в непривычную для меня форму. Я как бы облачал себя в рясу. Эта форма долго держала меня в напряжении, пока я не овладел ею и не перестал ее замечать.

Э. Станев говорит в этой связи, что каждая новая книга должна быть открытием. Это не значит, что она им всегда становится, но к этому надо стремиться. Писатель не имеет праве повторяться.

— Я не могу свою работу превращать в гончарное производство.

Э. Станев говорит о том, сколь трудна и ответственна писательская работа.

— А знаете, что всего удивительнее: чем старше становишься, тем больше убеждаешься, как много ты еще не умеешь. Один из парадоксов нашей профессии в том, что с годами сопротивление материала возрастает. Писатель учится видеть свои недостатки, коих он прежде не замечал. Он становится требовательнее к себе и более зорким. А этот процесс не имеет предела. Вот почему с каждым часом работа идет все труднее...

...Я смотрю на полки с книгами Станева, изданными во многих странах мира, и на усталое лицо хозяина этого кабинета. Сколько же труда и бессонных ночей спрессовано в них! А заботам нет конца! Удостоенный многих почестей и званий — Герой Социалистического Труда, народный деятель культуры, лауреат ряда премий, — Станев продолжает вести жизнь неутомимого труженика.

Сейчас у писателя горячая пора. Завершается работа над новым романом. Тоже историческим. Он посвящен важным событиям в истории освободительной борьбы Болгарии. В сущности, это тема всего творчества писателя. Но каждая новая его книга — ступенька, ведущая читателя вверх, к более глубокому познанию судьбы Болгарии и живой души ее народа.

КТО. ГДЕ. КОГДА

«Потрясающая правда»

Польское телевидение показало недавно пьесу Дануты Бжоско-Мендрык и Вацлава Флориовского «Процесс». Об истории создания этой постановки рассказывает в варшавской «Трибуна люду» критик Роман Шидловский.

Данута Бжоско-Мендрык была во время гитлеровской оккупации узницей концентрационного лагеря в Майданеке. Одна из надзирательниц этого лагеря — Германния Брауншгайер — отличалась особой жестокостью в обращении с заключенными. После войны ей удалось бежать в США, скрыв свое прошлое, но в конце концов она была разоблачена и судима. Свидетельницей на процессе выступала Данута Бжоско-Мендрык.

Эта история убедительно и впечатляюще показана на малом экране. Как пишет Р. Шидловский, большая заслуга в удаче спектакля принадлежит актрисе Ришарде Ханин, исполнительнице главной роли — свидетельницы на процессе. Ей удалось передать чувства женщины, которая во имя торжества справедливости вынуждена была вернуться к тяжелым переживаниям времен оккупации.

На снимке: сцена из телеспектакля

По книге Садовяну

Ведущий режиссер румынского кино Мирча Дрэган закончил работу над экранизацией первой книги Михаила Садовяну «Ученичество Ионуца» — «Братья Ждерь». Фильм воспроизводит события второй половины XV века. По мнению румынской критики, Мирче Дрэгану удалось сохранить дух оригинального произведения и создать фильм, который можно назвать и эпопеей, и хроникой, и фольклорной поэмой.

На снимке: кадр из фильма

Кинематограф борьбы

В Алжире состоялся IV конгресс Панафриканской федерации кинематографистов (ФЕПАССИ), объединяющей деятелей кино 33 стран. Он носил боевой, антиимпериалистический характер. Принятые в Алжире резолюции и рекомендации будут способствовать появлению фильмов, отражающих чаяния и надежды народов африканского континента. От имени Союза кинематографистов СССР конгресс приветствовала председатель иностранной комиссии союза Н. Волченко. В советскую делегацию входили также кинорежиссер Т. Очеев и критик С. Чертов, принявшие участие в творческом симпозиуме.

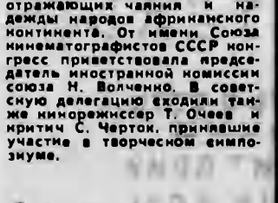
Право силы

Трое гангстеров, проникших в квартиру нью-йоркского архитектора Керси, изнасиловали его жену и дочь. Жена умирает, дочь сходит с ума. Полиция не может выявить бандитов, и тогда Керси вступает в единоличную борьбу с нью-йоркским преступным миром. В результате кровавого самосуда процент преступности в Нью-Йорке снижается. Примеру мстителя-одиночки следуют другие граждане. Ввиду всеобщей симпатии к нему населения полиция не решается арестовать Керси.

Таково краткое содержание фильма «Жажда смерти» (режиссер Майкл Уиннер).

За последнее время в США появилась целая серия кинокартин, призывающих к кулачной расправе и суду Линча. В обстановке растущей преступности создатели их умело играют на страхе и чувстве бессилия терроризированных обывателей. Они не разоблачают социальных условий, порождающих преступность, но внушают публике, что при желании справиться с бандитизмом легче легкого.

Часть американской прессы положительно расценивает фильм, указывая, что он призывает власти усилить борьбу с преступностью, но в США раздаются и другие голоса. Например, газета «Нью-Йорк таймс» упрекает создателей ленты в «безответственной эксплуатации страха». Резкий отпор встретил этот фильм в ФРГ. «Самой гнусной из разновидностей американских полицейских картин» называет его западногерманская пресса.

На снимке: кадр из фильма

Можно ли заглянуть в будущее? Известный французский писатель Фелисьен Марсо считает, что во всяком случае можно заглянуть в газеты, которые будут выходить во Франции лет через десять. С присущим ему юмором Марсо рассказывает, как, по его мнению, в этих газетах будет выглядеть литературная и театральная хроника. Конечно, «мнение увиденного писателем в будущем таится где-то в настоящем, и он избрал сатирическую форму лишь для того, чтобы описать некоторые характерные черты кризиса культуры в «обществе потребления».

Франсуа Нурисье, другой французский писатель, по-иному составляет свой футурологический прогноз. Мы находим в его статье размышления о том, что внесли и что смогут внести во французскую литературу различные существующие в ней направления. Публикуемые нами — разные по жанру — две статьи из парижского еженедельника «Нэф» рассказывают, в сущности, об одном: о том, что волнует французских писателей сегодня.

С УЛЫБКОЙ...

ЧИТАЕМ, СМОТРИМ, РАЗМЫШЛЯЕМ

Фелисьен МАРСО

Стервец, но не скотина

Если вы сидите, встаньте! Если вы стоите в шляпе, снимите шляпу! Ура! Ура! Ура! Наконец-то перед нами настоящий роман-роман-роман-роман!

Два слова по поводу этого термина, который может показаться несколько странным. Примерно в 1973 году — старые книжные черви еще помнят те времена! — критики избрали выражение «роман-роман» для обозначения книг, в которых можно было обнаружить так называемые перипетии. Довольно быстро «роман-роман» стал чем-то вроде разбухших газетных сообщений из раздела «Происшествия», и тогда критика заговорила о «романе-романе-романе». Великолепен был урожай 1978 года, прекрасная эпоха расцвета четырех Ш: Шевесо, Шевалю, Шлю и Шордона. Выметавшись, и они, однако, начали отказываться от интриги. (Шевалю на отдыхе написал отличный трактат о выращивании помидоров.) Вот почему, говоря о «Стервеце, но не скотине», я предпочитаю называть эту книгу «роман-роман-роман-роман».

Кристиани Тюль позволяет увлечь себя (и увлекает нас) самой необузданной игрой воображения. Не боясь враждебных наскоков структуралистов, она осмеливается дать своему роману сюжетный стержень! Сюжет! И какой!!! Друзья мои, если вы сидите в кресле, вцепитесь в его ручки, ибо я собираюсь сообщить вам весьме незаурядный сюжетец: мужчина встречает женщину. Блистательно! Я не посягаю на удовольствие, которое испытает читатель сам, малопомалу открывая, что может произойти после столь неожиданного начала. Успех романа поистине сногсшибателен.

Театральная хроника

Вчера, выступая по телевидению, министр культуры поделился своими мыслями о принятом недавно законе, согласно которому посещение театров стало не только бесплатным, но и обязательным.

Министр напомнил, что в 1979 году было предложено награждать каждого посетителя театра небольшой премией. Наши читатели, конечно, не забыли о многочисленных и шумных манифестациях протеста, проходивших под лозунгом: «Французы не продаются!» Если воспользоваться словами министра, следовало изыскать радикальные средства, которые позволили бы «взять быка за рога». И это сделано. Законом от 30 марта театр и кино провозглашены местами, периодическое посещение которых обязательно для всех граждан.

Результаты этой энергичной меры незамедлительно дали себя знать. Наконец-то в Париже, опять ставшем театральной столицей, залы вновь набиты битком от партера до галерки. Вчера вечером была отдана дань классике и шла «Сатиновая туфелька», предназначенная для 41-й пехотной дивизии; новую пьесу «Скинь свое болеро, Лоретт» смотрели обитатели улицы Вожирар (четные номера); другая новинка — «Слон на ухо» — радовала взор и слух обслуживающего персонала компании «Эр Франс» (фамилии, начинающиеся на А, Б и В); фильм Ингеборг Трютт «И маргаритки заржали» шел для работников телевизионных студий. Взрывы аплодисментов и веселого смеха неизменно сопровождали спектакли. Наши тестометрические приборы зарегистрировали жизнерадостные восклицания: «Сила!» (62 процента), «Ну и дают!» (22 процента), «Почище футбола!» (15 процентов), «У меня вроде бы стали прорезаться мысли!» (3,8 процента).

Телевидение: скандал вокруг «Глаза Каина»

Административный совет французского радио и телевещания собрался вчера утром, чтобы высказать свое мнение по поводу «Глаза Каина», поставленного Бернаром Блотом.

Эта постановка и завертевшаяся вокруг нее история действительно вызвали живейшее волнение. Как известно, Бернар Блот так зарвался, по выражению одного из его коллег, что поставил спектакль, в котором рекламе не уделено и двух слов! Каким путем он действовал? Где почерпнул вдохновение? Разум теряется в догадках. Как бы там ни было, выступая на административном совете, Блот смог сказать в свою защиту нижеследующее:

1. События в поставленной им драме происходят в каменном веке, и поэтому чрезвычайно трудно вмонтировать в нее рекламу какого-либо из товаров современного «общества потребления».

2. Тем не менее постановщик побеспокоился о том, чтобы несколько кадров были отведены достоинствам кремневых камешков для зажигалок фирмы Жан Жак, но, к сожалению, эти кадры не вошли в окончательный вариант спектакля.

3. По данным тестометра, передачу смотрели и слушали только 0,0002 процента телезрителей. Это заставляет предположить, что ее видел только сам Блот, его жена и двое их совсем малолетних детей, которые еще не пользуются зажигалками. В этих условиях Блот полагает, что он не нанес существенного ущерба законным интересам «общества потребления».

...И ТРЕВОГОЙ

Франсуа НУРИСЬЕ

Я — НЕ ПРОРОК

Предвидеть в области литературы не значит предсказывать, нет; это, во-первых, просто высказать определенные надежды, во-вторых, констатировать определенные факты. В самом деле, десять лет — как раз тот срок, который необходим плодовитому автору, чтобы написать и опубликовать четыре-пять книг, с автору более скромному — одну или две... Ясно, что потрясения основ от этого не последует. Десять лет — это, к примеру, путь человека от страстной увлеченности чтением в пятнадцатилетнем возрасте, определившей всю его дальнейшую судьбу, до выходе в свет его первой книги... и спрашивается, успел ли он сам перемениться за эти годы? Я отнюдь в этом не уверен. Короче, десять лет — и слишком много, и слишком мало.

Именно поэтому думаю, что не следует чересчур доверять моде. К примеру, в момент, когда пишутся эти строки, все толкуют лишь о всякого рода неудачах под впечатлением нефтяного кризиса и вздорожания сырья. В предвидении дефицита всех материальных благ уже поговаривают о необходимости сократить количество выпускаемых книг, уменьшить тиражи «карманных изданий». Иные забавляются картиной будущего западного общества, лишенного книг, а затем — кто знает? — и газет. Великолепный фильм Флешмана показывает нам Нью-Йорк 2002 года, в котором давно уже не издается никакой прессы и где лишь немногочисленные, убеленные сединами человеческие ископаемые хранят у себя последние известные книги.

Не следует, как мне кажется, поддаваться подобному «катастрофизму». Вынужденное прекращение разбазаривания материальных благ еще не означает возврата к доисторическим временам. Может быть, прежде чем отказаться от переиздания Монтеня, предпочтут начать с экономии оберточной бумаги... Хорошо, что на прилавках книжных магазинов сейчас в изобилии громоздятся произведения классиков литературы, наконец-то выпущенные в дешевом издании. Хуже другое: каждый год издатели выбрасывают на рынок сотни романов, обреченных на полное забвение. Есть, следовательно, основания надеяться, что дух бережливости повлечет за собой известное повышение качества продукции.

За исключением восьмидесятилетних и семидесятилетних мастеров, оставшихся среди нас — Арагон, Перс, Мальро, Шар, Жув, Грин, — можно, не рискуя обидеть кого бы то ни было, констатировать, что наши великие деятели литературы, а общем-то, деятели среднего масштаба. Нет среди них и пятидесятилетнего писателя, который подавлял бы всех своим величием; нет и такого, чье влияние вызывало бы бурные споры. Поколение молодых не желает больше иметь наставников, которые учили бы его мыслить, да их и нет. Место этих наставников заняла известная общность терминологии и модных увлечений, которую я назвал бы «господствующей идеологией». Эта идеология господствует в университете и среди известной части прессы. Наверно, никогда еще во Франции профессора вкупе с горсткой журналистов, пишущих для них и в их стиле, не «властвовали» в такой мере над частью литературы. Ведь это университетские критики создали славу «новому роману», и они же сегодня оглушают нас толками о «языке», «структурах», «речевом потоке». Это они смакуют все нелепости типа: «роман есть бессилие романа воплотиться в роман», а также рассуждения о литературе «гипотетической», о «письме-западне», о «Смутном Голосе», который «диктует книгу», о «работе текста», о «под-рыв-ной функции глагола», о «дистанции между читателем и книгой», о «требовательном слове», о «диалоге, который писатель ведет со своим языком на протяжении книги».

Всем этим профессорским забавам, возможно, весьма полезным для тренировки умственных способностей и способным привести в восторг несколько десятков молокососов, а также побуждающим писать диссертации, доить Национальный совет научных исследований, выступать с заумными лекциями по радио — всем этим забавам свойствен тот недостаток (а может быть, и преимущество), что они превосходно уживаются с творческим бесплодием.

Ничего не имея против этого пустословия, все же можно предвидеть и надеяться, что оно иссякнет. Уже сейчас зрелые писатели весело посмеиваются над этим «терроризмом», те же, что помоложе, используют лишь его внешнюю форму, видимость. Писатели поколения 20—25-летних начинают выпускать книги, емкие по содержанию, выдержанные в свободной манере, наполненные лиризмом, фантастикой и резкостями, книги «непочтительные» к указам провинциальных профессоров философии.

Мне кажется, что эта эволюция, это возвращение к творческому здоровью и к творческой свободе в будущем должны развиваться ускоренным темпом.

В рамках этих усилий и будет развиваться литература будущего, свободная и от опаски современного литературного терроризма, и от страха перед ним.

Ведь если говорить о романе, то действительно значительные произведения всегда появляются неожиданно, подобно островам вулканического происхождения, вырастающим из океана и свидетельствующим о каком-то скрытом, тайном процессе. И потому во всех тех случаях, когда книги новых авторов заслуживают интереса, они не отвечают господствующим канонам, и предсказать их появление невозможно. Странным образом — почему только никто этого не заметил? — самые модные теории еще не вызывали к жизни ни одного нового произведения, заслуживающего внимания. Если в период с 1955 по 1965 год шкафы издателей ломились от рукописей в стиле «нового романа», «объективизма», рукописей, свободных от всего «утробного и психологического», зато изобилующих описаниями новых клеток и жалюзи, то в то же время это стремление угнаться за модой не породило ни одного нового, неизвестного прежде, писателя. Отдельные рецидивисты от литературы перешли в ряды авторов нового стиля. Писательские же звезды, отнесенные критикой к течению «нового романа», выпустили несколько книг — кстати, каждая последующая все больше и больше отдалялась от первоначальной модели, — однако все эта творческая и идеологическая суета оказалась бесплодной. Это относится как к молодым, так и ко всем прочим писателям. Наставники авангардистского толка вынуждены сами кидаться навстречу всему новому — чтобы попытаться аннексировать это новое.

В последние годы мы наблюдали довольно-таки комический крах всех идей, двадцать лет назад провозглашенных как некий догмат веры. Поистине лишь чванная неулыбчивость определенного рода критиков могла помешать им разразиться громким смехом и радостно воскликнуть, что король-то, оказывается, был гол. Зато молодые, совсем молодые люди втихую, тайком разгляделн эту умилую наготу своих лжеучителей и отвернулись. Я верю всей душой, что начавшийся процесс освобождения писателей от всяческих догм в ближайшие годы достигнет своего расцвета. В противном случае читатели, со смехом или с отвращением, откажутся от литературы, равнодушной к их потребности находить в книгах жизнь, человеческие образы, мечту.

В этой пустыне — а ведь не так легко заставить писателей замолчать — возможно, еще расцветут несколько замечательных, крупных неожиданных творений, благодаря которым наша честь будет спасена. Из этого неожиданного только и складывается литература. Все прочее — журналистские склоки, мелочные споры рецензентов, болтовня, пригодная разве лишь для профессорских аудиторий. Дожидаться неожиданного, предвидеть непредвиденное, поддерживать тлеющий огонь... сами видите: долго распространяться об этом было бы абсурдом...

Нет, я не вижу никакой другой бесспорной истины, коей я мог бы заключить настоящую статью, я которой, должен признаться, я не сумел, да и не пожелал выступать в роли пророка.

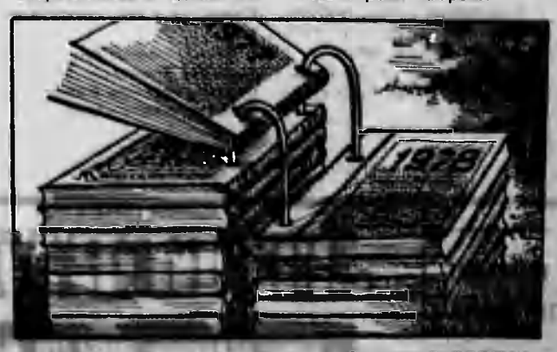

Рисунок В. ПЕСКОВА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОТА И КОПЫТА

● КТО ЕСТЬ КТО

Всего три дня понадобилось т. Скворцову для того, чтобы уточнить, кто изображен на обложке детской книжки: корова или лошадь? Отнет обескураживающему титулу для стенгазеты «Это конь».

● ОБЪЯВЛЕНИЯ

Сегодня в Театре Сатиры состоится творческая встреча с К. А. Петровым, в первый раз угадавшим 6 цифр в «Спортлото».

● ПРОИСШЕСТВИЕ

Это случилось ночью. В одном из темных переулков на окраине одного столичного города. Инспектор уголовного розыска А. П. Синькин поймал такси.

Мих. РАСКАТОВ

Я понял сразу

О, глаз твоих ночные угли,
В которых звезд струится шелк...
Я понял сразу, что безумен,
Я понял сразу: я пошел.

И. САВЕЛЬЕВ

Был трезв сурово
в подворотне.
Не ел и денег не просил.
Я понял сразу,
что голоден.
Я понял сразу. И поел.

За блюдом блюдо ел
без счета,
А в горле сухо — мету сил!
Я понял сразу!
Я понял сразу: пить охота.
Я понял сразу. И напился.

Потом опять пошел.
не трусь.
Увидел рысь —
не задрожал,
Не понял сразу,
что укусит.
Я понял сразу. И сбежал.

Давным-давно
случилось это —
Я сочинил стихи, увы,
И понял,
что рожден поэтом.
Я понял сразу. Ну, а вы!

Михаил ВЛАДИМОВ

Уволенный ветряк

Вот в паутинах,
словно в инее,
комбайн у стана
своего.
Кому ж
нужны
в соседстве
с мальчишками его!

Уж лучше б ветряки
оставили.
Дмитрий КОВАЛЕВ

Не узнаешь больше нам в.
Не узнаешь сам,
Глупо.
Сеху «ушли».

Вчера уволен.
Кабину продали в ...
Читаешь с этим
не выписывать
«Нафи», «Сельскую»,
«Читальню», «Тире...
Ну, в шину мокнешь
выписки
«Дождь вероятный»
и «Прогноз».
Айда с кругом.
А тошно слышать
Везде, где хочешь,
Грязь меси...
Пожалуй,
здесь мне делать
нечего.
Вязнуть!
Запретят... такси

ФРАЗЫ

● *Ошибки тоже бывают положительные и отрицательные.*

● *И вредный человек может стать полезным ископаемым.*

● *На наждом шаге врать — с ноги собьешься.*

Эрнест ВЕСТИН

● *Порой званый гость хуже двух незваных.*

● *Крокодиловы слезы чаще появляются у людей.*

Леонид МЕРСЕСОВ

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «КЛУБА ДС»

ВРЕМЕНА ГОДА

РАССКАЗ

Владлен БАХНОВ

— Я ПОДНИМАЮ этот бокал, — торжественно проговорил Саша, разлив по двум стопкам остатки рубиновой гамзы, — я поднимаю этот бокал за понедельник. Это — начало рабочей недели. И мы с тобой, Васек, прямо с понедельника начнем новую жизнь, приступим наконец к осуществлению нашей мечты. Довольно валять дурака! Тебе сегодня стукнуло двадцать шесть — самое время начинать. В тридцать мы станем кандидатами, в тридцать пять — докторами и так далее... Я верю в твой талант!

— Спасибо, Сашок... — и друзья с глухим стуком сдвинули стопки.

В полупустом кафе играла радиола.

За окном в фиолетовых декабрьских сумерках медленно проплывали пушистые снежинки.

— Вообще-то, честно говоря, жаль, что столько времени потеряно даром, — Василий закурил и медленно, красивой струйкой выпустил дым. — После института за три года мы уж могли бы кой-чего успеть... Да.

— Ничего страшного! — благодушно отмахнулся Александр. — Главное, что у нас есть мыслишки, что мы не боимся работы! Вот. Ты сам в нашу идею веришь?

— Спрашиваешь! — убежденно сказал Василий и, как-то ловко содрав с бутылки рислинга пластмассовую пробку, наполнил фужеры.

— И я верю, и, значит, все будет о'кей! — Саша поставил на стол пустой граненый стакан. — А то, что мы вот так попиваем винцо, философствуем, фантазируем, в этом ничего плохого нет...

— Вот и я говорю! — согласился Вася. — Нам по двадцать девять лет, вся жизнь впереди, и сегодняшний день — это только трамплин для прыжка в будущее.

— Значит, с понедельника начинаем? — строго переспросил Саша.

— Же-лез-но! — отчеканил Василий и тряхнул пышной русой шевелюрой. — А ты смотри, какая метель разгулялась!

— Февраль. В феврале всегда метели, — констатировал Александр и, разливая цинандали, мечтательно добавил: — Нет, ты только представь себе: понедельник, шесть часов, все расходятся по домам, в лабораториях тишина...

— Эх, как мы будем вкалывать! — воодушевился Василий. — И пусть в понедельник в Лужниках грандиозный футбол, пусть на улице май... Я забываю и про футбол, и про весну, я отменяю свидание с Надей...

— С Женей, — поправил Саша.

— И с Женей, — легко согласился Василий. — С понедельника все, что мешает работе, а главное — вот это, — и он указал на бутылку «Плиски», — все побоку! За нашу работу, за понедельник!

Друзья чокнулись, пожевали лимон и поглядели в окно, где под раскаленным августовским солнцем плавился асфальт и грустно шевелил листвой одинокий клен. Саша улыбнулся:

— А представляешь, как наша шарага удивится, когда в один прекрасный день мы скромненько выложим на стол пухленькую папочку с кой-какими интересными расчетами! А?

— Да, это для них будет сюрпризом! — захохотал Вася. — А то ведь эта молодежь думает, что если нам уже за тридцать, а мы вроде бы ничего еще не сделали, так на нас уж рукой махнуть можно! Так, мол, в младших научных и засохнем? Нет, брат, рано еще нас отпевать!

— Рановато! — поддержал Александр. — Ну что, по домам?

Но уходить из уютного кафе не хотелось. Уж очень слякотно было на осенней улице. Октябрьский ветер швырял в стекла пригоршни дождя. Желтый кленовый лист прикленлся к окну, изо всех сил пытаясь удержаться и не упасть в лужу.

— Ну, Сашок, давай, дружок, на дорожку посошок! — предложил Василий, и то, что фраза получилась рифмованной, так развеселило друзей, что они заказали по последней и снова заговорили о работе и понедельнике...

В зале было жарко и влажно, как в Сандунах. Несмотря на то, что под потолком вращались мощные лопасти вентиляторов и окна были распахнуты настежь, горячий июльский ветер наполнял кафе предгрозовой духотой. Казалось, вот-вот между люстрами проскочит молния и загремит гром.

— Нет, я прямо забыть не могу, какое невезение! — в который раз повторил Александр, обмахиваясь картонной обложкой меню. — Открываю журнал — и что же? Черным по белому напечатана наша кровная идея, а под ней стоит подпись какого-то типа из Сыктывкара. Ну?!

— Плюнь! — равнодушно сказал Василий Егорыч и вытер платком влажную обширную лысину. — Десять лет уж прошло с тех пор, а ты никак не успокоишься. Что, у нас с тобой других научных идей нету, что ли? Вот с понедельника как начнем вкалывать — и все будет о'кей!

Официантка привычно принесла один салат и два стакана.

Василий Егорыч под столом наполнил стаканы какой-то жидкостью. Руки у него дрожали, и несколько капель пролилось на пол. Там, где капли упали, на линолеуме появились круглые с обгорелыми краями дыры.

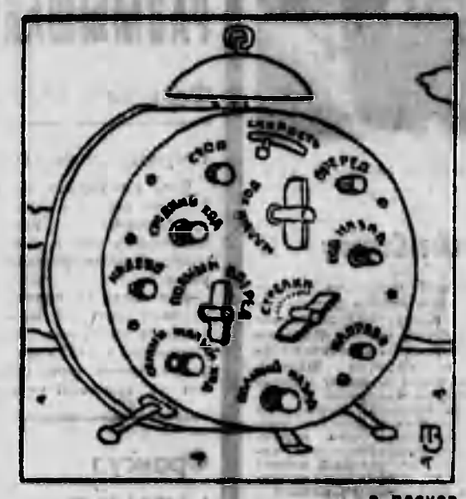
— Ну, Александр Петрович, за твой славный юбилей, — сказал Василий Егорыч. — Все-таки пятьдесят лет... — и друзья чокнулись.

За окнами валил густой снег...

ЧУДАКИ

В. СОРОКИН

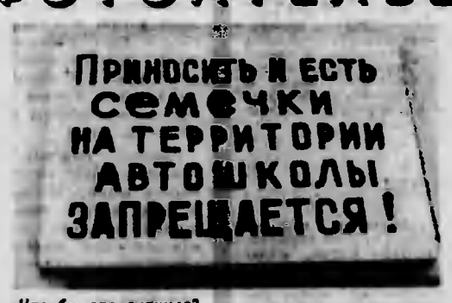

В. ВОГОРАД, Л. ПЕСОК

А. ПАСКОВ

ФОТОАТЕЛЬЕ

Что бы это значило?

Фото Н. ВОРОДИНА

ЧТО главное в боксе? Кто говорит — сила, кто — техника, а кто — хорошая прыгучесть.

А по-моему, ерунда все это. Главное в боксе — голова.

Недавно готовились мы к городским соревнованиям. Смотрю на нашу команду: бой с тенью, груша, скакалки, спарринг-тренировки. А меня смех берет. Где новизна? Где полет мысли?

Раздобыл кой-какую литературку, тензорный анализ подучил, статистическую физику и квантовую механику подработал, теорию вероятностей и теорию информации подзубрил. Дядя Саша, старший тренер, говорит:

— Смотри, Слава, не перетренируйся.

— Не боись, — отвечаю, — дядя Саша, у меня голова крепкая.

Ладно, выходим на ринг. Во втором полусреднем — это моя весовая категория — встречаюсь с Валерой Междусобойченко. Темная майка, светлые трусы. Первая перчатка микрорайона.

Обменялись рукопожатиями, рефери напомнил про запрещенные удары — ниже пояса не бить, открытой перчаткой не ударять, опасные движения головой не допускать.

Гляжу — Валера изготовился к бою, завял правосторонюю стойку. Неудобный, значит, противник.

— Левша? — спрашиваю сочувственно, держа на дистанции.

— Левша, — отвечает удивленно.

— А знаешь ли ты, — веду разведку боем, — что именно асимметрия разделила человечество на две неравные части — правшей и левшей? У нас в стране, например, правшей более 95 процентов, а во Франции — около 92 процентов. У правши стереотипная условно-рефлекторная деятельность акцентирована в правой верхней конечности, управляемой левым полушарием головного мозга, а у левши — наоборот. Сечешь разницу?

Валера глядит ошалело, будто в нокдауне. Рефери на ринге ладонь к уху приложил, чтобы лучше слышать. В зале — тишина. Жесткий рисунок боя.

Тут противник опомнился, пошел вперед и двинул мне прямым правым в челюсть. Не сильно, правда, двинул — переваривал сказанное.

— Вот ведь бьешь без толку, — внушаю ему, — а того не знаешь, что все твои действия происходят не где-нибудь, а в пространственно-временном континууме, и они четко детерминированную причинно-следственную связь. Эйнштейн, он чего говорил? С точки зрения общей теории

СПОРТЗАЛ «КЛУБА ДС»

ОПАСНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОЛОВОЙ

Владимир ВОЛИН

относительности, твой удар, проявляясь в неэвклидовой геометрии пространства, не оказывает, по причине гравитации, силового воздействия на материальную массу, в данном случае на мою челюсть. Усекаешь?

Валера вздохнул, ушел в глухую защиту и со словами «Эх, век живи, век учись!» хлоп себя по лбу открытой перчаткой. Понятное дело — травма, бровь рассечена. Секундант противника из синего угла мне шепчет: «Друг, спиши слова!». Рефери одной рукой скупую мужскую слезу утирает, другой себя по макушке стукает — мол, опасно головой работаешь.

Тут Валера, пользуясь тем, что я с рефери беседую, ввязался в ближний бой и двинул меня слегка боковым левым в корпус. Я лениво зевнул, активизируясь.

— Ничего, — говорю этим совершенно, замечаю достаточно успех. — Зачем же три силы тратить? Только увеличиваешь общую энтропию вселенной. Второе начало термодинамики знаешь? То-то.

Рефери черную бабочку развешал, уши на память делает. Видимо, судьи нервными скрипят — наши кибернетики рулят. Публика свистит. «Мо-зо-дей!» Валере — предупреждение за пассивное ведение боя. Я очки наверно

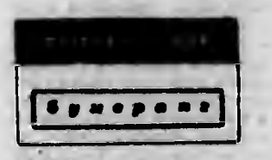
Противник обрел второе дыхание и, войдя в захват, провел серию коротких ударов в голову. Но дядя Саша, старший тренер, недаром учил: в бою важна эффектная заключительная концовка. Ну, я и выдал на последок перед гонгом свой коронный.

— Предсказания, — говорю Валере, — использующие знание вероятности событий, становятся тем точнее, чем длиннее серия событий, в данном конкретном случае — серия твоих неточных ударов. Это еще Яков Бернулли открыл, законом больших чисел называется. И согласно этому закону, вероятность твоих попаданий в цель, по методу Монте-Карло, практически равна нулю.

Что тут началось! Противник в полном расстройстве чувств досрочно на канаты повис в моем углу. Дядя Саша, старший тренер, на радостях впопыхах вафельное полотенце на ринг выбросил. Рефери лежит в техническом нокауте, я над ним стою, секунды считаю, а сам в уме уравнения четвертой степени интегрирую.

Слышу, динамик орет: «Победа ввиду явного преимущества присуждена Станиславу Кочукову, спортобщество «Альбатрос». В зале — овация, и сам себе руку поднимаю, дядя Саша, старший тренер, публику целует.

В общем, провели мы острый, красивый поединок, показали технично грамотный игровой бокс, продемонстрировали волевые бойцовские качества. Так что голова в боксе — первейшее дело.

СЫЗРАНЬ. Г. П. В-ВУ

«Не знаю, кем бы я не мог стать в прошлом, но писателем надо было сделаться хотя бы с горем пополам!»

— Вы, наверное, хотели сказать — с Горьким...

МАЛЬЧИК. Д. М. К-ЧУ

«Когда придешь ты,
я ни знаю,
Когда придешь, тебя
я не узнаю».

— Когда она придет, вы действительно своих не узнаете...

МОСКВА. И. В. В-МУ

«Предупреждаю вас, что одна гадалка предсказала мне, что очень скоро я стану известным писателем».

— Вот тогда мы вас и напечатаем.

СОЧИ. П. С. Т-ВУ

«Вы получили мой юмористический рассказ?»

— Да. Посылаем вам наш сказ-сатиру.

АЛМА-АТА. К. П. М.

«Стоит мне очки одеть,
Я готов на будущее
весь день глядеть!»

— Снимите очки: будущее уже видно невооруженным глазом!

ЛАВКА БУКИНИСТА

Ниже публикуемый (с небольшими сокращениями) фельетон В. М. Дорошевича появился в декабре 1898 года в «Одесском листке» и с тех пор не печатался. Одесский период тогда еще будущего «короля фельетона» дышит молодою силою, овеян жизнерадостностью, ирония легка, не сарказтична.

ИНФЛЮЭНЦА

ВМЕСТО того чтоб слушать на католическом благотворительном вечере чудные стихи Мицкевича, или выслушивать милый вздор «на-под таинственной холодной полумаски», или наслаждаться музыкой «Манон Леско», или хоть смотреть изумительно дрессированных лошадей г. Крутикова, я должен слушать своего доктора, который смотрит мой язык и говорит:

— У вас скверный язык!

— Ах, доктор! Мне это и раньше вас говорили!

— У вас инфлюэнца.

Инфлюэнца так инфлюэнца! Будем болеть этой поэтической болезнью.

Не бросалось ли вам в глаза, что инфлюэнца очень похожа на любовь?

Она задевает сердца, заставляет сильно страдать, скоро проходит, но долго заставляет о себе помнить.

Кроме того, от нее не убережешься.

Она точно так же начинается с того, что вас бросает то в жар, то в холод.

И вам припоминается вся прошлая жизнь. Вы были всегда добрым другом недурной сигары, — и это отзывается теперь в ваших бронхах. Этому бедняге-сердцу было таки много работы, и вы чувствуете в нем колотье. Вы были поклонником милой вдовы Канко, и у вас подергивает ногу.

Дело кончается тем, что вы ложитесь в постель. И принуждены говорить о вечере, на котором читают стихи «польского Пушкина», о прелестной музыке «Манон Леско», об изумительно дрессированных лошадях г. Крутикова.

Говорить об удовольствиях! Удовольствия созданы для того, чтоб ими пользоваться, а вовсе не для того, чтоб о них говорить. Говорить об удовольствиях — это все равно что говорить о еде. Когда человек голоден — это мучительно. Когда человек сыт — это противно.

В самым наторжным в профессии журналистов мне всегда казалось то, что журналисты обязаны говорить об удовольствиях.

Какое это, вероятно, наслаждение — сидеть, слушать оперу и знать, что завтра никому не обязан давать об этом отчета!

Словно положение школьника, который читает книгу для собственного удовольствия.

Вместо того чтобы «давать отчеты», я буду болтать со своим доктором, — благо доктор попался такой, который интересуется не только языком своих пациентов, но и языком богов: языком поэзии, языком музыки.

— Почему вы ни слова не скажете мне о Мицкевиче?

— Потому, мой милый доктор, что я не знаю этого поэта, составляющего гордость своей родины и делающего честь всей славянской литературе. Я знаю переводы Берга, но не знаю стихотворений Мицкевича. Когда-то в думал, что знаю этого «польского Пушкина»: я читал переводы Берга. Но когда мне перевели несколько стихотворений Мицкевича прозой, почти дословно, — тогда я понял, что читал не Мицкевича, а стихотворения Берга, написанные на ту же тему, но без силы Мицкевича, без его красоты, без яркости его образов. Это печальная участь всех иноземных поэтов. Они целиком находятся в руках своих переводчиков. Мицкевич в лице Берга нашел добросовестного переводчика. Но быть только добросовестным в поэзии — это то же, что быть музыкальным в аптеке. Добросовестность — это ноль. Если вы приставите ее еще к какому-нибудь достоинству, — например, к таланту, — она увеличит его значение в 10 раз. Но сама по себе она ничто.

— Парадоксы. Но, впрочем, температура 38. Это естественно! Переменим тему. Видели вы г. Крутикова с его изумительно дрессированными лошадьми?

Влас ДОРОШЕВИЧ

— Нет, не видел, но заочно уважаю г. Крутикова. Он, Крутиков, гуманист: вы слышали, что он совсем обходится без кнута? И считает его лишним. Когда-то людям придется дождаться Крутиковых! Не потому ли, мой милый доктор, люди так часто и делаются скотами, что хотят, чтобы люди обращались с ними получше?

— Температура 38,7... Поговорим о «Манон Леско».

— Если бы она не сделалась дранью, ее история не возбудила бы к себе столько сочувствия и, уж разумеется, никого бы не вдохновила! Представьте себе, что Манон Леско оставалась бы всю жизнь верной, преданной и любящей подругой кавалера де-Грие. Какому композитору пришло бы в голову положить на музыку чистую, нежную взаимную любовь, счастливое супружество, никогда не подвергавшуюся колебаниям верность? Да искусство на это и бессильно. Да и какой бы, наконец, слушатель высидел с начала до конца оперу с таким сюжетом!

— Температура 38,9... Искусство возбуждает в публике сочувствие только к пороку?

— Нет! Но белая добродетель непременно должна отделать себя черным кружевом порока, чтоб ее заметили, ей посочувствовали. Меня радует, когда литература, живопись, музыка стремятся найти «человека» в падшем. Время, когда музыка воспевала сверхъестественные страдания выдуманной Лючии, прошло. Великое, «человечное» веянье века сказалось и в музыке. И она реабилитирует «человека» в падшем. В арии Виолетты в последнем действии «Травиаты» мне слышится человек, и я забываю о том, что предо мной кокотка, которая умирает от чахотки. У Леонкавалло в прологе во все горло кричат: вот вам сейчас покажут, что «актер — человек»! А показывают, что человек — скот. Недда любит Сильвио, и Сильвио любит Недду. Мы видим физиологическую любовь. Но о психологии этой любви, — и даже есть ли в этой любви психология, — нам не говорят. Тонко, — тот любит прямо скотской любовью: готов прибегнуть даже и к силе. Паяц убивает жену, когда узнает, что она ему изменяет. Где же тут «человек», о котором нам кричали на весь театр? У Верди никто не кричит на высоких нотах, что я «кокотка — человек», — он создает полную такого глубокого чувства мелодию, что она берет вас за сердце. Чувство, мой милый доктор, становится все большей и большей редкостью — истинное, глубокое чувство. Чувств все меньше, сентиментальности все больше и больше. Это вот как столовые сервизы в домах. Серебра все меньше и меньше — мельхиора все больше и больше.

— 39... Довольно болтать!

...Я писал все это и, откровенно говоря, думал о другом.

Ведь вот инфлюэнца, кажется, серьезная вещь, хоть кого свалит: 39 градусов!

А журналист сидит себе, да и о ней же пишет!

Публикация В. ПОКРОВСКОГО

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ 103654 ГСП. Москва Ц Цветной бульвар 30 Телефон для справок 295 00 01 доб. 55

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТВАРДОВСКИЙ (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А-01006 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 87 ИНДЕКС 50067